

Жантасов А.Т.

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

2012 год

Об «афганской» войне

Военный конфликт, получивший в СССР название «Афганская война» — это часть гражданской войны в Афганистане, в которой столкнулись две противоборствующие силы: правительство Демократической республики Афганистан и вооружённая оппозиция — афганские моджахеды. Фактически, речь шла о том, кто именно будет править государством и какой курс государственной политики будет в новой стране.

СССР и США оказались втянутыми в войну также по политическим соображениям: советская армия поддерживала вооружённые силы правительства Афганистана, а американские деньги, техника и оружие шли на поддержку моджахедов. Кроме того, оппозицию поддерживали Китай, Пакистан, Иран, Египет, Саудовская Аравия и Великобритания.

Демократическая республика Афганистан (ДРА) образовалась в 1978 году благодаря тому, что в ходе Саурской (апрельской) революции, по сути, коммунистической, Народно-демократическая партия Афганистана и Объединённый фронт коммунистов Афганистана свергли предыдущего президента страны М. Дауда и его режим. Новым высшим государственным органом страны стал Революционный совет, а правящей партией была признана Народно-демократическая партия Афганистана.

Новое правительство взяло курс на масштабные преобразования, который и привёл к началу гражданской войны в Афганистане. Аграрная реформа, весьма похожая на ту, которая была проведена в 20-х годах в СССР, гонения и ущемление прав мусульманского духовенства и законодательная эмансипация женщин — те самые «неугодные» реформы, которые привели к социальному взрыву, появлению афганских моджахедов и новому витку гражданской войны.

Само слово «моджахед» у мусульман обозначает человека, участвующего в джихаде, войне за веру, или повстанца, недовольного существующим политическим режимом. Афганские моджахеды — это группа политических партий,

Амангельды Жантасов

партизан и полевых командиров, объединённых одной общей целью захвата власти в стране. После ввода советских войск в Афганистан ЦРУ сформировало в Пакистане сеть учебно-тренировочных лагерей и баз снабжения моджахедов. Основными источниками дохода для моджахедов (или душманов, как их называли советские военные) были и остаются наркоторговля, добыча и продажа золотого песка.

Спротивление новому режиму началось практически сразу: в октябре 1978 года начались антиправительственные выступления в Нуристане, затем, в марте 1979 года, в Герате. К сентябрю этого года восстанием было охвачено больше половины всех провинций страны. Просоветское правительство Афганистана во главе с Нур Мухаммедом Тараки подписало с СССР договор «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» еще в конце 1978 года, однако вооружённой поддержкой советских войск воспользовался уже следующий президент ДРА, Хафизулла Амин, задушивший своего предшественника в постели ради захвата власти.

В июле 1979 года в Афганистан прибыло первое регулярное формирование Советской Армии — отдельный батальон 345-ого отдельного парашютно-десантного полка. Именно эту дату можно считать началом Афганской войны, хотя операции советских войск по борьбе с моджахедами начались позже. Учитывая раскрытый в марте заговор в Джелалабадском гарнизоне, поставивший под угрозу существование революционного режима в Афганистане, военная помощь СССР была как нельзя кстати. Однако основная часть ограниченно контингента прибыла в страну значительно позже, 25 декабря 1979 года.

Решение о вводе в Афганистан советских войск принял узкий круг членов Политбюро ЦК КПСС — Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, А.А. Громыко и Л.И. Брежнев. Хотя сделано это было, казалось, в интересах и для защиты Хафизуллы Амина, на самом деле, СССР необходимо было защитить дружественный, просоветский режим ДРА и одновременно заменить «ненадёжного» Амина на Бабрака Кармалю, на тот момент — от-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

правленного в отставку посла Афганистана в Чехословакии. Положение дел в Афганистане вызывало беспокойство членов Политбюро по нескольким причинам. Произошедшая в Иране в 1979 году исламская революция словно призывала к укреплению характерного для Ближнего Востока политического строя — исламского фундаментализма.

Этого же, в конечном итоге, добивались и моджахеды. Кроме того, если бы пало просоветское правительство новой ближневосточной республики, это нанесло бы непоправимый урон престижу СССР на мировом уровне и дестабилизировало бы положение дел в советской Средней Азии — в частности, Таджикистане. Помимо этого, было очевидно, что в Афганистане и соседних с ним странах усиливается военно-экономическое влияние США, а это могло обернуться угрозой с Ближнего Востока для самого СССР.

Таким образом, ввод войск в Афганистан был логичной мерой предосторожности со стороны Советского Союза. В качестве формального основания Политбюро ЦК КПСС использовало неоднократные просьбы руководства Афганистана и лично Хафизуллы Амина об оказании стране военной помощи для борьбы с антиправительственными силами.

Потери Советской армии за период 1979-1989 годы составили 14 453 убитых, 53 753 раненых. Афганские потери оценивают в 1 миллион (примерно). Для сравнения — во Вьетнамской войне потери США составили 58 250 убитых и 303 600 человек раненых.

Мнение генерал-полковника Громова, командующего 40-й армией, изложенное в его книге «Ограниченный контингент»: *И, глубоко убеждён: не существует оснований для утверждения о том, что 40-я армия потерпела поражение, равно как и о том, что мы одержали военную победу в Афганистане. Советские войска в конце 1979 года беспрепятственно вошли в страну, выполнили — в отличие от американцев во Вьетнаме свои задачи и организованно вернулись на Родину. Если в ка-*

Амангельды Жантасов

чеством основного противника Ограниченного контингента рассматривать вооруженные отряды оппозиции, то различие между нами заключается в том, что 40-я армия делала то, что считала нужным, а душманы — лишь то, что могли.

Перед 40-й армией стояло несколько основных задач. В первую очередь мы должны были оказать помощь правительству Афганистана в урегулировании внутривнутриполитической ситуации. В основном эта помощь заключалась в борьбе с вооружёнными отрядами оппозиции. Кроме того, присутствие значительного воинского контингента в Афганистане должно было предотвратить агрессию извне. Эти задачи личным составом 40-й армии были выполнены полностью.

Перед Ограниченным контингентом никто и никогда не ставил задачу одержать военную победу в Афганистане. Все боевые действия, которые 40-й армии приходилось вести с 1980 года и практически до последних дней нашего пребывания в стране, носили либо упреждающий, либо ответный характер. Совместно с правительственными войсками мы проводили войсковые операции только для того, чтобы исключить нападения на наши гарнизоны, аэродромы, автомобильные колонны и коммуникации, которые использовались для перевозки грузов.

Вместе с тем более 70% сил и средств 40-й армии постоянно было задействовано для перевозки по территории Афганистана гуманитарных грузов. Эта напряжённая работа не прекращалась вплоть до последнего дня пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Благодаря советским поставкам и деятельности наших специалистов экономика страны окрепла и, образно говоря, встала на ноги.

Ввод войск. Штурм дворца.

16 декабря 1979 года командующему войсками Туркестанского военного округа (Турк ВО) генерал-полковнику Максимову Ю.П. позвонил начальник Генштаба Маршал Со-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

ветского Союза Ю.В.Огарков и передал указание министра обороны Д.Ф.Устинова о конкретной подготовке войск к вводу в Афганистан, которые были подкреплены затем директивой, полученной Турк ВО вечером 24 декабря 1979 года.

Директива № 312/12/001

С учетом военно-политической обстановки на Среднем Востоке последнее обращение правительства Афганистана рассмотрено положительно. Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств...

Министр обороны СССР

Маршал Советского Союза Д.Ф.Устинов

Начальник Генерального Штаба

Маршал Советского Союза Н.В.Огарков

/Из книги И.Ю.Тухаринова «Секретный командарм»/

Группировку войск Турк ВО для ввода войск в Афганистан составили:

40-я армия (108-я и 5-я мотострелковые дивизии, 56 отдельная десантно-штурмовая бригада, 860-й отдельный мотострелковый полк, 353 авиационная бригада, 2-я зенитно-ракетная бригада, 103-я воздушно-десантная дивизия и 345 отдельный парашютно-десантный полк. 34-й смешанный авиационный корпус);

Резерв: 58-я мотострелковая дивизия; 201-я мотострелковая дивизия; 68-я мотострелковая дивизия Среднеазиатского ВО; 106-я воздушно-десантная дивизия.

Переход государственной афгано-советской границы установлен – 25 декабря 1979 года в 15.00 часов.

Одновременно с началом выдвижения 108 дивизии на тер-

Амангельды Жантасов

мезском направлении осуществляется пролет десанта и высадка его на аэродромы:

г.Кабул – 103 воздушно-десантная дивизия;

г.Баграм – 345-й парашютно-десантный полк.

25 декабря в 15.00 часов, в установленное время «Ч», первыми к понтонному мосту подошли боевые машины пехоты разведывательного батальона 180-го мотострелкового полка 108-й мотострелковой дивизии. Пограничникам вручены списки убывающего личного состава. Граница открыта. Колонна вступила на понтонный мост, пошла...

... Штурм дворца Тадж-Бек (резиденция Х.Амина)

27 декабря 1979 года в 19.31 часов осуществили «му-сульманский батальон» Турк ВО под командованием майора Х.Халбаева, специальные подразделения разведчиков диверсантов: группа КГБ «Зенит», под командованием подполковника Г.Бояринова, группа «Гром» М.Романова, антитеррористическое подразделение КГБ «Альфа», под командованием Н.Берлева, рота ВДВ под командованием старшего лейтенанта В.Востротина, взвод ПТУРС «Фагот».

В 21.00 кабульское радио передало сообщение о смене власти в стране.

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

**Отряд «Кара-майора»
(мусульманский батальон)**

*...Сделать то, что выполнили спецназовцы
в Афганистане, под силу только беспредельно
мужественным и решительным солдатам.
Люди, служившие в батальонах спецназа, были
профессионалами самой высокой пробы.
Генерал-полковник Громов Б.В.
/«Ограниченный контингент»/*

1. Дорога в спецназ или формирование отряда

За дверью КПП гулкой с хрипотцой голос кого-то разносил. Солдат, стоявший тут же снаружи, на мой вопросительный кивок в сторону двери, молча пожал плечами, мол, как хотите, можете заходить, а можете и переждать. Я открыл дверь и оказался в маленькой, жарко натопленной комнатушке, где было два-три младших офицера и несколько прапорщиков. Коренастый смуглый майор, с крупными родинками на лбу и под левым глазом, эти родинки прямо бросались в глаза, отчитывал присутствующих за то, что они вместо того, чтобы заниматься с личным составом, набились в КПП и устроили курилку. Когда я вошел, все облегченно посмотрели на меня, как на спасителя, а хриплый майор недовольно спросил - Кто такой?

Уже зная по описанию, что передо мной командир части майор Керимбаев, а других майоров в отряде не должно быть, доложил, что я лейтенант Жантасов прибыл для дальнейшего прохождения службы. Майор потеплел взглядом, помахав кулаком, пригрозил карой офицерам и повел меня к себе. К себе, это оказалось надо пройти перед палаточным городком, зайти в пустой пункт технического обслуживания и подняться по металлической лестнице в маленькую комнатку на крыше ПТО (пункт технического обслуживания). Позже мы все эту комнату прозвали скворечником.

Амангельды Жантасов

Усевшись за старым, исцарапанным, канцелярским столом командир начал расспрашивать меня кто я, да откуда.

...Заканчивался январь 1980 года. Шел второй месяц войны в Афганистане. Даже военные толком не знали, что же происходит на самом деле. Меня, молодого лейтенанта, только осенью прибывшего из военного училища, в начале января отправили в отпуск, а через неделю телеграммой отозвали назад. Прибываю в полк, он стоял в селе Георгиевка Семипалатинской области, а там шаром покати. Офицеров один-два, солдат тоже почему-то почти нет. Захожу в штаб, а там только в строевой части сидит старший лейтенант Высоцкий, СПНШ(старший помощник начальника штаба)полка и говорит:

- Давай Жантасов, хватай свой тревожный чемодан, получи в роте каску и дуй в штаб дивизии, в Усть-Каменогорск. Я до сих пор не могу понять, зачем тогда надо было брать каску, с этой каской в чемодане, я потом таскался чуть ли не месяц.

В офицерском общежитии со мной в одной комнате жил лейтенант Александр Краузе, замполит роты со второго батальона, он, оказывается, уже убыл и вместе с запиской оставил мне коробку со своими вещами, с просьбой переправить к родителям куда-то на Украину, видимо сам уже не успевал. Но я тоже имел очень ограниченное время, поэтому его вещи, впрочем, как и мои некоторые пожитки, так и остались в общежитии. Позже узнал через кого-то, что Саша попал служить в редакцию одной из дивизионных газет, то ли Кундузской, то ли Баграмской.

Получив предписание, забрал с оружейной комнаты каску, запихал его в свой чемодан и на попутной машине поехал в поселок Ахмирово, под Усть-Каменогорском. Только прибыл в штаб дивизии меня бегом отправляют в вещевой склад, выдают абсолютно новое полушерстяное полевое обмундирование, «п/ш», как мы его называли, новую портупею, сапоги, полевую сумку, пистолетную кобуру, хотя все это я получал только полгода назад при выпуске из учили-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

ща. С этим ворохом имущества, как мешочника, меня тут же посадили на ГАЗ-66 и повезли на вокзал. Прибываем туда, а тут уже никакой суматохи. Все подтянутые, в глазах какая-то строгость, только деловито выполняют команды. Эшелон уже почти был загружен и буквально через несколько минут состав тронулся. В плацкартных вагонах отдельно разместились солдаты и офицеры, на платформах зачехленная боевая техника. У всех на устах слово Афганистан. Позже узнал, что с нашей 155-ой мотострелковой дивизии это уже второй эшелон. Отправляют не подразделениями, а выборочно, но почти половину личного состава боевых частей. Наш 374-й мотострелковый полк тогда был воинской частью прикрытия государственной границы, считался одним из наиболее подготовленных, вот и загремел почти в полном составе.

Ехали мы около трех суток. В руки мне, как раз, попала книга воспоминаний генерала Алтунина, в те времена, кажется, был начальником тыла Советской Армии. А писал он в ней о том, как ехал на войну... Ну, как говорится сейчас, прямо в тему. Мысли были один различнее другого. Вернусь, не вернусь, а может искалечат. Хватит ли смелости в боях, а может орденом наградят и все такое... К концу третьих суток прибыли на станцию назначения – город Термез. По прибытии офицеров разместили в какой-то казарме недалеко от штаба дивизии, а солдат увезли в другое место. Разгрузкой техники мы вообще не занимались и я, до сих пор не представляю себе, кто это делал. Казарма, где нас разместили, напомнила мне кадры из кинофильма «Бег» про времена бегства армии Врангеля из Севастополя. Кругом офицеры в полевой форме, бритые и не бритые. Совершенно трезвые и пьяные в стельку. Кто-то лежит, укрывшись шинелью с головой, а кто-то лежит уставившись в потолок и молча курит. Там в углу бренчат на гитаре, здесь накидав на одеяло пачки патронов, набивают ими автоматный магазин, в другом углу сгрудились вокруг прикроватной тумбочки и пьют водку. Еще где-то режутся в карты и галдят, словно проигрывают все свое состояние. И над всем этим неуютный холод и табачный дым.

Амангельды Жантасов

На следующий день вышел в город. Термез это старинный южный городок с многовековой историей и славой самой горячей, в смысле температуры, точки тогдашнего Советского Союза. Но в тот год он показался мне самым холодным местом на планете. Зима была промозглая, сырая, отопления в казармах почти не было, обувь просушить негде, шинели и то были постоянно сырыми. Улицы набиты военными как в прифронтовой зоне, впрочем, это и была прифронтовая зона, война была за речкой, на том берегу Аму-Дарьи. Как-то вечером прохожу через КПП, а навстречу идет солдат-узбек из моей бывшей, «георгиевской» роты Абдуллаев, имени сейчас не помню, при оружии с боевыми патронами.

- Ты откуда - спрашиваю, - Абдуллаев, - имея в виду, как он тут оказался, а он отвечает:

- Из Афганистана, товарищ лейтенант. Оказалось, он прибыл с первой партией, уже зачислен в штат какой-то части, которая завозила на территорию Афганистана имущество и боеприпасы, вот Абдуллаев и возвращался из такой поездки.

Пробыли мы там, имею в виду офицеров нашей дивизии, вместе с офицерами из других округов, две недели. Утром после завтрака идем к штабу, как на биржу труда. Собирается толпа офицеров, из штаба выходят кадровики, ставят стол, стулья, достают списки и начинают выкрикивать:

- Формируется 753-й отдельный саперный батальон. Кто пойдет комбатом? Сразу начинают откликаться желающие. Желающих много, опрашивают, кто с какой должности пришел. Наконец находят того, кто пришел с должности начальника штаба или замкомандира батальона, и записывают его командиром батальона. Чем ниже должность – тем меньше желающих, даже такие лейтенанты, как я, последнего выпуска, надеялись заполучить место повыше. В течении дня заканчивают формировать эту часть и всех оставшихся отпускают, приказав прийти на следующий день. И таким образом пробыли в Термезе две недели. Потом начали прибывать эшелоны с воинскими частями, которых перебрасывали

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

в полном составе из центральных военных округов и групп войск, видимо Генеральный штаб принял такое решение. После этого всех, кто до этого прибыл разрозненно, начали возвращать в свои округа. Где-то числа двадцать пятого января, около сорока офицеров из разных частей, прибыли в штаб Среднеазиатского военного округа, находившийся в Алматы на улице Правды. Человек пятнадцать - двадцать политработников завели в зал для совещаний политуправления округа. Беседовал с нами начальник отдела кадров политуправления. Он и сказал, что формируется десантная часть в городе Капчагае и спросил, есть ли желающие служить в этой части. Вызвались несколько человек, попросился и я. И попросился не от того, что очень сильно хотел быть десантником, а просто обрадовался возможности служить в городской местности, да еще и под Алматы. Потом всем остальным дали команду возвращаться в свои части, а пожелавших стать десантниками по одному стали заводить в другой кабинет, где сидели два полковника, один в форме ВДВ, а другой с пехотными эмблемами. Как я потом понял, что были офицеры из разведуправления округа. Спросили каким видом спорта занимался, хорошо ли знаю казахский язык, не испугаюсь ли прыгать с парашютом, почему стал офицером и так далее в этом роде. После окончания беседы в зал совещаний снова зашел начальник отдела кадров и сказал, что наиболее подходящей кандидатурой для службы в десанте выбрали именно меня. Потом снова завели к двум полковникам, и они поздравили меня с зачислением в часть специального назначения. Мне стало как-то и боязно, и в то же время, прямо распирала гордость за себя. Надо же – не просто в десант, а в спецназ! В элиту! Но я, если честно сказать, до сих пор не знаю, какие мои такие качества послужили причиной столь судьбоносного для меня решения.

И вот, я сижу перед командиром отряда майором Керимбасвым и рассказываю ему все это. Выслушав меня, командир молча посидел глядя на меня и заявил, что я буду замполитом

Амангельды Жантасов

роты обеспечения. Я даже как-то опешил, шел в спецназ, в боевую роту, а тут тебе рота обеспечения, считай обоз. Тут он прочитал мне небольшую лекцию, о том, что в спецназе любая должность боевая и отправил искать свою шестую роту, вернее его командира старшего лейтенанта Петровича, Петрович — это фамилия такая, белорусская. **Валера Петрович** оказался коренастым, жилистым рыжеватым парнем примерно моего возраста. Рукопожатие было крепким. У нас с ним сразу сложились дружеские, добрые отношения и работа задалась. Рота была большая, и личного состава, и техники было намного больше, чем в боевых подразделениях, и служба закипела. Хотя солдаты постоянно были в отрыве, ведь хозяйственных задач много, дисциплина была не плохая. Здесь кроме требовательности командира помогало еще и то, что командирами взводов были бывалые прапорщики, а в других ротах сплошь молодые лейтенанты вроде меня. У каждой должности бывают свои положительные моменты, так сказать плюсы. Для меня этим плюсом была возможность ездить на обед и с обеда на «водовозке» ЗИЛ-130. Машина с моей роты, каждый день в рейсе, вот командир роты для оперативности и разрешил пользоваться ею. Это надо представить себе — молодой лейтенант и чуть ли не персональная машина! Правда, кроме меня и командира отряда на персональном транспорте ездил еще особист части старший лейтенант **Марат Атаев**, ему дали мотоцикл с люлькой, видимо сняли с хранения разведроты бригады. А мотоциклистом у него был солдат **Гариев** с нашей роты, тоже туркмен, как и особист, а по штату он был оператором-наводчиком БМП во втором взводе второй роты. В Афгане он, естественно, вернулся в роту. Помню, как кто-то забрал у него спрятанный в башне машины журнал «Крокодил», и он бегал по роте, спрашивая у всех, — Кто взял мой каркадил? И никто не мог понять, чего он хочет.

Ни до этого, ни после, никогда не видел, чтобы офицера возили на мотоцикле, только в кино про немцев в войну.

Но долго служить в этой роте мне не пришлось, через три или четыре месяца меня перевели замполитом второй роты

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

спецназ, предшественник то ли заболел, то ли сам попросился в другое место, не помню, но я, как и мечтал, попал в боевую роту. Командир роты капитан **Сейлхан Смаилов** прибывший из койташского мотострелкового полка был уже опытным и главное, авторитетным офицером. Командиром первого взвода был старший лейтенант **Калибек Ахметов**, командир второго взвода старший лейтенант **Бахытжан Жатакнаев**, командир третьего взвода лейтенант **Тагир Айдаров**. Зампотех роты лейтенант **Василий Шадрин**, старшиной роты был прапорщик **Тохтахунов Нурдун**, его все на русский лад звали Юрой. Юра носил шикарные широкие усы. Однажды на строевом смотре его усы не понравились командиру бригады подполковнику Груздеву и он, комбриг, начал возмущаться, - Вы только посмотрите на него, какой самец ~~стриг~~ стрижет похорошею Юру иногда в шутку звали «Самец».

117665
Будучи офицером ротного звена, мало что можешь знать о перспективах всей воинской части, это позже я узнал, что перед отрядом была поставлена сложнейшая задача в кратчайшие сроки провести формирование, обучение бойцов и боевое слаживание подразделений. Тем более, что бойцы у нас в основном были, как бы мягче сказать, специфичные – больше половины солдат из строительных частей. Нет, в физическом отношении это были солдаты как солдаты, но ведь стройбат же. И поэтому боевая подготовка предстояла нешуточная, тем более, что предстояла задача из этих военных строителей сделать не когонибудь, а спецназ – элиту армии. И забегая вперед, могу сказать, что с этой задачей мы справились. Энтузиазм, что у офицеров, что у солдат был величайший.

Штат отряда был необычным, хотя фактически это был отдельный батальон, но силы он был невероятной.

Командование отряда составляли командир части майор **Борис Тукенович Керимбаев**, его заместители - по боевой подготовке старший лейтенант **Бексултанов Нарын**, по политической части майор **Муратов Мухтар Зиятдинович** (его назначили вместо спившегося капитана Емельянова, и та-

Амангельды Жантасов

кое бывало), начальник штаба капитан **Джунушев Аскер (Галиаскер)**, по тылу майор **Мухитдинов Хамид Саидович**, по технической части старший лейтенант **Фадеев Сергей Николаевич**. В управление отряда входили так же, секретарь партийного бюро, до Афганистана старший лейтенант **Турманкулов Бакыт**, потом его заменил капитан **Ильинский Сергей**, секретарь комсомольской организации старший лейтенант **Джуматаев Эркин** (Джуматаев и Джунушев были женаты на сестрах), заместитель начальника штаба - начальник разведки старший лейтенант **Жасузаков Сакен**, старший помощник начальника штаба старший лейтенант **Алиев Владимир**, начальник инженерной службы капитан **Селютин**, начальник парашютно-десантной службы капитан **Мартынов**, начальник продовольственной и вещевого службы старший лейтенант **Амелин Михаил**, начальник службы вооружения старший лейтенант **Соловьев**, начальник финансовой службы старший лейтенант **Куанов**.

Собственно боевых рот было три, две роты спецназ на БМП(боевая машина пехоты) и одна парашютно-десантная рота на БМД(боевая машина десанта). Командиром первой роты был старший лейтенант **Шатемиров Талай**, второй роты, как я уже говорил, капитан **Сейлхан Смаилов**, третьей роты **Бекбоев Мэлс**. Четвертой, гранатометной ротой, командовал до ввода в Афганистан старший лейтенант **Ажибаев**, а потом капитан **Куманяев Яков**. Пятая была инженерно-огнеметной ротой, ее командиром был капитан **Задорожный Анатолий**, в ней служили так же и наши саперы. Четвертая и пятая роты были подразделениями боевого обеспечения на бронетранспортерах БТР-60ПБ. Шестой, транспортной ротой, командовал старший лейтенант **Валерий Петрович**, здесь была сосредоточена вся автомобильная техника отряда, порядка семидесяти единиц. Все ротные были офицерами самой высшей пробы, трудяги, каких мало. В мирное время дневали и ночевали со своими подразделениями, а на войне принимали участие во всех боях со своими солдатами, впрочем, и командиры взводов нисколько не отставали от них в этом.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Кроме рот были еще отдельные взвода. Взвод 23-х мм зенитных самоходных установок «Шилка» под командованием старшего лейтенанта **Волкова Николая**, взвод связи старшего лейтенанта **Владимира Козича** и столовая под командованием старшего прапорщика **Лукьянова Евгения**, «Старый» как его все звали из-за возраста, ему было лет сорок-сорок два, и для нас он казался действительно старым. Отдельным хозяйством была и медсанчасть, которой руководил капитан **Рахманкулов**, у него в подчинении были врач-хирург старший лейтенант **Утеев Асылхан**, врач-анестезиолог капитан **Ниякин Сергей**, начальник аптеки прапорщик **Усенов Нурбек**, его старший брат **Мирбек** был командиром взвода сначала в первой роте, а затем в нашей второй роте. В тыловое хозяйство входили вещевого, продовольственный склады, а так же склады вооружения, парашютно-десантного имущества, горюче-смазочных материалов и полевая пекарня. Перед вводом в Афган еще получили полевую баню с дезинфекционной машиной. Как видите, отряд был хозяйством достаточно громоздким и в то же время серьезным.

К концу января, началу февраля отряд завершил свое формирование и приступил к одиночной подготовке, а затем к боевому слаживанию подразделений, которое завершилось проведением учений с боевой стрельбой на Отарском полигоне. Об этих учениях командир отряда вспоминает так: «...Как командир я постоянно руководил действиями подчиненных в период подготовки подразделения на полигоне, но чтобы так впечатляюще шел отряд с боевой стрельбой – такое довелось увидеть впервые. Полигон и рубежи с мишенями – все горело, все в дыму! Эффект, конечно же, был поразительный».

А дальше, пошли будни боевой подготовки, если можно назвать буднями круглосуточные занятия по ночному и дневному вождению боевых машин, стрельбе со всех видов вооружения, тактической подготовке с выходом в указанный район, к указанному объекту по азимуту, по парашютно-десантной подготовке с бесконечными укладками куполов ради

Амангельды Жантасов

одного прыжка ранним рассветом, по обучению приемам рукопашного боя и очень много обычного бега, с полной боевой выкладкой, в составе подразделений. Ведь недаром говорят: «Десантник три минуты орел, все остальное время – лошадь». К концу боевого слаживания практически все бойцы третье упражнение учебных стрельб по огневой подготовке выполняли с бедра, а это и движущиеся ростовые фигуры на удалении до шестисот метров и безоткатное орудие на удалении четыреста метров, да еще и грудная фигура - пулеметный расчет до пятисот метров. Их прицельно-то сбить достаточно сложно, не говоря о стрельбе с бедра, но солдаты научились.

Начинали с изучения назначения и устройства частей и механизмов оружия, потом изучали работу частей и механизмов оружия, приборов прицеливания. Затем с бойцами изучали боеприпасы, чтобы они знали их виды, количества боекомплекта для закрепленного за ними оружия, устройство гранат, патронов, их размещение в боевых машинах, правила обращения с ними во время стрельбы, меры безопасности, правила хранения и сбережения. Затем учили премудростям стрельбы в горах, лесной и равнинной местности, особенностям ведения огневого боя в ночное время. Заучивали различные мнемонические правила, типа «Ветер пулю так относит, как от прицела два отбросить» и т.д. Учили, как правильно выбрать огневую позицию, как изготовиться к стрельбе. «Курс стрельб», которым руководствуется любой сухопутный офицер, это одно, а подготовка бойца спецназа это совершенно другое, тут нужно нечто большее. Если пехотинец готовится к ведению боя, как правило, в составе своего подразделения и под огневым прикрытием бронетехники и приданной артиллерии, то спецназовцу, в основном, приходится надеяться на свое личное оружие и военную смекалку. Потому и оружие свое он должен знать досконально и уметь пользоваться им в любой обстановке, и с любого положения.

Много внимания уделяли подготовке сержантского состава. Начинали с усвоения ими принципов, методов и форм обучения личного состава, а потом методично, шаг за ша-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

гом, приступили к изучению предметов боевой подготовки. Занятия по тактической подготовке комбинировали с разведывательной подготовкой. Обучали действиям в дозоре, в засаде, поиске, порядку действий по выводу из строя или захвату важных объектов противника. По огневой подготовке обучали разведке целей, определению исходных установок для их поражения и целеуказанию, управлению огнем. Одним из основных предметов была инженерная подготовка, здесь изучались взрывчатые вещества, средства взрывания и заряды, мины иностранных армий, установка и преодоление различных инженерных заграждений. Одним из серьезных предметов являлась и военная топография, на которой обучали оценке местности и ее значение в бою, ориентированию на местности, составлению схем местности, учили читать топографические карты. Методично, с многократными повторениями шли занятия и с механиками-водителями боевых машин, с наводчиками-операторами. Их, так же обучали тому, что необходимо на войне.

Учились, конечно, и мы офицеры, вернее переучивались. Ведь, по сути, мы все были мотострелки, а знать надо было тактику действий спецподразделений. Здесь большую роль сыграло, конечно, и то, что мы формировались на базе существующей 22-ой бригады спецназ, которая имела достаточную учебно-материальную базу для специальной подготовки, кроме полигона. Но и здесь наш командир оказался на высоте. С наступлением лета он вывел отряд в поле далеко за Шошкалысай, так назывался овраг за тыльной стороной расположения отряда, и оборудовал полевой лагерь. И здесь в чистом поле, вдали от населенного пункта и лишних глаз, мы могли заниматься сколько угодно и чем угодно, т.е. хочешь, подрывай, а хочешь, дерись в рукопашную, а если по расписанию топография – блуждай по азимуту. Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что многое в наших занятиях было построено по шаблону, многие моменты мы брали попросту из обыкновенной пехотной подготовки, как например, батальонные боевые стрельбы в разверну-

Амангельды Жантасов

том строю, но мы добились главного – уверенность солдата в себе, как в бойца-профессионала, уверенность в том оружии, с которым он потом пошел воевать. Бой в населенном пункте, по тактике советских войск, предполагал в основном бой в современном городе, но никак не в горном кишлаке, переплетенном узкими улочками с высокими дувалами, вот и пришлось нам потом, за речкой, изобретать свою новую тактику, не расписанную ни в каком наставлении и уставе.

Психологически сложным моментом, по крайней мере, для меня лично, были первые прыжки с парашютом. До совершения прыжков изучили материальную часть парашютов, приборов и снаряжения десантника. Проводили укладку парашютов, причем бесконечное количество раз. Потом, многократно проходили занятия на воздушно-десантном комплексе, в который входят парашютная вышка, с которого прыгают на подвешенном к стреле куполе парашюта, тросовая горка, предназначенная для отработки элементов приземления, парашютные тренажеры, представляющие собой макеты транспортных самолетов, с которых совершают десантирование, ну и различные снаряды для тренировки голено-стопного сустава, вестибулярного аппарата и так далее. Одним словом, прошли основательную наземную подготовку. Прыжки мы совершали с полевого аэродрома в Николаевке. Первый прыжок совершал с борта самолета, который в народе принято называть «кукурузником» - Ан-2. Ранним утром посадили личный состав на автомобили Газ-66 и поехали на аэродром. Все сосредоточенно молчим. Лица суровые, друг на друга не смотрим, у всех первый прыжок. Это я сейчас понимаю, почему не смотрели друг на друга – боялись, что глаза выдадут затаившийся в них страх. Уже в воздухе, когда распахнулась дверь, оглядел своих бойцов, но страха в глазах не увидел, просто очень серьезные выражения лиц, как бы ни готовили, знали, что в воздухе может случиться всякое. Когда прозвучал сигнал и выпускающий подал команду на десантирование, подошел к двери, посмотрел вниз, где все было

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

маленьким и далеким, а земля как нарисованная на карте. Инстинктивно хотелось упереться об рамку и не прыгать, но то, что за спиной стоят твои солдаты, заставило сделать шаг в бездну и сгруппироваться. Обычно требуется посчитать про себя «двадцать два, двадцать три, двадцать четыре!» и дернуть кольцо основного парашюта, левая рука при этом лежит на кольце запаски. И надо сказать, пока ты кувыркаешься в воздухе в полном смысле этого слова, эти три секунды длятся достаточно долго. Потом почти одновременно с рывком кольца открывается купол, и ты как будто бы останавливаешься в воздухе. А потом благодать... Медленно паришь в воздухе и кричишь, поешь во все горло. По мере приближения к земле эйфория проходит, и начинаешь готовиться к приземлению, лихорадочно вспоминая все, чему тебя учили инструктора. Ноги вместе, слегка согнуты в коленях и чуть вперед, малость подтянулся на стропах и тут толчок, заваливаешься на бок, и пытаешься удержать и загасить купол. Все! Прыжок совершен! Потом подбегают те, кто приземлился раньше тебя и удар запасным парашютом по мягкому месту. Ура! Я десантник!!!

Во время прыжков случаются и курьезы. Помню, младший сержант по фамилии Гафаров, во время раскрытия основного парашюта, а это достаточно серьезный рывок, потерял сапог, он просто слетел с его ноги, и потом долго искали этот сапог. А много лет спустя, уже в период службы в десантно-штурмовой бригаде в Польше, наш солдат приземлился прямо в люльку двигавшегося мотоцикла. Представляю, как перепугался этот поляк-мотоциклист.

Потом были прыжки с Ан-12, ночные и на воду, но я на них не попал, простудился во время ночных занятий и угодил в госпиталь, а потом уже в воду не бросали.

Осенью прошло увольнение солдат срочной службы выслуживших свой срок, в основном это были бойцы-уйгуры, которые пришли со строительства олимпийских объектов в Москве. Почти все они стали первоклассными солдатами, хотя и плохо знали русский язык. Помню, как кто-то из офицеров подслушал разговор между двумя солдатами-уй-

Амангельды Жантасов

гурами, служившими поварами: один из них спрашивает

- Слушай, что будем варить на обед?
- Мишка (начпрод) сказал, что уху варить будем.
- А что это такое?
- Не знаю, наверно пшенка.

Новое пополнение было в основном из числа казахов и киргизов, а также небольшого количества узбеков и таджиков. В связи вот с этим азиатским составом основной части сослуживцев, у меня потом был такой казус. Оказывается, за четыре года службы в отряде я настолько привык к их азиатским физиономиям, что впоследствии, когда по замене попал в Одесский военный округ, все солдаты-славяне мне казались на одно лицо, как китайцы, и я долго не мог различить их друг от друга.

С момента начала формирования 1-ая, 6-ая роты и отдельные взвода жили в палаточном городке, где был штаб отряда. Вообще-то, это была бывшая территория парка техники какой-то маленькой части, огороженная железобетонным забором. С января восьмидесятого и зиму с восьмидесятого на восемьдесят первый год, палатки отапливали печками-буржуйками. Вторая и третья роты размещались в щитовых казармах основного городка бригады, рядом с городком воздушно-десантной подготовки, а 4-ая и 5-ая роты находились в казарме, которая была сзади городка, в парковой зоне недалеко от медсанбата, в них, кстати, тоже было печное отопление. Сейчас этот ряд в Капчагайском гарнизоне называется вторая линия. Казармы эти практический были непригодны для проживания и к моменту нашего формирования использовались как складские помещения различных служб бригады, но нужда заставила кое-как подремонтировать их и заселить личный состав. По крайней мере, было лучше жить хоть в таких казармах, чем в палатках.

Командир 4-ой роты Ажибаев был большим выдумщиком. Между Алматы и Капчагаем, ровно на половине пути, вдоль дороги, было болотце, на котором дорожники поставили двух железобетонных журавлей. Так вот, этот Ажиба-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

ев, не знаю, как сумел загрузить, но стащил одного из них, привез на Газ-66 и поставил у входа своей роты. Представьте себе, старая, обшарпанная щитовая казарма и перед ней огромный журавль. Он же придумал поставить сзади своей казармы небольшой металлический контейнер и сделать из него для нарушителей воинской дисциплины своей роты гауптвахту. Представляете, какая там, в контейнере, была температура в летнюю жару, да еще в Капчагае. Потом, правда, он за эту «губу» получил не слабую головомойку от командования, когда оно узнало о его «новшестве».

Буквально перед убытием в Афган, командир отряда надумал вдоль забора нашего городка посадить деревья. Откуда-то привезли саженцы, и мы офицеры высадили их. Один ряд вдоль забора со стороны дороги и в два, или три ряда, по обе стороны дорожки к КПП нашей части, деревцо от деревца строго пять шагов. Эти тополя по сей день стоят там. Если сейчас, встать на углу десантно-штурмовой бригады, на дороге ведущей в парковую зону спиной к городу, то это будет первое ограждение слева. Напротив нас, в щитовом бараке, располагался штаб строительной части, УНР, именно в тот год начались работы по строительству новой казармы и общежития для офицеров бригады и этот УНР, впоследствии эти работы и проводил.

2. Если завтра война, если завтра в поход...

Полтора года службы пролетели очень быстро. За это время почти все холостые офицеры женились. Вначале, все холостяки жили в двух трехкомнатных квартирах, а затем всем нам в новом, тридцать восьмом доме третьего микрорайона, дали по отдельной квартире. Новенькую однокомнатную квартиру получили и мы с женой. Должен заметить, что следующую персональную квартиру мне удалось получить только двенадцать лет спустя, уже, будучи военным комиссаром района. Все лейтенанты, в том числе и я, получили очередное воинское звание. Теперь уже не «юный лейте-

Амангельды Жантасов

нант», а целый старший лейтенант! Служба шла обычным своим чередом. Занятия по боевой подготовке чередовались нарядами. Вечерами, в свободное от службы время, ходили в ресторан «Или», изредка дрались с местными парнями, пока не убедили их не делать этого. В первую осень выезжали в один из совхозов под Сары-Озек на уборку картофеля. В начале второй осени помогали убирать помидоры и у каких-то корейцев собирали лук. Начальник политотдела бригады подполковник Зайцев потом хвалился, что на заработанные деньги нам купили новые телевизоры. Хотя, как вновь формируемой части они и так были положены нам по штату.

Где-то в сентябре восемьдесят первого объявили, что осеннюю проверку будем сдавать московской комиссии, и что помимо предметов боевой подготовки будут проверять и знание китайского языка. С разведуправления округа прибыл инструктор китайского языка, и мы взялись быстренько его, т.е. китайский, изучать. Тема – допрос военнопленного. Записывали китайские слова русскими буквами и заучивали наизусть. Так что, выучить китайский за месяц, это не байка, по крайней мере, для нас военных, мы можем. Но длилось это совсем не долго, недели через две изучение языка отменили. Тут и лейтенант мог догадаться, что театр военных действий изменился. Числа двадцать третьего или двадцать четвертого октября, точно не помню, нас офицеров собрали на совещание и объявили, что отряд выезжает на учения, которые будут проходить на Отарском полигоне. Погрузка завтра утром, грузится вся техника, имущество и в том числе боекомплект. Офицерам и прапорщикам помимо тревожного чемодана взять с собой парадную форму одежды, объяснили тем, что по окончанию учений будет построение в парадной форме. Это потом до нас дошло, что парадка была нужна для укладывания в ней в гроб, в случае гибели. Хотя, как потом рассказал командир отряда, попытка одеть нас в парадную форму при проведении строевого смотра для передачи в состав ТуркВО все же была, но заместитель командующего 40-ой армии генерал Винокуров,

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

прилетевший с Афгана на вертолете, отменил этот смотр.

По окончании погрузки офицеров и прапорщиков отпустили по домам, приказав к шести утра быть в части. К этому времени мы уже почти знали, что едем в Афганистан, хотя слабая надежда еще теплилась в душе и отпала она только тогда, когда поезд прошел станцию Отар.

И вот, тяжело вздыхая и мерно постукивая на стыках рельсов, состав протасился на медленной скорости и остановился на станции Тулкубас, не далеко от Чимкента. Открыли двери вагонов, никто не выходит, потому что время стоянки не известно, и смотрим вниз на село-станцию. Тут ко мне прибегает из соседнего вагона солдат **Таскенбаев Бекен**, и говорит

- Товарищ старший лейтенант, разрешите домой сбегать, с матерью попрощаться, недалеко живет. Вначале я растерялся, воинский эшелон, графика движения никто не знает, а вдруг опоздает, но тут же решился, на войну ведь едет, пусть попрощается солдат, а опоздает, ответчу, «меньше взвода не дадут», как говорится. И Бекен побежал. К нашему с ним счастьем, состав простоял достаточно долго, и он успел вовремя вернуться. Среди своих сослуживцев Таскенбаев был достаточно заметной фигурой, и ростом, и возрастом, и своим положением. С ним считались. Помню, как-то в начале лета восьмидесятого года я приехал старшим машины из полевого лагеря и собирался возвращаться, и тут к КПП привели его, тощего, но очень высокого солдата, рукав куртки застегивался где-то около локтя. Тот, кто привел его, не помню кто, сказал, что это солдат нашей роты и его надо забрать в лагерь, так он и стал служить у нас, пулеметчик Таскенбаев. Оказалось, что он за драку был отчислен с четвертого курса одного из институтов в Алматы и призван в армию. Попал в одну из учебных частей в Отарской дивизии и по окончании подготовки направлен к нам. Впоследствии из него получился великолепный воин и отличный сержант, но рассказ об этом несколько позже.

Разгрузку производили на станции Кирки, это юг Узбекистана. Когда разгрузили технику и имущество, кто-то из

Амангельды Жантасов

местного военного руководства решил изъять у нас спиртное, а набрали мы его, честно сказать, по самое не могу, ведь в мусульманскую границу ехали, а там не известно, будет она или не будет. И вот, когда изымальщики подошли к имуществу пятой роты, старший лейтенант **Владимир Березин** взял в руки ручной пулемет и диким голосом заорал, - Не подходи, перестреляю! После этого никто таких попыток уже не повторял. Это конечно нездорово, с пулеметом в руках грудью за водку вставать, но и лишать маленьких человеческих радостей, наверное, тоже не стоило. По крайней мере, в тот момент, когда мы, по сути, ехали на фронт.

Этим же днем нас на парамах переправили через Аму-Дарью и там не далеко от берега в камышах, а это, оказывается, был полигон пограничников, мы приступили к укладке боекомплекта и снаряжению магазинов боевыми патронами. Перед посадкой на паром особисты (контрразведчики) еще раз опросили нас, командиров и политработников, кого из солдат желательно оставить в Союзе. Так как, я не особо был уверен в одном из своих бойцов, назвал его фамилию и он, тут же, был отчислен и отправлен куда-то. Аму-Дарья удивила меня своим стремительным, мощным течением и желтой, цвета глины, водой. Река, в моем понимании, должна была быть чистой и прозрачной, из которой можно пить, а тут такая муть. Впрочем, потом видел, что и на Сыр-Дарье вода такая же желтая.

На следующий день, 29 октября, утром вытянули колонну и встали на грунтовой дороге не далеко от границы. Стояли почти весь день. Боекомплект загружен, все инструктажи уже кончились, говорить не о чем, даже солдаты перестали бегать от машины к машине, то сигареты шибая друг у друга, то меня тушенку на кашу, каждый на свой вкус. И вот тогда, где-то около десяти часов утра, подошел к нашей роте худошавый, высокий старший лейтенант с эмблемами медика. Шинель у него была длинющая, почти до щиколоток, вот это запомнилось особенно, на голове фуражка с малиновым околышем. Среди всех нас в полевой форме, в снаряжении, увешанных оружием, в этой вот своей шинели, он смотрелся как-то неле-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

по, слишком по мирному. Познакомились, оказалось, что это врач-хирург нашей санчасти, зовут Утеев Асылхан. Так он и привязался к нашей роте, если можно так говорить о человеке. Хирург он оказался классный, это мы потом убедились, да и человек отличный. Вот с той встречи и до самой замены из Афгана, он был «неразлей вода» с офицерами нашей роты. Сейчас я вдумываюсь в слова «боевое братство», и знаете, это не придуманный термин. Там на войне, по крайней мере, мы офицеры одной роты, чувствовали себя, как родные братья и солдат своих воспринимали, как младших родственников. И это чувство не притупилось до сих пор, хотя уже прошло более тридцати лет. Так вот, Асылхан стал одним из наших братьев. И это было хорошо. Знаете, такое приятное чувство.

3. За границей люди ходят хмуро.

Как только стемнело, прозвучала команда - По машинам! Все засуетились, забегали занимая свои места. Задраили люки, как инструктировали, надели шлемофоны и включили радики, и по команде - Заводи! - колонна разом зарокотала. Низким, стелющимся светом засветились фары с опущенной светомаскировкой. Наша, вторая рота, была головной походной заставой и стояла в голове колонны. Вот по команде командира отряда тронулся первый взвод Калибека Ахметова, это боевой разведовательный дозор, так положено по уставу. Минут через пять-семь поступила команда начать движение и мне. Я находился в машине номер «двадцать шесть» второго взвода и стоял во главе всей остальной колонны. Прощептав про себя «бисмилля», проговорил в ларингофон - Вперед! Пыль, еще не осевшая после первого взвода стояла сплошной завесой. Впереди виден только коротенький кусочек дороги, метров четыре-пять, а то и меньше. Проехали что-то вроде ворот из жердей, как на сеновалах, и дорога раздвоилась. Механик-водитель спрашивает - Куда? Командую - Влево, - там вроде бы больше накатоно. Прошли километра три, смотрю, столбы с колючей про-

Амангельды Жантасов

волокой по левую руку не заканчиваются и дорога, какая-то накатанная, но без следов, а ведь впереди целый взвод прошел. Думаю, что-то не так. Остановился, потихоньку поднял люк и верчу головой, чтобы соориентироваться. Тут подъехал командир отряда, тоже вылез на броню и спрашивает:

- В чем дело Аман Иваныч, чего встал? Он всех нас почему-то звал Иванычами, таким образом подчеркивал, что все мы нерусские, что ли.

- Да вот, колючка не заканчивается, говорю, - Что-то не так.

- Ерунда, - отвечает он, - Скоро закончится. Вперед! - Ну я и покатил вперед еще километра три, потом все же поступила команда «Стой!». И только после этого начальник штаба по радиации начал запрашивать Ахметова и приказал ему выпустить осветительные ракеты, чтобы обозначить свое местонахождение. Ракеты поднялись где-то далеко позади справа. Повернули колонну и по бездорожью двинулись прямо по указанному направлению. Оказалось, что я повернул и все шесть верст шел по контрольно-следовой полосе пограничников. Так им и надо. Надо было поставить регулировщика и направить колонну в нужном направлении после перехода границы, ведь темень, пыliche и безветрие. Пока дошли до своего боевого разведдозора, расставили технику, выставили охранение, уже почти рассвело. Только подремали с часик, сидя в машинах, слышались крики - Противник слева! Вмиг проснулись и схватились за оружие, которое и так было вставлено в бойницы. Потом поступила команда отбой. Оказалось, что это были какие-то мирные афганцы на четырех или пяти верблюдах, проходившие мимо, в стороне от нас. А может и не мирные, бог их знает, по крайней мере, были без оружия. Слегка сполоснувшись из фляжек, тут же позавтракали сухим пайком и снова продолжили движение.

С места отдыха и дальше наша колонна продолжала движение в том же походном порядке, но впереди уже, шли подразделения мотострелкового батальона от «кундузской» дивизии, которые обеспечивали наше прикрытие, а наша вторая рота уже оказалась в арьергарде, замыкая движение.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

И вот первый афганский населенный пункт Андхой, город не город, село не село, большое нагромождение глинобитных домов и высоких, тоже глиняных заборов, дувалы поихнему. Население не разбегалось. Дети и взрослые мужчины стояли у дувалов и смотрели на нас. Смотрели хмуро, лица у всех угрюмые. Женщин не видно. Мужчины одеты в широкие шаровары и длинные белые рубахи навыпуск. Верх у кого как, кто-то в пиджаке, а кто-то просто в безрукавке. Людей было много, мне лично тогда показалось, что весь город побросал свою работу и вышел посмотреть на нас.

У въезда в городок, то ли водитель зазевался, то ли помешало что, одна из машин, Газ-66, не помню из какого подразделения, на повороте на полном ходу врезался об большой камень валун и перевернулся, вырвав себе передний мост. И мне кажется, что именно тогда, когда мы проезжали мимо этой брошенной новенькой, но разбитой машины я осознал, что это война. Война со всеми ее неумолимыми законами и иными ценностями, чем в мирной жизни. Кажалось бы, это же автомобиль, какие деньги стоит! В мирное время водителя за такое под суд бы отдали, а тут списали и все. Потому что время и человеческие жизни стоят намного дороже. Все это мы потом усвоили, но тогда это для нас, пришедших сюда из мирной жизни, было непостижимо. Спихнули в сторону и продолжили движение...

Дорога вначале шла по почти открытой местности, потом пошли холмы, которые постепенно стали переходить в небольшие покатые горы без всякой растительности. Трава уже вся пожухла, пожелтела и горы казались рыжими боками исполинских верблюдов. Изредка попадались низкие, с облетевшей листвой, уродливые кустарники. Было тепло, но жары уже, как таковой, не было. Огромная колонна, машин наверно триста, да плюс прицепы, с небольшими интервалами между ротами, змеилась многокилометровым чудовищем, поднимая тучи пыли и сизого дыма. Помимо отрядной техники шли еще приданные грузовики с боеприпасами и бензовозы с солярой и бензином. Люки опять были задрае-

Амангельды Жантасов

ны, все сидели по-боевому, то есть внутри брони, выставив в бойницы стволы автоматов и пулеметов, только операторы-наводчики орудий, развернув башни шарили прицелами по вершинам гор, наблюдая за местностью. Проехали несколько населенных пунктов, кишлаков, как они сами называют деревни, которые будто вымерли, ни одного человека не видно. Но все постройки целые, без следов бомбежек и артобстрелов. В этом направлении советских войск до этого не было, потому они и не попали в зону боевых действий. Так как дорога в основном пролегла по склонам гор выше населенных пунктов, кое-где на навесах были видны фрукты, разложенные для просушки, во дворах всякая домашняя утварь, а людей нет. Это позже пришло понимание того, что отсутствие людей – плохая примета. Значит, кишлак предупрежден душманами, что возможен бой с «шурави» и люди убегают в горы. «Шурави» на языке фарси означает советский.

Стемнело, как всегда на юге, очень быстро. Казалось, только недавно солнце было еще достаточно высоко, а вот оно уже закатилось за горы, и тут же все покрыла темнота. Узкая полоска света впереди своей машины и мерцающие огоньки габаритов впереди идущей, больше ничего не видать. Сколько не вглядывался через триплекс в темноту слева от машины, где должны были быть кишлаки, ничего не увидел. С наступлением сумерек прошли где-то около двух часов и, хотя монотонный гул двигателя действовал убаюкивающе, напряжение не спадало, ведь все же первая военная ночь. Первые команды по радиации прозвучали неожиданной скороговоркой:

- Противник слева! Увеличить скорость! Огонь из орудий! - Потом только показались нити трассирующих пуль. Ответную пальбу начали и мы. В том первом бою я не выстрелил ни разу. Сидел на командирском месте, а оно для стрельбы не предназначено. Можно вертеть крышкой люка на все триста шестьдесят градусов, наблюдать в командирский прибор и корректировать огонь. А чтобы принять участие в стрельбе надо по пояс высунуться из люка, а приказ был строгий – люки задрать! Честно говоря, и желания-то

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

особого не было, чтобы высовываться. Зато бойцы по левому борту и оператор-наводчик постреляли от души. Наводчик, в основном, бил из спаренного пулемета, из орудия выстрелил пару раз не больше, видимо сказалось волнение. Ну, а мои попытки командовать и как-то корректировать огонь никто и не слушал. Каждый действовал по своему усмотрению, то есть куда хотел, туда и стрелял. Вот так вот на скорости, в сумашедшем ритме, как говорится, с квадратными глазами, и проскочили мы место первого боя. Если и не накрыли кого-то, но отстреливались, это точно. Только на рассвете, когда остановились, чтобы подтянуть колонну, узнали, что основной удар пришелся по батальону прикрытия, который шел впереди, ну и вскольз, как говорится вдогонку, досталось нашей роте, арьергарду. Нас, видимо, хотели отсечь.

Когда колонна втянулась в населенный пункт, находившийся в так называемой «зеленой зоне», или «зеленке», как мы впоследствии, называли обширные виноградники, выстрелом из гранатомета душманы подожгли головной бронетранспортер, пытаясь застопорить колонну. Но командир следующей за ней машины, быстро подобрав раненых и убитых, спихнул его с дороги в обрывистую бровку и продолжил движение. Позже, уже много лет спустя, в Караганде я встретил одного из бывших бойцов этого батальона, в то время еще солдата срочной службы, а ныне полковника полиции **Пряхина Вячеслава Алексеевича**. Привожу его воспоминания о том бое: *Наш третий батальон 122-го мотострелкового полка стоял недалеко от населенного пункта Наибабат, между городами Шибарган и Мазари-Шариф. В задачи батальона входило сопровождение колонн проходящих из Хайратона вглубь страны, а в периоды отдыха выставляли посты охранения вдоль трассы, опять же для прикрытия проходящих колонн. Для сопровождения обычно мы ходили в усиленном составе, нам придавали танкистов, саперов, иногда даже артиллеристов. В тот день мы тоже пошли в усиленном составе. Всей нашей группой командовал начальник артиллерии пол-*

Амангельды Жантасов

ка, фамилию забыл. Командир батальона подполковник Аксенов тоже был с нами. Он командовал только батальоном. За Андохом встретили колонну из Союза и пошли сопровождать. Нас тогда поделили надвое, одни ушли вперед, а половина наших осталась в хвосте колонны, я был в этой половине. В то время я еще был рядовым солдатом, водителем в минометном расчете. Ближе к вечеру, вижу на обочине лежит перевернутый Газ-66 из нашей батареи, а рядом стоят солдаты из этого же расчета с автоматами. Оказывается, он взорвался на mine и, ему вырвало заднее левое колесо и они ждали техническое замыкание, чтобы разгрузить машину. Еду дальше, уже страшно стало, открыл свое окошко, выставил автомат и держу его правой рукой, а левой держу руль. Когда стемнело, впереди началась стрельба, были видны вспышки взрывов. Сам я пришел в Афган только в июле, и хотя до этого несколько раз ходил в сопровождение, в тот день на нас напали впервые, «Ну, - думаю, - приехал Пряхин». Но ничего, проскочили, повезло. А вот другим ребятам не очень. Потом узнал, БТР, который шел впереди всех взорвался на mine и начался обстрел со всех сторон. Начальник артиллерии сошел с БРДМ, на котором ехал, зачем-то взял с собой трех солдат и пошел с ними пешком вперед. Это были сержант Саша Орлов, рядовой Мамед или Мамедов, уже не помню, и еще кто-то. Начали прицельно стрелять по ним, они залегли. Тут БРДМ пошел вперед и прикрыл их, они сели в него. Потом на дорогу выскакивает дух с гранатометом, и почти в упор произвел выстрел. Зарядом Орлову оторвало голову, Мамедова осколком ранило в ногу. Офицер тоже был ранен. Машина перевернулась и загорелась. Еще в том бою из знакомых мне солдат убило рядового Буданова. Он сидел в кузове Газ-66 и пуля плашмя, видимо рикошетом, попала ему в грудь, мы еще думали, что это осколок. Бронезилетов нам не давали. Всего тогда наших погибло шесть человек. Только в Меймене я узнал, что мы сопровождали спецназ из Кап-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

чагая. Через день мы ушли к себе назад. Потом я много раз бывал на сопровождении, принимал участие в боях, но этот выход запомнился навсегда. Это было мое боевое крещение.

Рано утром, 31 октября 1981 года, преодолев последний, не очень высокий перевал, мы въехали в город Меймене, центр провинции Фарьяб на северо-западе страны и остановились на его окраине за зданием аэродрома вдоль взлетной полосы. Это и было местом нашей дислокации, согласно приказу из ГРУ ГШ СССР (Главное разведовательное управление Генерального Штаба).

Взлетная полоса была расположена перпендикулярно к городу. На самом его конце или начале, бог его знает, как там, было административное здание аэродрома. От него, в метрах трехстах, оборудовали шлагбаум из жердины, он и был границей расположения нашего отряда со стороны города. Если смотреть лицом на город, то наш лагерь располагался по левую руку. Через взлетную полосу, обычную грунтовку, уже стояла вертолетная эскадрилья на МИ-8. В торце взлетки, со стороны города, тоже в палаточном городке, как и мы, расположился батальон 201-ой мотострелковой дивизии, штаб которой дислоцировался в населенном пункте Кундуз. Но это был не тот батальон, который нас вводил, а другой, батальон охраны. В его задачи входило обеспечивать безопасность городка вертолетной эскадрильи, ну и нашего лагеря, когда мы уходили на отработку боевых задач. На другом конце взлетной полосы, на одной линии с вертолетчиками, несколько позже нас, расположился лагерь пограничного отряда, или вернее мотоманевренной группы погранвойск СССР под командованием подполковника Нестеренко. Если со всем остальным советским контингентом, включая и советников, мы запросто общались, то пограничников, за все время совместного расположения, ни одного человека так и не увидел в лицо. Ни солдата, ни офицера. Группы эти, а их было несколько по северу Афгана, вводились с задачей уничтоже-

ния группировок мятежников, при появлении их в непосредственной близости от государственной границы Советского Союза, говоря военным языком для разгрома противника на дальних подступах. Мятежников мы тогда называли душманами, это потом, после нас, появилось модное название моджахед, то есть воин джихада. А мы, да и местное население тоже, их просто называли «душман», что означает враг.

Кроме этой группировки советских войск в городе были еще советники командиров подразделений Царандоя (оперативные милицейские части типа милицейских патрульных частей наших внутренних войск), советники руководства ХАД (афганская аббревиатура, переводится как наше КГБ) и разведчики ГРУ, замаскированные под советников. Тогда в Афганистане действовали различные спецгруппы МВД и КГБ, которые назывались «Зенит», «Каскад», «Кобальт» и так далее. Были эти группы у нас в Меймене или нет, честно говоря, я не знаю, поскольку нас, армейского спецназа это не касалось, кроме командования отряда, разумеется. А вообще служба у этих советников, да, забыл сказать, были еще партийные советники у первого секретаря организации НДПА (Народно-демократическая партия Афганистана) – губернатора провинции, так вот, служба у них была не сладкая. Наверное, в несколько раз опаснее, чем у нас, у армейских офицеров. Мы встречаемся с врагом лицом к лицу, с оружием в руках, а они постоянно среди афганцев и, поди угадай, свой он или замаскированный враг. В любой удобный момент может полоснуть ножом или пустить пулю в спину. Я всегда удивлялся мужеству этих людей – «мушаверов», как по афганский называли наших советников.

4. Командир за все в ответе...

Обязанности начальника гарнизона, в соответствии с распоряжением ГРУ ГШ, возлагались на командира нашей части, то есть на майора **Керимбаева Бориса Туkenовича**, офицера тридцати трех лет от роду, и фронтовика без году

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

неделя. Но он, не смотря, ни на молодость лет, ни на отсутствие боевого опыта, с задачей этой справился прекрасно.

И вот теперь, хочу немного рассказать о нем, о нашем командире. Рассказать о человеке, благодаря умению, мудрости и военному таланту которого, мы смогли выполнить множество сложнейших задач поставленных перед нашей частью и уберечь при этом, по возможности, свой подчиненный личный состав. Нет, потери конечно, были. Это невозможно, быть на войне и не иметь потерь. Но Борис Туkenович учил, требовал от нас и сам строил боевые операции таким образом, чтобы исключить гибель своих подчиненных. И можно сказать, что это ему во многих случаях удавалось. Мы никогда не лезли очертя голову на неизвестное, у нас всегда имелись хорошо подготовленные разведанные о противнике, об его расположении, силах и замыслах. Но война есть война, всего не предугадаешь, поэтому и неудачи порой настигали нас. Но в целом, наши потери убитыми и ранеными, можно сказать, были минимальными в сравнении с другими частями спецназа. В нашей второй роте, за два года боев, что я служил там, погибло восемь военнослужащих. Говорят, что когда гибнет один человек это трагедия, а когда гибнут тысячи это уже статистика, поэтому конечно, восемь погибших это страшная трагедия для их близких, ну, а что было бы, если б их насчитывалось десятки и сотни. Вот от этого и берег нас наш командир.

В книге Бауржана Момышулы «Психология войны» есть такие строки: *«Боевое счастье не может случайно сопутствовать командиру в бою – он сам является творцом успеха. Если постараться глубоко проанализировать причины успешного действия войск, то не может остаться незамеченным вдумчивый и активный характер командира в организации и всестороннем обеспечении боя по замыслу, построению боевого порядка, тщательной разработке и подготовке предстоящего боя и проведению его»*. И потому я считаю, что основой успеха всех наших подразделений, каждого отдельно взятого военнослужащего отряда, и в том числе причиной малого количества боевых потерь, являлась та организатор-

Амангельды Жантасов

ской работа, которую проводил со своим штабом Керимбаев.

В интервью газете «Евразия kz» от 21 октября 2005 года, на вопрос были ли моменты, когда Вам было страшно, он ответил: *«На войне не боящихся людей не бывает, но я больше всего боялся трех вещей. Первое, попасть в плен. Второе, в случае если буду пленен, проговориться под воздействием каких-либо лекарств и тем самым выдать военную тайну. В-третьих, что было самым страшным для меня – если во время боя у меня, как у командира не хватит знаний, умения, решительности или смелости и из-за этого погибнут подчиненные мне воины. Поэтому, каждый наш бой, хоть и маленькую, но каждую нашу боевую операцию, планировал самым тщательным образом».* В этом и есть весь, наш командир, «батя», как его ласково звали все солдаты и грозный «Кара майор» для врагов. Он не только планировал операции со своим штабом, но и лично руководил боем, если какое-то подразделение попадало в сложную ситуацию. Имея постоянную радиосвязь с подразделениями выполнявшими боевую задачу, при осложнении обстановки, он немедленно вылетал туда на вертолете, или же прорывался к ним с бронегруппой. Солдаты верили и своим командирам, но то, что на помощь прибыл сам батя, воодушевляло их невероятно. Много раз нашим группам приходилось вести бой в окружении противника и ни разу не было, чтобы к нам не пришла помощь.

Зная итоги своих боевых действий, мы были уверены, что звезда Героя Советского Союза нашим командиром уже заслужена, но увы, время еще было не то. Да, да, время еще было не то. Это были первые годы войны, и Правительство наше еще было скупой на награды. Единицы военнослужащих, да и то, во многих случаях уже посмертно, награждались орденами. Это позже, лет через пять-шесть после начала войны, подвиги солдат и офицеров стали отмечаться достойно. Орденами боевого «Красного Знамени» и «За службу Родине» третьей степени отмечены боевые заслуги полковника Керимбаева, но не по заслугам честь, как говорится, большего был достоин, а что поделаешь, на Родину не

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

обижаются. Чем наградила, то и носим, с гордостью носим!

Итак, несколько слов из биографии нашего командира.

Родился он 12 января 1948 года в селе Прудки, сейчас Сарыжал, Жамбылского района Алматинской области в учительской семье, оба родителя были учителями в местной школе. Он был единственным ребенком. По окончании средней школы поступил в Ташкентское общевоинское командное училище. Первые офицерские годы лейтенанта Керимбаева проходили в составе Группы советских войск в Германии на должностях командира мотострелкового взвода, а затем командира разведроты полка. После продолжил службу в Среднеазиатском военном округе (САВО). В период прохождения службы командиром мотострелкового батальона в городе Темиртау, в январе 1980 года его первоначально оформляют для служебной командировки в Эфиопию в должности советника командира пехотной бригады, а затем, в том же месяце, принимается другое решение, круто изменившее его судьбу. Он назначается командиром 177-го отдельного отряда специального назначения. Впрочем, пусть он сам расскажет об этом. Приведу отрывок из его книги «Капчагайский батальон».

«...В январе 1980 года я отправлял технику своего батальона в Афганистан, затем убыл получать взамен новую. Возможно, в это время уже решалась моя судьба. Не успел я с техникой прибыть в г. Темиртау, помню, это было воскресенье, как командир части отдал распоряжение в понедельник в 10.00 быть в управлении разведки САВО в Алма-Ате. Поменяв один чемодан («тревожный») на другой, я в назначенное время был уже в бюро пропусков Управления САВО на пересечении улиц Джандосова и Правды, доложил о прибытии дежурному.

...Представитель ГРУ ГШ СССР полковник Солдатенко провел меня в управление разведки на комиссию ГРУ. Здесь я так и не узнал, куда меня хотят направить. Правда был поставлен в известность: комиссия пришла к выводу, что я подхожу, и вынесла единогласное решение об утверждении моей кандидатуры. Когда

Амангельды Жантасов

спросил – Куда я подхожу? – они ничего мне не ответили.

Вместо ответа тут же отправили на беседу с начальником управления генералом В.Ивановым. ...По завершении беседы генерал Иванов повел меня к командующему войсками округа генералу армии П.Г.Лушеву. ...Задав несколько вопросов и выслушав ответ, Лушев сказал – Необходимо форму ему поновей найти. Отправка и встреча ложится на Вас, товарищ Иванов. А Вам товарищ майор, желаю успеха!

Вышли от командующего, вернулись в разведуправление. Там был майор В.А.Кордаев, с которого по распоряжению генерала сняли новенькую форму и одели на меня. Слегка растерявшись, говорю – У меня нет денег на командировку. Я не рассчитывал, что отсюда полечу в Москву. Но мне тут же выписали аванс, купили билет и предупредили дежурного ГРУ ГШ в Москве, чтобы меня там встретили по прибытии. ...В 23.00 я улетел в Москву.

Там меня встретили и проводили в ГРУ ГШ. Здесь опять началось хождение по кабинетам и беседы. В общей сложности я прошел настоящее сито из проверяющих, которые экзаменовали меня целый день. На следующий день начальник ГРУ ГШ генерал армии Иващутин поздравил меня с назначением на должность командира войсковой части 56712 или 177-го отдельного отряда специального назначения. Затем целые сутки меня инструктировали и вводили в курс дела. При этом не раз напоминали о высокой ответственности, которая легла на мои плечи. Запомнилась даже такая фраза одного из офицеров – Когда голосовали за тебя Борис, поднимали по одной руке. Если станет вопрос о том, чтобы тебя расстрелять – по две руки поднимем. Отсюда делай выводы! А какие могли быть выводы – командир за все в ответе!»

Пройдет совсем немного времени, как мы начнем воевать с душманами, и они, наши враги, назовут его «кара майор», что в переводе означает «черный майор». Дело в том, что на севере Афгана, где мы дислоцировались первоначально, основную часть местного населения составляли этнические узбеки, ну, а слово «кара», что на узбекском, что на казахском

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

языке, означает черный или смуглый. К тому, что Борис Тукевич был с рождения смуглым до черноты, добавилось еще то обстоятельство, что против нас в этой провинции воевали мятежники под командованием главаря по имени Маулавикара. Тоже черный. Вот и дрались меж собой два кара-командира. А потом это прозвище за командиром так и осталось. Душманы отслеживали его по всему Афганистану, и куда бы мы не перемещались, они уже знали, что против них бойцы «Кара майора». Теперь уже это прозвище, для них приобрело другое, грозное значение, сродни черному дьяволу.

Знаменитый **Ахмад Шах Масуд**, командовавший военным крылом партии «Исламское общество Афганистана», которой руководил **Раббани**, и прозванный «Панджшерским львом», имея под своим командованием многотысячную группировку мятежников, ничего не смог предпринять против нас и был вынужден объявить вознаграждение за голову Керимбаева. В начале один миллион долларов, а затем эта цифра возросла до пяти миллионов. О том, что его голова оценена в миллион долларов, первым сообщил командиру начальник разведки **Сакен Жасузаков**.

А всему этому предшествовали следующие обстоятельства. В начале лета 1982 года советские войска провели операцию по захвату части Панджшерского ущелья, которое контролировалось Ахмад Шахом, и которое было его родовой вотчиной. Ущелье богато месторождениями алмаза, имеются лазуритовые копи, и поэтому имело огромное экономическое значение для повстанцев. Но после выхода наших войск, по завершению операции из ущелья, душманы практически в течении нескольких часов вышибли оттуда оставленные там части афганской армии. Наши союзники бежали, не принимая боя, побросав все свое тяжелое вооружение. В июне 1982 года командование 40-ой армии провело еще одну войсковую операцию, в которой принял участие и наш отряд.

Дойдя до населенного пункта Базарак, командующий армией вывел части кундузской дивизии действовавшей

Амангельды Жантасов

на нашем направлении, встречным курсом шли батальоны 108 мотострелковой дивизии, и на достигнутом рубеже оставил заслон в лице нашего отряда и позади нас, в километрах двадцати, в кишлаке Анава воздушно-десантный батальон 345-го «ферганского» полка ВДВ. Разведчики потом доносили, что Ахмад поклялся на Коране, в течение месяца выкинуть нас из Панджшера. Но, не смотря на все его клятвы, мы устояли восемь месяцев, став для него костью в горле. Наши подразделения захватили и укрепились на всех господствующих высотах вокруг нас, и не оставили противнику никакой возможности для инициативы. Заблокировали ему выход в центральный Афганистан, время от времени делали вылазки и громили базы его группировок, уничтожали отдельные группы боевиков, захватывали в плен полевых командиров. Сам он был вынужден ежедневно менять место своего пребывания, опасаясь нападений наших групп или налета авиации по нашей наводке.

В конце нашего с ним противостояния, где-то в феврале-марте 1983 года, когда военно-политическая обстановка несколько изменилась, по заданию командования подполковник Керимбаев трижды, сам один, ходил на переговоры с этим Ахмад Шахом. Выставлял ему от имени афганского Правительства условия перемирия, и в том числе предлагал ему, по поручению Бабрака Кармаля, руководителя афганского государства, должность министра обороны. Предложения он не принял, но и нашего командира не тронул. Правда, как потом рассказывал Борис Туkenович, Ахмад лично принимать участие в разговоре с парламентарем не стал, видно его оскорбила, столь невысокая должность подполковника, но и не стал совсем отказываться от переговоров, разговор вел через своего начальника разведки полковника Азмуддина. Кстати этот Азмуддин при первой встрече с Керимбаевым в Базараке удивлялся, как это с такой дорого оцененной головой он не побоялся прийти к ним, на что Борис Туkenыч ответил, что у него в отряде каждая голова столько стоит.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Но все это еще было впереди. А пока мы только вошли в Афганистан, и нам еще предстояло осваивать азы ведения реальных боевых действий...

5. На защите южных рубежей.

Техника еще стояла в колонне, а командир с начальником штаба уже вышагивали метры, определяя места для расположения подразделений. Уточнив площадки для своих рот, мы офицеры, тут же вбили колышки и сделали разметки для установки палаток. Через пару часов кипучей работы палаточный городок приобрел, привычный для нас свой вид. Старший лейтенант Фадеев, зампотех отряда, со своими технарями принялся обустроить парк боевых машин. Тыловики, во главе с майором Мухитдиновым, развертывали столовую для офицеров и полевую пекарню, которую мы, кстати, получили только тогда, когда проезжали станцию Отар.

Работы по обустройству лагеря продолжались несколько дней. Командир отряда, с кем-то из проверяющих больших начальников, слетал на вертолете в Кундуз, а по прибытии велел отрыть блиндажи, сделать насыпи, оборудовать окопы для охранения. На военном языке это называется выполнить инженерные работы по укреплению полевого лагеря. Просторную, на две комнаты, землянку для офицеров роты вырыли и мы. Одна комната было типа гостиной, а в другой спали. В проходе между комнатами была встроена печка буржуйка. В некоторых ротах стояли печи на дизельном топливе «Медео». Одна из них впоследствии послужила причиной гибели старшего лейтенанта **Владимира Березина**, командира группы из пятой роты. Рота была на боевом задании, он оставался в расположении старшим. Ночью во время отдыха истопник уснул и произошел взрыв печки. Во время пожара, пытаясь выскочить из горящей землянки, Березин сильно ударяется головой об косяк двери, теряет сознание и будучи в беспомощности задыхается в дыму. Все это установили потом, при расследовании причин происшествия.

Амангельды Жантасов

В эти же дни, то есть в начале ноября, к нам прилетел с группой офицеров заместитель министра обороны СССР маршал Советского Союза Соколов, курировавший в то время действия 40-ой армии в Афганистане. Было это, помню, после обеда, в теплый солнечный день, погода нас вообще тогда непривычно баловала погожими днями. Только пришли с обеда, поступила команда - Офицерам прибыть к штабной палатке. Командир отряда объявил, что к нам прибывает замминистра обороны, привести себя в порядок. Потом прилетел самолет. Соколов обошел лагерь, так, по-быстрому, и зашел в штаб. Там он заслушал нашего командира о замысле действий, как нам потом об этом рассказывал сам Керимбаев. После заслушивания командира нас, офицеров и прапорщиков, посадили полукругом прямо на землю перед палаточным городком, и маршал выступил перед нами. Вот тогда то, в его выступлении, впервые для нас прозвучали слова о том, что мы не только оказываем интернациональную помощь афганскому народу по достижению целей Саурской(апрельской) революции, но и выполняем боевую задачу по защите южных рубежей Союза Советских Социалистических Республик.

Начальники прилетают и улетают, а задачи остаются, это закон жизни. Вот и мы продолжили выполнение своих задач. А задачей номер один и основной головной болью, для Хамида Саидовича Мухитдинова, зампотыла отряда, и начальника продовольственной и вещевого службы старшего лейтенанта Михаила Амелина, у него была объединенная служба, был запуск полевой пекарни. Обученных пекарей нет, главное, не то что обученные пекари, даже людей видевших, как работают эти пекарни не было. Но тыловики оказались молодцами, пекарню, в конце концов, запустили. Поначалу хлеб, правда, был неважный, но потом все наладилось. Интересный хлеб получился, когда нам привезли муку из государственного мобилизационного резерва, заложенную, аж ...в 1938 году. Прямо на мешках были фанерные бирки с указанием года закладки. Свежевыпеченный хлеб

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

из этой муки, если его еще теплым разломить пополам, внутри был клейковатого жидким, но потом, по мере остывания, становился нормальной булкой темно-серого цвета. А больше всего, нам офицерам, пекарня нравилась постоянным наличием в нем дрожжей. Ну, понятно для каких целей...

Первые два месяца у нас не было свежего мяса, попросту не завозили. И вот Амелин, чувствуя, как нам надоела тушенка, однажды в обед встретил нас ...пельменями. Как мы были рады и довольны, думали, что он у кого-то выменял мясо, а оказалось, что он сделал их из той же тушенки. А было действительно вкусно. Очень, помню, надоела нам сухая, порошкообразная картошка и консервированный минтай в масле. Этот минтай не ели даже афганцы, когда мы пытались их угостить, видите ли, им тушенка больше нравилась. Консервы потом собирались целыми штабелями, а затем, так и оставались на месте, никому не нужные. С сигаретами проблем не было, солдаты получали «Охотничьи», бойцы их прозвали «Смерть на болоте», так как на пачке был нарисован охотник, стреляющий в летящую над болотом утку. Офицеры и прапорщики получали московские сигареты «Ява», по сколько пачек не помню, но нам хватало. Кто не курил, тому дополнительно выдавали сахар.

Не последнее место в обеспечении войск, занимает банно-прачечное обслуживание. И этот вопрос тоже был продуман. Стирку белья, правда делал каждый сам себе, но оборудованная в специальных палатках полевая баня была. На полу решетки, вода подается по трубам, оборудованным сосками, от водовоза. Вместо парилки используется автомобиль с камерой для дезинфекции и дегазации, так называемая ДДА. Купались с большим даже удовольствием. Даже бассейн был в больших надувных резиновых водозаборных емкостях.

Пусть читатель не осуждает, но проблемным вопросом в первое время, было так же и приобретение спиртного. Это потом мы, после первых отпусков, привезли рецепты и на-

Амангельды Жантасов

учились делать брагу, а позже и самогон. Как такового сухого закона не было, просто его негде было купить, а народ привычный к этому делу. В Великую Отечественную, «наркомовские сто грамм» в норму довольствия входили, а тут нет ее и все. А ведь у нас тоже война шла. Устаешь, стрессы бывают, помянуть, в конце концов, павших в боях приходилось, обмыть боевые награды, ну и все такое прочее. Вошли мы, как помните, 29 октября, а через неделю праздник – 73-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. А водки нет, кончилась вся. Начали искать выход. Сначала пошли к вертолетчикам, к ним боеприпасы и продовольствие грузовыми бортами завозили прямо из Союза, и водка у них была. Но братья по оружию пожадничали, не дали. Дома «Столичная» в те времена стоила около девяти рублей, а мы просили продать до семидесяти рублей за одну бутылку, но они все равно не согласились, требовали «афгани», местные деньги, или же чеки, так называемые билеты советского «Внешинторга». Чеками нам выдавали часть зарплаты, а мы ее, зарплату, еще попросту, не получали. Кстати, зарплата нам там, в Афгане, полагалась три оклада. Один оклад чеками на руки и два оклада на книжку в Союзе, так же, как и один месяц службы засчитывался в выслугу лет за три. Чеки эти, мы потом меняли на местную валюту. Ну, так вот, раз чеков нет, значит местных «афгани» тоже. Одним словом, летуны дали от ворот поворот. Послали гонцов к советникам с заверениями, что обязательно рассчитаемся со временем, мол, поймите, праздник ведь и т.д. Они помогли. Принесли несколько пакетиков водки. Да-да, я не ошибаюсь, именно пакетиков. Оказывается, поскольку стеклотара там в дефиците, у каждого продавца местного самогона имеется одна поллитровая бутылка, которой они пользуются как меркой. Налиют одну мерку в двойной целлофановый пакетик, вот тебе и пузырь. Сейчас, в наше время, таким образом, в магазинах отпускают майонез взвес. Самогон они гнали из кишмиша-изюма, поэтому наши его называли «кишмишовка». В иных регионах делали из ягод тутового

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

дерева. Мне приходилось читать воспоминания других «афганцев», где говорилось, что в некоторых частях пьянство офицеров было чуть ли не повальным явлением, и что многие пили, чтобы попросту заглушить страх. Но у нас этого не было, выпивали да, но не пьянствовали. Был правда один капитан, но он был переведен к нам перед самым вводом в Афган, и к этому времени уже был поражен этим недугом.

Ночь седьмого ноября того, 1981 года, запомнилась нам всем очень крепко. В этот день погиб наш первый солдат. Солдат моей роты – ефрейтор **Андрей Иванов**. А было это так. В городе была тюрьма, в которой содержались плененные душманы. Были среди них и их главари, так называемые полевые командиры. И вот седьмого ноября, видимо посчитав, что коммунисты в этот день будут гулять, «духами» была предпринята попытка освободить их. Советники Царандоя по радиации сообщили нам, что тюрьма атакована противником, охрана ведет бой, нужна помощь. Командир поднял по тревоге и направил первую группу нашей роты, группу Калибека Ахметова. Когда группа экипировалась и загружалась в машины, кстати, любая бронетехника на языке военных называется машиной, в одну из них, каким-то образом, запрыгнул и комсорг отряда Эркин Джуматаев, сын киргизского народа. Вообще то, это был нормальный боевой офицер, закончивший командный факультет общевойскового училища, но военная судьба распорядилась таким образом, что он оказался комсоргом нашей части. В ту ночь в состав группы он попал, не скажу по глупости, но по недисциплинированности точно, поехал самовольно, без разрешения и команды старших начальников. Его и разгильдяем-то назвать язык не поворачивается, такой тихий, стеснительный человек, но видимо решил испытать себя в бою, или же показать всем, что он не прячется в тылу, прикрывшись должностью комсорга.

И вот, лязгая гусеницами, колонна из трех машин рванула в город. Уже на окраине их встретил «Уазик», откуда выскочил советник Царандоя и запрыгнул в головную ма-

Амангельды Жантасов

шину. На подходе к тюрьме противник начал интенсивный обстрел колонны с высоких дувалов. Вообще, у них дворы устроены таким образом, что всегда у высоких глиняных заборов-дувалов с внутренней стороны всегда есть какие-либо постройки. Это может быть и печка, или какой-нибудь навес, ну вообще что-то такое, на что можно всегда встать и наблюдать за тем, что происходит на улице. А может и просто крыша саманного домика быть вровень с дувалом. Стрельба поднялась нешуточная. «Духи» бьют из-за дувалов, царндоевцы стреляют с окон тюрьмы по ним. Группа, практически, оказалась под перекрестным огнем. На головной, «двадцать первой» машине, после первого же выстрела из орудия, пуля попала в откатник и заклинило ствол в заднем положении. Наводчик-оператор **Серик Таутанов**, как ни пытался закрыть клин-затвор, так и не смог. Вообще-то это секунда, чтобы произошел выстрел, ствол откатило назад открывая клин-затвор, и откатник вернулся в свое положение, тут же дослал новый снаряд и клин-затвор закрываясь вслед за снарядом тут же приводит орудие в готовность к следующему выстрелу. И вот за эту секунду, пока ствол был в заднем положении, пуля успела пробить откатное устройство.

Попав под перекрестный огонь, Калибек принимает единственно правильное решение. Колонной на скорости проскочил тюрьму, на удалении развернул последнюю машину поперек улицы и начал расстреливать из орудия места, откуда вели огонь душманы. С пушкой не поспоришь, духи тут же прекратили огонь и исчезли в темноте. И только тогда, когда все утихло, Ахметову доложили, что есть раненые. Тяжелое ранение в грудь получил ефрейтор Иванов, и в руку, по касательной, был ранен старший лейтенант Джуматаев. Оказалось оба сидели рядом и были ранены практически одной автоматной очередью, когда только въехали на улочку, где была тюрьма. В уличном бою несподручно вести огонь сидя в закрытой машине из бойниц, вот все и пооткрывали верхние люки десантных отделений и вели стрельбу высунувшись по грудь из брони. Пуля – дура, она и достала. Раненых, Кали-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

бек на своей, с выведенным из строя орудием «бэмпэшке», отправил на базу отряда. Сам двумя машинами, по приказу командира отряда, всю ночь просидел около тюрьмы, ожидая возможного повторного нападения, и только к утру вернулся назад. Иванов, так и не приходя в сознание, умер в дороге. Джуматаева отправили в кундузский медсанбат, впоследствии он был комиссован, ранение оказалось серьезным. Комбинезон самого Ахметова в нескольких местах была прошит пулями.

Дней через десять-пятнадцать начали делать вылазки на боевые операции в близлежащую округу. До начала боевых действий начальник разведки отряда старший лейтенант **Сакен Жасузаков** собирал разведданные и уточнял обстановку вокруг нас. Как это он проводил, понятия не имею, но командир отряда, доводя до нас задачу, всегда говорил – «По данным разведки установлено...». Я сейчас удивляюсь, как это молодой старший лейтенант, вчерашний выпускник военного училища, в чужой стране, не зная языка, устраивал агентурную сеть, добывал какие-то данные о противнике. Часть информации он, конечно, получал у союзных афганцев, у советников Царандоя, ХАДа, но ведь и сам же добывал. Как позже рассказывал командир, однажды установив связных афганских спецслужб, Жасузаков переодевшись в местную одежду, несколько дней ходил за ними по городу, устанавливая кто из них на кого работает. Как оказалось, один и тот же человек, приносил одну и ту же информацию в несколько мест, а афганское руководство, потом выдавало ее как надежно проверенную, добытую из нескольких источников. Результаты своей, так сказать, контрразведки, Борис Туkenович использовал в нашу пользу, заставив и руководство провинции, и советников не направлять нас на выполнение задач по сомнительным данным.

Генерал-полковник Сакен Адильханович Жасузаков впоследствии стал Председателем Комитета начальников штабов – Первым заместителем Министра обороны Республики Казахстан.

Амангельды Жантасов

В один из наших выходов по устройству засады, с нами пошел старший лейтенант Асылхан Алпыспаевич Утеев, врач-хирург. Как его не отговаривали, не послушался. У него к тому времени, оказывается, уже созрела мысль, что врач-хирург должен быть рядом с боевыми группами и как можно скорее оказывать раненым квалифицированную медицинскую помощь. К тому же, мы тогда были снабжены какими-то американскими пакетами с кровью, которую можно было в случае серьезного ранения, вводить прямо на поле боя, в них имелись встроенные вакуумные нагнетатели. Но для этого нужен был врач, или же, в крайнем случае, подготовленный санинструктор. Вот он и рвался с нами в бой, стремясь, как можно ближе быть к нам.

Выехали после полуночи, добрались до места, расставили бойцов, технику, замаскировались, лежим ждем. Уже рассвело, когда показался противник. Как только группа душманов втянулась в ложину перед нами, начали их обстрел. «Духи», противник опытный, тут же рассосредоточились, и открыли ответную пальбу. То ли мы, по неопытности, выбрали неудачную позицию, то ли их главарь слишком хорошо знал местность, но их огонь оказался для нас достаточно опасным. Бронемашину, пытаясь ее лучше замаскировать, я поставил, как понял потом, слишком высоко, а из-за этого угол наклона башенного орудия получился тоже высоким. Одно хорошо, хотя машина и не могла помочь нам своим огнем, зато и противник не мог ее достать. Вот я и определил позицию для Асылхана под БМП, как в самом безопасном месте и посоветовал ему, как можно меньше высовываться. После боя, начал выговаривать ему:

- Что было бы, если сейчас ранило бы тебя и еще кого-нибудь из нас. Кто бы тогда оказывал медицинскую помощь? Хорошо, ты храбрый и себя не жалеешь, а почему нас подвергаешь опасности остаться без хирурга. Воевать это не твое дело, твое дело лечить. А на поле боя есть санинструктор, научи его, если хочешь нам помочь.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Санинструктором нашей роты тогда служил сержант **Болат Искаков**, парень из Целинограда, а когда он уволился весной, вместо него пришел ныне покойный **Саша Кононов**, о нем я расскажу позже. Так вот, в общем, поговорил я с Утеевым достаточно жестко. Он не обиделся, понял, что не прав и больше с нами на боевые операции не просился. Он один, нас пятьсот, со всеми не набегаешь. Ведь позже, когда он уходил в очередные отпуска, вместо него, к нам временно прикомандировали хирургов из госпиталей. Боевая часть, поэтому без хирурга ни дня нельзя обойтись. Никого не заменяли, а вот ему сразу присылали замену. Очень скоро представился случай, который доказал мою правоту, относительно того, что врач должен сидеть на своем месте в санчасти, а не шастать по горам с автоматом.

Рано утром 4 декабря, наша вторая рота в полном составе выдвинулась в направлении города Андхой, с задачей встретить и сопроводить до базы отряда колонну Камазов с боеприпасами, продовольствием и горюче-смазочными материалами. Расстояние от Андхоя до Меймене порядка ста восьмидесяти километров. Если учесть, что весь этот путь пролегает по стране, в которой идет война - задача не из простых. Грузы к нам доставлялись автомобильным транспортом прямо из Союза. Под Термезом, уже на Афганской территории есть городок Хайратон, к которому по советской территории близко подходит железная дорога. Граница в этих местах пролегает по Аму-Дарье и через него построили железнодорожный мост и составы проходят прямо до Хайратона. Вот через этот Хайратон грузы шли на Мазари-Шариф, а оттуда транспорт мог повернуть или в сторону Пули-Хумри и дальше на Кабул, или же в нашу сторону через Акчу, Шибарган и Андхой.

Колонны к нам обычно сопровождали до Андхоя, а дальше тянули мы сами. Все это так было потом, а в этот раз мы впервые встретили колонну под Андохом и двинулись в обратном направлении. Как обычно впереди на зрительном удалении боевой разведывательный дозор (БРД), за-

Амангельды Жантасов

тем основная колонна попеременно с бронетехникой, ну и аррьергард с техническим замыканием. Машина командира роты капитана Сейлхана Смаилова идет где-то близко к голове колонны. Я, как обычно, в составе второй группы, на закрепленной за мной «двадцать шестой» машине, ближе к хвосту колонны. Дорога петляет вдоль русла небольшой речки Ширинтагао, которая берет свое начало высоко в горах, спускается почти до Меймене и, огибая предгорья, повернув строго на север, протекает до самого Андхоя, а дальше разветвляясь, постепенно исчезает в песках.

Ниже кишлака Даулетабад, в километрах пятнадцати, Ширинтагао сливается с речкой Кайсар. Вот с места слияния Ширинтагао с Кайсаром и начинается зеленая зона, которая заканчивается далеко за кишлаком Янгикала, то есть, почти под городом Меймене. Командир отряда, помня урок, полученный нами еще при вводе, создал группировку из двух рот, третьей капитана Бекбоева и четвертой капитана Куманяева, под общим командованием своего заместителя капитана Нарына Бексултанова, и разместил ее вдоль этой самой «зеленки». Все люки открыты, едем по-походному, то есть, по грудь высунувшись из люков, оружие выставлено наружу. Это только в первый день, когда вводили, нас заставили ехать по- боевому, задраив люки. А потом бывалые бойцы из батальона сопровождения подсказали, что так нельзя ездить. Если машина наглухо задраена, то при подрыве на mine, или при попадании снаряда от взрывной волны может погибнуть весь экипаж, а если люки открыты, то взрывная волна уходит через них, а поражение наносят только осколки.

Въезжая в кишлак Ширинтагао, ротный по радиации дал команду:

- Усилить внимание!

Колонна, не снижая скорости, втянулась в кишлак. Улицы пустынные. И как бы мы ни ожидали, стрельба началась внезапно. Первым же выстрелом тяжело ранили Смаилова. Пуля вошла под правой лицевой костью и вышла сквозь левую челюсть снизу.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Оператор-наводчик командирской машины ефрейтор **Борисенко** передал по рации:

- Командир ранен!

Били со всех сторон, с дувалов, с крыш, из-за деревьев. Доложил командиру отряда, что приняли бой, командир роты тяжело ранен. Он только и сказал

- Держитесь, вылетаю!

Противник одновременно с нами обстрелял и другие две роты прикрывавшие зеленку, чтобы обеспечить продвижение колонны. Завязав бой с ними, духи ставили цель воспрепятствовать продвижению этих подразделений в нашем направлении и, лишив помощи, уничтожить колонну. Это было первое боестолкновение завязанное с нами по воле противника, он был нагл до невозможности. Одно дело обстрелять с гранатометов, поджечь две-три машины и скрыться, а другое дело одновременно вступить в бой с тремя ротами на бронемашинах, с задачей полностью уничтожить колонну. Огнем из пушек, мы практически разнесли этот кишлак Ширинтагао. Из гранатометов РПГ-7 подбили и наших два Камаза, бензовоз и фуру, потом мы их сами расстреливали осколочными снарядами из БМП, чтобы груз не достался душманам. В том бою я впервые испытал страх быть убитым. Пока веду огонь, укрывшись за крышкой командирского люка, все нормально, но как только полезу вниз, чтобы достать новый магазин для автомата – вылезать не хочется. Сидеть внизу – солдат стыдно. А вытащить подсумок и положить его рядом на броню не догадался, или на уровне подсознания оставлял себе лазейку лишний раз побыть в укрытии, ведь пули так и цокали о броню машины. Все роты на одной радиийной частоте. Слышу, гранатой подбили машину, на которой находился капитан Бексултанов. Кто-то кричит, что Бекбоева, командира третьей роты, окружили и он прорваться не может. Потом голос самого Бекбоева, докладывающего Керимбаеву, что у него потери, убит пулеметчик **Давыдов** и ранен рядовой **Туаев**. Потом слышу, как командир группы из четвертой роты старший лейтенант **Аюбаев** докладыва-

Амангельды Жантасов

ет, что осколком ранен капитан Куманяев. В его БТР кинули гранату, но она не долетела, но осколок попал в ротного.

Старший лейтенант Жатакпаев подъехал к командирской машине, встал вплотную к ней, и под огнем противника снял с нее уже потерявшего сознание Смаилова. Командую:

– Не останавливаться, продолжать движение!

Кто-то спихнул «бэмпэшкой» в стороны горящие машины и расчистил дорогу. Огрызаясь огнем, медленно продвигаемся вперед. Прилетела пара вертушек Ми-8, начала барражировать и обстреливать НУРСами дома вдоль дороги, НУРС – это неуправляемый реактивный снаряд, такие стояли на «Катюшах» в Великую Отечественную. В одном из вертолетов был командир отряда, и он уже с воздуха начал корректировать наши действия. Приказал расстрелять горящие Камазы и продолжать прорываться. Наконец-то вышли к окраине кишлака. Тут один из вертолетов сел и к нему подъехала машина с раненым командиром роты, а Керимбаев тут же пересел в нее. В том бою, в общей сложности, ранило восемь и погибло три человека. Один из погибших был с отряда, рядовой Алексей Давыдов из третьей роты, двое других – водители автомашин с колонны. Кроме Смаилова, с нашей роты касательное ранение в лоб получил заместитель командира первого взвода сержант **Есентай Айдаргужин**.

По прибытии на базу сразу побежал в санчасть, узнать что с командиром роты. В операционную не пустили, там шла операция. Вышел медбрат, **Бахыт Такирбасов**, и сказал, что Смаилов жив и что его уже вертолетом, в сопровождении фельдшера **Орынбасара Тазабекова** отправили в медсанбат Кундузской дивизии.

И только вечером, когда к нам в роту пришел Асылхан Утеев, мы узнали подробности. Раненых и убитых, а вертолет подобрал всех, выгружали в обратном порядке как загружали. Смаилов оказался вторым. Пока Утеев оперировал первого бойца попавшего ему на стол, Смаилов лежал в перевязочной в куче с остальными ра-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

неными. Завершив оперировать, Утеев отдает команду:

– Следующего! ... и слышит, что произошла какая-то заминка. Спрашивает:

– В чем дело?

А начальник санчасти капитан Рахманкулов, отвечает, что там хотели занести Смаилова, но он уже мертв. Тут Асылхан как закричал на него:

–... Твою мать! Ташите его на стол быстрее!

Положили на операционный стол. Пульса нет, сердцебиение не прослушивается. Клиническая смерть. Но, увидев характер ранения, хирург понял, что произошла асфикция, т.е. удушье, так как челюсти перебиты, язык запал в горло и ротовой попросту задохнулся. Решение принимается мгновенно. Скальпель. Надрез в горле и вставляется шланг.

– Все. Качаем! Врач-анестезиолог капитан Сергей Ниякин начинает мощными толчками прокачивать в области сердца. Раз, два, три! Дыхание рот в рот. Раз, два, три! Повторяем! Еще, еще! И тут, Сейлхан судорожно вздрогнул всей грудью, вбирая воздух через шланг, вставленный в горло. Сердце заработало! Дальше уже, как говорится дело техники. Очистить рану, убрать раздробленные осколки кости и наложить повязку. Для опытного хирурга, такая операция может и не была бы сложной, но тут, проблема была в том, что Утеев, во-первых, недавний выпускник мединститута, а во-вторых, пациент уже был мертв. Думаю, не каждый бы решился на такое. К тому же, оказалось, что не имея под рукой положенную при таких случаях специальную металлическую трубку, он вставил в надрез длинный резиновый шланг. Эндотрахеальный шланг, как он потом объяснял нам, которым пользуются для того, чтобы вводить через горло наркозную смесь. И вот этот, случайно оказавшийся под рукой, резиновый вместо металлической трубки и спас офицера. На нем, как я понял, были какие-то манжеты, которые плотно обволакивали края надреза и не давали посторонней жидкости попасть в дыхательное горло. Металлическая же трубка не могла удержаться на месте при длительной транспортировке. Поэтому пациент

Амангельды Жантасов

и выжил, пока его на вертолете доставляли до медсанбата.

Асылхана потом вызывали в Кабульский госпиталь и пытали, почему это он применил резиновый шланг вместо штатной трубки. В мировой практике это оказался первым случаем, через два года его стали применять в США. Вот таким вот образом, Асылхан, наш врач-хирург, в буквальном смысле слова, вытащил одного из наших офицеров с того света. После этого случая мы стопроценто верили, что если в случае ранения нас довезут до Утеева – он спасет в любом случае. Лишь бы череп вдребезги не разнесло, потому и старались во всех последующих боях, прежде всего укрывать голову, за остальное особо и не волновались. Вот насколько была сильна в нас вера в своего врача.

Но справедливости ради, надо сказать и о том, что Сейлхана во время перелета еще раз спас старшина медпункта Тазабеков. Направленный для сопровождения офицера до медсанбата, и находившийся рядом с ним на борту «вертушки» Орынбасар вдруг заметил, что Смаилов вращает глазами и что-то пытается ему сообщить. Как рассказывал Тазабеков, глаза его, говорит, были такие жалостливые и, в них стояла такая мольба о спасении, что невозможно было не понять, что ему очень плохо. В вертолете шумно, ничего не слышать, приник ушами к его груди, и услышал булькание. Булькает, значит, жидкость, трогать трубку боязно, и Тазабеков взял да и высосал ее ртом. Смаилову тут же полегчало. Прибыли в медсанбат, а тут возникла еще одна проблема, капитану надо делать переливание крови, а у него редкая четвертая группа, запаса не оказалось. Но к его счастью, такая же группа крови оказалась у Тазабекова. Орынбасара положили на кровать, Сейлхана на носилках устроили рядом на полу и напрямую перекачали кровь. Получилось так, что здесь был еще один тяжелораненый офицер тоже с четвертой группой крови, ему тоже влили кровь Тазабекова, но он, к сожалению, не придя в сознание так и умер.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Капитан Смаилов выжил, пролечился. В Ташкентском госпитале, из его же ребер, ему сделали нижнюю челюсть. Потом он продолжил службу в системе военных комиссариатов. Дослужился до полковника и вышел на пенсию но, к сожалению, 27 января 2010 года его сердце остановилось во второй раз и уже навсегда. Родом он был с Урджарского района Семипалатинской области.

Много лет спустя после войны, сыновья Сейлхана Смаилова Артур и Тимур, когда Орынбасару Тазабекову исполнилось пятьдесят лет, подарили ему две сабли на подставке и, вручая их, сказали:

- Орынбасар ага!

В жилах нашего отца течет Ваша кровь, он выжил благодаря Вам. Теперь мы и Ваши сыновья, считайте что мы Ваши две сабли, как эти.

Выше я рассказывал, что рядом с нами, через взлетное поле аэродрома стояла вертолетная эскадрилья, предназначенная для обеспечения наших боевых операций. Состояла она из вертолетов Ми-8. «Восьмерки» вообще-то, относятся к сугубо гражданским вертолетам, и предназначены для транспортировки людей, доставки небольшого количества грузов и тому подобное. Но наши конструкторы сделали небольшие изменения, и он стал боевой машиной. Хотя для воздушной поддержки наземных войск имелись специальные боевые вертолеты Ми-24, оснащенные достаточно серьезным вооружением и бронированным прикрытием. «Двадцать четвертые» - это практически воздушные танки.

На «восьмерки» установили навесное оборудование - пилоны и на них подвешивали контейнеры-пакеты для реактивных снарядов по 32 или по 64 штуки с каждой стороны. Оружие очень мощное и по силе поражения, и по психологическому воздействию на противника. На эти пилоны можно было так же закреплять пятацоткилограммовые авиабомбы. Если пакеты для снарядов по 32 штуки то четыре бомбы, если по 64 штуки, то по две бомбы с каждой стороны, так

Амангельды Жантасов

как пилонов было по три штуки с обеих сторон. Плюс поставили курсовой пулемет на носу, и таким образом, учитывая высокую скорость в сочетании с маневренностью, получилась достаточно грозная для душманов машина. После реконструкции эти машины могли не только доставлять личный состав боевых групп, но и обеспечивать их огневую поддержку. Иногда, прямо в салоне у двери закрепляли станковый гранатомет АГС-17 и с него тоже вели обстрел противника. Но однажды нам пришлось, так сказать, на своей шкуре испытать, что значит быть под огнем таких вертушек.

В один из своих первых выходов, наверно в декабре 1981 года, я с одной из групп роты вышел для устройства засады. По обе стороны ущелья, а тропы и дороги там, как правило, проходят по ущельям и ложбинам меж гор, в том месте, где мы собирались устраивать засаду, не было никакой возможности спрятать бронетехнику, поэтому принял решение отвести машины назад и оставить их за горным выступом, а самим выдвинуться в пешем порядке. Механики-водители и операторы-наводчики остались охранять технику, остальные пошли занимать позиции. Просидели очень долго. Внизу, в километрах трех, за небольшой грядой, просматривался кишлак, вот к нему, по данным разведки и должна была пройти группа душманов. Время уже было ближе к обеду, когда показался одинокий безоружный человек, ведущий на поводу ишака, загруженного торбами. Передаю по радиации не трогать, пропустить. Потом чуть позже, на расстоянии видимой связи от него показалась группа человек в тридцать, уже вооруженные, в бинокль все прекрасно просматривается. Как только противник полностью втянулся в сектор обстрела, открыли огонь на поражение. Хоть и с засады, тридцать человек с ходу не уничтожишь, бой затянулся. Доложил на базу, и минут через двадцать появилась пара восьмерок, сделала круг над нами, развернулась и пошла в атаку курсом на ...нас. Кричу:

– Обозначить дымами!

Да, куда там, все перепугались, да я и сам, не сразу вытащил ракету оранжевого дыма. Пока то да се, первая ведущая

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

машина успела выпустить по нам залп с реактивной установки. Хорошо мы были рассредоточены, и никого из нас не задело. Пока вторая заходила на боевой разворот, успели обозначить себя дымами, а потом уже ракетами дали целеуказание в сторону противника. Слава богу, пронесло, как говорится. Потом выяснилось, вертолеты вышли к заданному району, увидели группу, ведущую интенсивную стрельбу, бронетехники не видно, вот и приняли нас за душманов и обстреляли, а могли еще и бомбануть. За все время прохождения службы, там, в Афгане мне пришлось три раза быть под обстрелом своих, но об этом потом.

А вообще, вертолеты были нашим спасением, не знаю, как бы нам пришлось вести боевые действия без них. До места боя доставляли, в бою прикрывали, разведку местности осуществляли, раненых и убитых выносили, почту привозили, и в отпуска увозили. И наверно потому, до сих пор, как услышу тонкий звук вертолетного мотора, тут же, по укоренившейся привычке, пытаюсь определить направление, откуда он идет, и потом только, обнаружив его в воздухе, провожаешь погледом, как старого знакомого. Позже, для целенавещения и корректировки действий нам стали выдавать специальные радиостанции «Ромашка», с которых мы могли переговаривать с летчиками, как вертолетов, так и штурмовой авиации.

После ранения капитана Смаилова, командиром роты назначили командира первой группы старшего лейтенанта **Ахметова Калибека Газизовича**, выпускника Алматинского высшего командного общевойскового училища 1978 года, уроженца села Чекоман под Семипалатинском. А на его место, командиром группы, из первой роты перевели старшего лейтенанта Мирбека Усенова, он был родом из Киргизии, откуда точно, не помню. Калибек был грамотный, смелый, но немного разбитной офицер, еще не забывший свое курсантское ухарство. Нет, он не был разгильдяем, но мог, например, без ведома командира отряда совершить самостоятельную

Амангельды Жантасов

вылазку, не сообщив никому выскочить на одинокой машине в соседнюю роту, километров за пять-шесть, а боевая обстановка такие вещи не одобряет, так можно и жизнью поплатиться. Гусарил, одним словом. Но в сущности, это действительно был один из храбрейших офицеров и командир от бога. Солдаты его любили всей душой и верили в него, а вера в командира, особенно на войне, многого стоит. И вот он стал ротным вместо выбывшего из строя Сейлхана Смаилова. Назначение это мы все приняли спокойно, как должное, даже были рады, что не стали кого-то навязывать со стороны, как это случилось потом. Война есть война – потери не минуемы, а вот с кем рядом воевать – не безразлично.

Первые месяцы пребывания за речкой, как мы называли свою границу, пролетели быстро. Встретили новый 1982 год. 12 января отпраздновали 34-летие Борис Тукеныча. Посемейному так, со всем офицерским составом, прапорщиками вместе. Но на субординацию это никак не влияло, если лейтенант с капитаном пьют вместе водку, это не означало, что они сидят в обнимку в пьяном угаре. Вот, например, Фадеев Сергей Николаевич, такой же старший лейтенант, как и я, даже на год моложе меня, но он заместитель командира отряда по технической части, для меня начальник, поэтому, даже если и сидел с ним за одним столом со стаканом в руке, я никогда не позволял себе переходить с ним на «ты» или еще каким-то образом пытаться показывать свое с ним равенство.

Равенство у нас было в другом, мы имели равную возможность быть убитыми одной автоматной очередью, подорваться на одной mine, или вместе радоваться, что остались живы.

За день до дня рождения командира части, прапорщика **Кравченко**, из шестой роты, во главе небольшой группы, с попутной колонной отправили в Кабул, за запчастями и медикаментами. В пути следования, на одном из перевалов, попали под обстрел противника. Санитарная автомашина, 452-ой УАЗ – «таблетка», как ее называют в армии, в которой находился и сержант **Орынбасар Тазабеков**, вследствие по-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

вреждения осколками тормозной системы, потеряла управление, ударилась об скалу и перевернулась прямо на дороге, и вдобавок ко всему прочему еще и загорелась. Тазабеков, получил осколочное ранение, несколько переломов плечевой кости, перелом двух ребер, большой берцовой кости правой ноги. Но остался жив. В машине их было несколько человек, но самые тяжелые повреждения достались Тазабекову, но дело не в этом. Они все могли погибнуть, и прапорщик, и сержант, и два рядовых. В этом и было их равенство. Но они все остались живы, хоть и искореженные, радовались этому, и в этом тоже было их равенство перед судьбой.

В районе дислокации нашего отряда в основном орудовали душманы входившие в группировку главаря по имени **Маулави-кара**, узбека по национальности. Вообще, северный Афганистан в основном был заселен узбеками, их там проживало порядка двух миллионов. По данным официальной статистики было и пятьдесят тысяч казахов. О встрече с ними еще расскажу. Население Панджшерской долины, куда мы были передислоцированы позже, сплошь состояла из таджиков. Кстати и Бабрак Кармаль, и Ахмад Шах Масуд были этническими таджиками. Таджиков было порядка трех миллионов. Около восьми миллионов пуштунов, т.е. собственно государствообразующей нации, проживало в южной части страны, граничащей с Пакистаном.

И вот, набравшись кое-какого опыта, мы в течении двух месяцев не давали покоя этому Маулави, который до нас вольготно чувствовал себя в провинции и диктовал свои условия местной власти. Да и при нашем присутствии он не особенно смирился. Время от времени, его отряды совершали набеги даже на провинциальный центр город Меймене, по нашему это областной центр. А в один из дней пришло сообщение, что ночью в своем доме был застрелен губернатор провинции. Буквально за день он приезжал к нам на базу и о чем-то договаривался с командиром части, сухощавый молодой человек лет тридцати с

Амангельды Жантасов

небольшим. Но все равно, можно сказать, что эти два месяца были прелюдией к нашим последующим действиям.

6. Дарзабский поход

В ста километрах от Меймене в западном направлении, внутри горного массива находится населенный пункт Дарзаб, который так же относится к провинции Фарьяб. Наибольшая высота горных хребтов тут составляет около двух тысяч метров. Две тысячи, вроде бы не такие уж и высокие горы, но сплошь скалистые, как будто кто-то булавой разбивал горы. Одни нагромождения острых каменных глыб. Дорога, которую и дорогой-то назвать трудно, все время петляла вдоль русла реки Ширинтагао, о которой говорилось выше, в сторону его истоков, да еще несколько раз переходила с одного берега на другой. Одну и ту же реку приходилось переезжать несколько раз, а мосты старые, узкие, на такую тяжелую бронетехнику не рассчитаны. Боевая машина пехоты, ни много, ни мало, весит тринадцать тонн, груженный Зил-131 не меньше, поэтому осторожничали как могли.

Тыловое хозяйство осталось на базе. Взяли только минимум. Несколько полевых кухонь, небольшой запас продовольствия, боеприпасы. Предполагалось, что операция продлится не больше недели, а потом вернемся назад. Но куда там. Только идти до Дарзаба пришлось дня три. Настолько сложным был маршрут, плюс к тому еще мины, завалы на дорогах, засады противника. Прорывались с боями. Дарзаб являлся крупным базовым районом повстанцев воюющих в четырех провинциях Афганистана – Фарьяб, Джаузджан, Балх и Саманган, был их опорным пунктом, в нем так же располагался и учебный центр мятежников. Вот в целях разгрома этого опорного пункта командованием 40-ой армии и проводилась эта операция. Основные силы, а это три мотострелковых батальона 203-ей дивизии, и четыре батальона афганской армии, шли со стороны Мазари-Шарифа, т.е. с севера на юг, а мы должны были воспрепятствовать отходу

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

противника по ущелью Ширинтагао в юго-западном направлении. Подразделения первого «мусульманского» батальона спецназ майора Игоря Стадеревского, такого же, как наш, были десантированы вертолетами посадочным способом и заняли господствующие высоты вокруг Дарзаба. Из-за сложностей, возникших при продвижении нашего отряда, к взятию самого Дарзаба мы не успели, остатки разбитых душманских формирований ушли в направлении Сари-Пула, т.е. на северо-восток. Зная о нашем продвижении, они выставили заслоны, и отошли в противоположную от нас сторону.

В первый же день похода на одном из скалистых поворотов на крупных камнях перевернулся танк с минным тралом, который шел впереди всех. Минный трал, это что-то вроде катка, состоящего из нескольких рядов металлических зубчатых колес. Его цепляют на танк как лопату бульдозера и если на дороге есть взрывные устройства, то они при наезде трала срабатывают. Каток подпрыгивает, а танк остается целым и дорога расчищена. И вот, этот танк перевернулся и закрыл дорогу. Ни вправо, ни влево его не объехать. Можно только оттянуть, а сзади стоит вся колонна. Решили его подорвать, но только так, чтобы он подпрыгнул, перевернулся и встал на гусеницы. Начальник инженерной службы капитан Сергей Селютин сделал расчеты, заложили заряд и рванули. Танк подпрыгнул, перевернулся, но ...перед тем как встать «на ноги» уткнулся стволом в землю и погнул его. Нарын Бексултанов, зам командира отряда, не находит ничего лучшего, как произвести с него выстрел, чтобы выпрямить ствол, и конечно, ствол разрывает ромашкой. Так и поехали дальше с разорванным стволом. Во второй день нашего похода на Дарзаб, с моста завалилась установка «Град», или как правильно его называют БМ-21, это современная модификация знаменитой «Катюши». Перед самым выходом мы были усилены двумя батареями этих установок из 998 артиллерийского полка 201-ой «кундузской» дивизии, «кундузская», потому что штаб дивизии стоял в афганском городе Кундуз. Практически это был дивизион сокращенного состава, командовал им майор Гузь.

Амангельды Жантасов

Потом, много лет спустя, я встретил Аскерова Болат Аскатовича, солдата из этого дивизиона. Он был земляком нашего Калибека Ахметова, и в тот день, когда перевернулась БМ, они встретились. Вот как об этом рассказывает сам Болат:

«Колонна встала. Все засуетились, забегали, оказалось, что одна из наших БМ упала в обрыв. Из интереса, тоже побежал вперед, посмотреть на упавшую машину. А тут смотрю, на повороте поперек дороги, стоит БМП, а на ней стоит Калибек. Подхожу и кричу ему – Калибек! Он повернулся, посмотрел на меня и спрашивает:

- Ты друг Мурата? - так его братишку звали. И уже слезая с БМП сказал:

- Мне говорили, что сын Аската тоже в Афганистане, вот мы и встретились.

Я говорю ему:

- Хорошо, что встретились, теперь нас в Афганистане трое из аула, Талгат Елишибаев служит под Кабулом.

Медленно раскурив сигарету, Калибек мне:

- А он погиб еще в августе.

Я был ошарашен, не знал об этом. Калибек обнял меня и повел в голову колонны. Подошел Мухтар Оспанов, из Георгиевки, он был родственником Калибека, приходился ему сватом.

- Вот, – говорит, – Болат, он тоже из Чекомана. Но поговорить мы не успели, прибежал сержант с нашего расчета и позвал меня назад. Оказалось, что снаряды с машины вытащили, а машину саму приказали расстрелять из БМП. В ночь остановились на привал. Встали на позиции. Ночью к нам в батарею пришел Калибек и забрал меня с собой. Я хотел взять с собой автомат, но он сказал

- Не бери, тут не далеко, кругом посты.

Вокруг темно, холодно, но снега нет, хотя и январь месяц. Подошли к расположению его роты. Несколько офицеров сидят под скалой, горит костер, подогревают тушенку. Кто-то спросил:

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

– Земляка встретил?

– Нет, братишку - ответил Калибек. Вытащили фляжку и разлили по кружкам, мне тоже налили. Калибек посмотрел на меня и говорит:

- Сен бала шпейсиң, - мол, ты пацан пить не будешь. Я отложил свою кружку. Долго сидели и говорили, сейчас не помню о чем, наверно обо всем. Потом Калибек сказал, что завтра рано вставать, надо спать. Проводил меня назад.

Днем стреляли куда-то из БМ-21, сказали, что душманы уходят. Потом поехали дальше. Дня через четыре, уже в Дарзабе лежали ночью укрывшись пологом в кузове Урала, тут полог откидывается и спрашивают:

- Болат здесь? Поднимаю голову, стоят четыре солдата, Мухтар Оспанов, Нуржан Каримов и еще двое, я их не знал, и сейчас не помню как зовут. В руках котелки с горячей кашей. Потом за руки втянули в кузов Калибека. После того как поели, Калибек попросил проводить его.

– Теперь разъедемся, вас возвращают назад. Хочешь служить в десанте? Пойдешь к нам? Сейчас положу в нашу санчасть, как больного, а потом напишем рапорт, переведут.

– Пойду, - говорю, - Только у меня есть друг Максут, его тоже надо перевести.

– Нет, - отвечает, - Двоих не смогу. Потом посоветовал быть осторожным, беречь себя, не лезть куда попало. Уже прощаясь, вытащил с кармана новый блокнот с уже записанным своим адресом:

- Пиши на этот адрес, - и обнял меня на прощание. Это было 17 января 1982 года. В мае получил письмо из дома, где сообщалось, что Калибека похоронили. Родные просили меня: «Сен енді өзің сақтанып жүрші...»

По завершению операции, командование приняло решение отряд оставить в Дарзабе для укрепления государственной власти. Вместе с нами оставили и 35-й пехотный полк афганской армии. Дарзаб был достаточно крупным населен-

Амангельды Жантасов

ным пунктом с населением порядка десяти тысяч человек, которое правда к нашему приходу всё ушло в горы. Штаб отряда разместился в центре городка, а подразделения раскидали в зависимости от имеющихся жилых помещений. Нашу роту разместили в здании лицея. Одноэтажное каменное строение. Довольно таки мрачное и холодное. Печи для отопления у них там, как в жилах домах, так и в учебных заведениях, не предусмотрены. Каникулы в школах устраивают в зимнее время, видимо, чтобы дети не мерзли. С топливом проблема огромная. В жилых домах печи строятся только для приготовления пищи, как правило, во дворах, или же на ...крыше. В скалистой местности для строительства жилья отвоёвывается каждый квадратный метр земли, потому видимо используют и крыши домов, тем более что они у них плоские. В холодную погоду отогреваются очень интересно. Под низкий столик ставится глиняный горшок с тлеющими углями, столик накрывается большим одеялом, которым и укрывают ноги, сидящие вокруг стола. Убранства как такового нет, самодельные столики, такие же комоды, сундуки и все. На полу циновки или паласы, кроватей не видел. В домах побогаче много ковров, и на стенах, и на полу. Полно было японских магнитофонов, транзисторов, телевизоров не было.

Выставили посты охранения, где было возможно, вырыли окопы или же оборудовали брустверы из камней и укрыли технику. Помню, когда копали окоп для поста, нашли зарытых два автомата ППШ. Это оружие советского производства времен Великой Отечественной войны. Они были просто брошены в землю без всякой обертки. Когда с них стряхнули землю, передернули затвор и нажали на курок, они застрочили как новенькие. Вот какого качества было наше, советское оружие. Эти автоматы, как и танки Т-34, Т-55, крупнокалиберные пулеметы ДШК, 82-х мм. минометы, противопехотные мины, ручные гранаты были на вооружении афганской армии, а потом потихонечку переходили в руки душманских формирований. И тогда, и сейчас тоже, их принято называть бандформированиями. Должен сказать, что это были

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

не банды, а достаточно подготовленные, организованные воинские формирования, разве что, форму не носили. Чуть позже, у них появились и наши переносные зенитно-ракетные комплексы «Стрела-2М» китайского и египетского производства, гранатометы РПГ-7В. Кроме советского оружия у них были английские винтовки старого образца «Бур», аналог русской винтовки Мосина, так называемой «трехлинейки». Оружие очень хорошее, имею в виду «Бур», у него прицельная дальность, без всякого прибора наведения, была до двух километров. Так же они были вооружены 7,62 мм автоматами Калашникова китайского образца, довольно таки плохонькие автоматы. Состав стали ствола не соответствовал их скорострельности и потому, при длительной стрельбе очередями стволы у них сильно нагревались, и пули тогда просто выплевывались. Дуки старались при первой же возможности выкидывать их и вооружаться нашими «калашами».

После того, как укрепили свои расположения, оборудовали посты охранения, начали выходить на выполнение боевых заданий. Мятежников вокруг было полно и работы хватало. Главное, надо было убедить их, что хозяевами положения являемся мы и, что теперь они безнаказанно творить свои дела не могут. В результате наших активных действий главарь одной из крупных местных группировок Мавлави Пахлаван, запросил мира и заявил, что теперь будет воевать на стороне государства. Пахлаван, на узбекском, по-моему означает тоже, что и на казахском «балуан», т.е. силач, и мне кажется, что «Пахлаван» было его прозвищем. Я встречался с этим человеком, когда он приходил к нам на переговоры, потом мы у нас в роте уточняли с ним боевые задачи по совместным действиям. Это был действительно очень крупный, физически сильный человек со сдержанными, величавыми манерами. Но в то же время, его манеры не помешали ему перепить наших офицеров, в этом мы убедились сами, в гостях уже у него.

Однажды Бахытжан Жатакпаев проснулся с идеей дополнить применение автоматического гранатомета АГС-17.

Амангельды Жантасов

Видать давно уже обдумывал про себя, а этим утром поделился с нами. Суть идеи состояла в том, чтобы закрепить гранатомет на командирском люке, и вести с него стрельбу не покидая машины. Я уже говорил, что командирский люк на БМП-1 вращается по кругу. В башне только одно место, там сидит оператор-наводчик орудия, и туда сверху ничего не поставишь. АГС-17 это короткоствольная, утолщенная коробка, посаженная на невысокую кривоногую треногу - станок. Этими кривыми ногами, и своей приземистостью, внешне он мне всегда напоминал бульдога. Сбоку, у основания ствола крепится короб с двадцатидевятью осколочными гранатами. Прицельно бьет на расстоянии до семисот метров, причем гранаты падают в шахматном порядке, каждая поражая вокруг себя все в радиусе семи метров. Вводится натягиванием шнура на затылке ствольной коробки, т.е. таким образом отводится затвор. Дня два, Бахытжан со своими сержантами возился изготавливая приспособление для крепления станка на люке, благо под рукой, в шестой роте, была машина технического обслуживания, т.е. мастерская с нужным инструментом. Затем поехал в четвертую роту и выстрелом из КПВТ(крупнокалиберный пулемет Владимиров-Токарева) проделал отверстие на крышке люка, чтобы пропустить зарядный шнур. Бахытжан не был бы Бахытжаном, если бы тут же не испытал свое изобретение. И не просто на мишенях, а на реальном противнике. Загрузил экипаж и на одной своей «двадцать четвертой» машине поехал искать духов, и как выехал за селение, так сразу же наткнулся на их небольшой отряд. Те были вооружены только стрелковым оружием и увидев БМП начали разбегаться, тем более, что наткнулись в открытой местности, Бахытжан начал прямо на ходу стрелять по ним из гранатомета. Вернулся довольный, в ближнем бою говорит, можно пользоваться как простым пулеметом, но докладывать, что принял бой и уничтожил группу душманов не стал, так как знал, что за самодеятельность получит от Керимбаева по шее.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Спустя месяц по прибытии в Дарзаб, танковую роту, приданную отряду для усиления, отозвали назад, и ее надо было проводить через ущелье до населенного пункта Жаркудук, по ту сторону гор. Для сопровождения выделили четыре БМП и ЗСУ «Шилка» (зенитная самоходная установка), под общим командованием старшего лейтенанта Жатакпаева.

Я уже говорил, что офицеры в отряде, были как на подбор, один лучше другого, каждый был личностью с большой буквы. Например, у того же Жатакпаева, тесть был в то время первым секретарем Восточно-Казахстанского обкома партии. По тем временам бонза - не чета нынешним акимам. Женился буквально перед самым Афганом. Но он даже не подумал использовать положение своего тестя и остаться в Союзе. Два года, как говорится от звонка до звонка, пробыл свое положенное в Афгане, воевал вместе со всеми, и надо сказать воевал храбро - домой вернулся с орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Одним словом геройский человек.

До Жаркудука прошли спокойно, ни одной мины, ни одного выстрела. Попрощались с танкистами, пожелав друг-другу удачи, и повернули назад. По дороге был кишлак Гардан и возле него, на излучине, речка с громким названием Дарьяйи Сафед, разлилась и вышла из берегов, затопив дорогу. Пришлось снизить скорость, чтобы не свалиться в русло. Бахытжан потом рассказывал:

-Откинулся на спинку командирского кресла и лежу, балдею. Тут что-то бух по машине, я даже не понял, об камень ударились что ли, думаю. Тут, по моей голове сверху, стучит оператор-наводчик Нурғалиев, и что-то кричит, тыкая пальцами вверх. Поднимаюсь на броню – Бог ты мой! Горим самым натуральным образом. А механик-водитель Бауыржан Ушакпаев продолжает ехать. Мы с Нурғалиевым вытащили его с места буквально за воротник куртки. Оказалось, его задело взрывной волной, и к тому же он угорел от дыма, и от этого был как чумной. Тут начали высказывать и те, кто сидел в десантном отделении. Дождь, ту-

Амангельды Жантасов

*ман, стоим по колено в воде, горячая машина продолжает идти дальше. Только добежали до берега, прогремел взрыв, это сработал боекомплект в башне. Кормовые двери так и прошелестели над нами. С домов начали стрелять по нам, спрятались за валуном, благо их тут полно. Начал по переносной станции запрашивать своего замкомвзвода сержанта **Виталию Погребного**. А он вышел на связь и удивляется:*

– А я думал, что вы все взорвались! – видимо тоже был в шоке.

– Кончай, – говорю, – Болтать, быстрее забирай нас.

*Отъехали от кишлака где-то на километр, смотрю, мчится рота Талая Шатемирова. После моего доклада Керимбаев поднял ее по тревоге и направил к нам в помощь. Четыре группы это уже сила. Вернулись в кишлак, обстоятельно обстреляли его из пушек, потом расставили машины, и пешком начали прочесывать дома. В этот день особо отличился пулеметчик **Бекен Таскенбаев**, который храбро врывался во дворы со своим огромным пулеметом ПК и выкуривал духов, как тараканов. В одном из домов его встретили автоматной очередью, но Бекен кинул туда гранату и следом за взрывом заскочил туда сам, и где-то там, в лабиринте комнат, отловил одного из «духов» живым. Когда он тащил его за ноги, тот верещал как заяц. Выловили человек тридцать, молодых и не очень мужиков, были и трупы с автоматами, винтовками в руках. Все, кто остались живы, оружие выбрасывали, валяются в ногах и все кричат:*

– Ака! Атмаңыз, атмаңыз!, т.е. не стреляйте, не стреляйте. Наводчик-оператор «двадцать пятой» машины Гарриев, тот, который в Союзе ездил на мотоцикле, увидев, что человек пятнадцать духов уходит в горы, в горячке погнался за ними сам один, и главное, поймал их и привел назад, хорошо, что они перед своим побегом побросали оружие, а так бы пристрелили Гарриева. Вот так вот, ценой одной машины, но не потеряв при этом ни одного человека, уничтожили целую группировку врага.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Дни шли за днями. Особо крупных столкновений не было, в основном мы их подлавливали в своих засадах, уничтожая мелкие группы под корень. Опять же, хорошо работала разведка, заработали новые информаторы, и что ни день нам приходилось отрабатывать поступающую информацию. Такие операции похожи друг на друга как две капли воды. И рассказывать о них просто нудно, со временем, оказывается, даже бои превращаются в обыкновенную рутину. Но противник не оставлял надежду, вновь овладеть ситуацией, то атаковывал наши посты, пользуясь тем, что подразделения стояли в населенном пункте, вследствие чего противник мог скрытно приблизиться к нам на расстояние броска гранаты, то проводили показательные казни активистов в горных селениях. А 10 марта 1982 года между Меймене и Дарзабом сбили наш вертолет. Экипаж погиб, это было очевидно, но надо было вытащить их тела. В Афгане это был железный закон – ни раненых, ни погибших не оставлять, как бы ни было тяжело. Армейская поговорка – «Сам погибай, а товарища выручай!», работала во всю силу. Порой, вытаскивая одного погибшего, могли положить еще пять – шесть человек, но шли на это. Но зато каждый из нас был уверен – в случае чего врагу не оставят. Вертолеты обычно летали только парами, и вот после того, как был сбит один, другой начал кружить над этим местом, не давая духам подойти к сбитому борту, и запросил с эскадрильи помощь. А базировались они, как вы помните, в Меймене. Командир эскадрильи к нам - просить десант, иначе тела не вытащить. Капитан Джунушев, оставшийся на базе в Меймене старшим, срочно собрал группу из восьми человек, посадил ее в другой вертолет и отправил к месту падения борта. Группа в основном состояла из легкораненых, долечивавшихся при части. Старшим группы оказался старший лейтенант *Тагир Айдаров*, взводный из нашей роты, который за день до этого улетел из Дарзаба, собираясь убыть в очередной отпуск. У него отец был казах, а мать башкирка, поэтому и имя Тагир. Оказывается, он даже переделался в повседневную форму, т.е. китель, рубашка, брюки на вы-

Амангельды Жантасов

пуск, собрал чемодан и ждал вертолет, чтобы лететь в Кабул, а дальше домой. И Тагир, как был в кителе, так и полетел в бой. И вот новая пара вертушек прибыла к месту падения. Вертолет, в котором был десант, пошел на посадку, а второй начал кружить над ними, прикрывая своим огнем. Душманов оказалось очень много, как потом рассказывал Тагир, они все увеличивались и увеличивались, видимо их старший собирал всех, кто был в округе. И только авиационное прикрытие спасало положение, не давая им приблизиться. Точное количество установить не удалось, но их было не меньше трех сотен, об этом докладывали вертолетчики. Как только борт с десантом совершил посадку, начали по одному выпрыгивать. Первым шагнул рядовой *Виталий Чернов*, и как оказалось, на землю он упал уже мертвым. Пуля попала в грудь. Быстро повыпрыгивали все остальные. Хорошо, что при заходе на посадку, Айдаров заметил воронку от авиабомбы и попросил летчиков посадить машину рядом с ней, вот в эту воронку все и спрятались. До сбитого вертолета метров пятьдесят, да куда там подойти к нему, голову высунуть невозможно. Огонь противника был настолько плотным, что даже речи не было, о том, чтобы вести ответную стрельбу. Главное было уберечь себя. Пролежали пять часов, и все это время машины нашей эскадрильи продолжали кружить, обстреливая врага, и поочередно уходя на дозаправку. И только где-то ближе к четырем часам пополудни, пока видать все согласовывали в верхах, появились еще две эскадрильи Ми-24 и начали утюжить все вокруг. С появлением «двадцать четвертых» духи отошли. Тогда только группа Тагира смогла подойти к сбитому вертолету и забрать останки погибших летчиков.

Мирная жизнь в самом Дарзабе постепенно начала налаживаться. Население возвращалось с гор в свои дома, открывались дуканы, заработал базар. Мы тоже старались показать им, что желаем только добра. Каждая рота вокруг себя разбирала развалины, очищали улицы. По приказу командира выделили личный состав для восстановления ме-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

чети, наша рота в этом, правда, не участвовала. Подремонтировали мостики внутри селения. Даже начали принимать их больных в нашей санчасти. Было и не без курьезов. Дело молодое, нам офицерам от двадцати пяти до тридцати лет. Женщин в отряде нет. Вот и стали, некоторые из нас, просить нашего врача Утеева показать нам афганок из-за ширмы, когда он ведет приемы. Честно говоря, за два года службы, я так и не увидел лица ни одной афганки, кроме двух – трех старух, которые не посчитали нужным прятать свои лица, когда мы проезжали рядом. Ну, а на приеме у врача, естественно снимают все, что скажет врач. Вот и ходили наши лейтенанты, любоваться из-за ширмы, затаив дыхание. А Асылхан заставлял их раздеваться, даже если они пришли с панарицей на пальце, осмотр должен быть тщательный. Но однажды Керимбаев узнал об этом, и дал нам всем разгон, запретив просмотры афганок нами, но не осмотры врачом конечно... Если хоть одна из них, узнала бы об этом и сказала мужу, скандал был бы международного масштаба, это точно. А вообще, должен сказать, что за все время нашей службы, ни разу не было случая, чтобы наши бойцы, не говоря уже об офицерах, насильничали над местными женщинами.

У солдата всегда имеются два пути, по которым он в основном отвлекается от службы. Это бегать по девкам или за водкой. Первое, учитывая нравы местного населения, было почти исключено, а второе умудрялись решать втихую, у себя же в роте, – подальше от глаз офицеров ставили брагу. Про первое говорю почти, потому что один из моих солдат, там в Дарзабе, все же подкармливал из своего сухого пайка какую-то афганку и похаживал к ней. Оказалось, что это была шестая жена местного муллы. Мулла выследил свою жену, но зайти туда, где они уединились, побоялся и пошел с жалобой к командиру отряда. Солдата вычислили сразу, хотя и вычислять то было нечего, пост известен, время известно. Мулле его показывать не стали, сказали мол не нашли, будем искать. А солдата этого командир самолично обрил наголо,

Амангельды Жантасов

хотя до дембеля тому оставалось всего ничего.

Потом из любопытства спрашивал его, как хоть внешне-то выглядит, красивая. – Да, какое там, – махнул он рукой. – Когда согласилась и откинула паранджу, то увидел, что более некрасивого лица я не видел до сих пор, но все же это была женщина...

Если уж продолжить разговор на эту тему, то недавно и сам Борис Туkenович признавался. Как-то к нам, когда мы стояли в Гульбахоре, прибыла концертная бригада. Артисты были из Союза, и они через Кабул были направлены к нам вертолетами. Борису Туkenовичу приглянулась одна из певиц, и он стал бросать на нее пылкие взгляды.

- Певичка вроде тоже глядит на меня благосклонно, – вспоминает Туkenыч.

- Ну, думаю, послал бог кусочек сыра. Звоню командующему армией, мол, разрешите артистов оставить у себя до утра, надо концерт показать еще бойцам с охранения, когда они сменятся. В ответ командующий пророкатал:

- Отправить немедленно, мы головой отвечаем за их жизни! – Приказ есть приказ, пришлось отправлять. Так и пролетел этот кусочек мимо меня...

В Дарзабе мне исполнилось двадцать семь лет. И солдаты преподнесли сюрприз. Оказывается, за несколько дней до этого, когда мы только вошли в селение, они поймали приبلудившуюся корову, поставили ее в одной из близлежащих развалин, и в тайне от нас офицеров, откармливали. А в день моего рождения доложили ротному, и с его разрешения зарезали. На всю роту сделали бешбармак и праздновали мой день рождения, корова правда, оказалась очень тощая.

Как-то, в один из тихих дней мы с Бахытжаном пошли посмотреть базар. Надели бронежилеты, закинули автоматы за плечи и пошли. Идем между рядами и переговариваемся меж собой на казахском языке, обсуждая увиденное. Тут сзади, кто-то окликает нас:

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

- Эй, жігіттер, казаксыңдар ма? Оглядываемся, стоит небольшой мужичок в рваном шапане. На голове потрепанный борик, отороченный мехом легкий головной убор, под уздцы держит лошадку, тай- двухлеток, сразу определил я.

- Ия, казакпыз, - отвечаю ему. И тут мужичок заплакал. Самым настоящим образом, навзрыд.

- Не думал, - говорит, - что увижу еще казахов с Родины. Мы его успокоили, как могли и повели с собой в роту. В роте накрыли дастархан, подогрели тушенку, хлеб, масло на стол и стали угощать. Имя его сейчас забылось, не могу вспомнить, а вот, то что поведал помню до сих пор. Он был родом откуда-то из под Кызылорды и относился к роду Тама. В 1927 году, когда началась конфискация имущества у зажиточных людей, объявленных кулаками, его отец продал весь свой скот и вместе с несколькими родичами бежал в Афганистан. Наш собеседник тогда еще был грудным ребенком. При переходе границы их задержали афганские пограничники и отобрали все, что было возможно. С этого момента они превратились в нищих, отец с матерью так и умерли в нищете. Женился, рассказывает дальше, совсем недавно, а ему уже было далеко за пятьдесят. Всю жизнь собирал на калым, так и не смог собрать. Какой-то зажиточный казах отдал ему в жены дочь инвалидку без всякого калыма.

- И лошадку эту тоже, - говорит, - дал тесть. А основным занятием было снимать шкурки с каракулевых ягнят, сами тушки отдавали ему, как плату за работу, вот ими он и питался. Спустя несколько дней, он привел с собой еще двух казахов. Отца и сына, эти были одеты добротно. Старший из них сильно хромал на одну ногу, сказал, что это у него еще с детства, вывих какой-то. Живут в горах, на заимке, или *қыстау* по-нашему. Занимаются пошивом одежды. Сам он делает раскрой, жена и сноха шьют. Сын по хозяйству. Есть две швейные машинки. Себя он относил к зажиточным, но все равно мечтал вернуться в Казахстан. Они понимали, что здесь за их безопасность никто и ломаного гроша не даст. Просили нас помочь переехать в Казахстан. А что мы можем,

Амангельды Жантасов

старшие лейтенанты. Спросили, а почему через посольство не решаете, оказалось, что Советский Союз отказывается. Когда прощались, они сказали, что им теперь ничего не остается, как прорываться через границу, как в двадцать седьмом делали их отцы. Больше их я никогда не видел, да и вообще казахов других не встречал. Видимо то обстоятельство, что их там очень мало, принуждало их жить обособленно и в стороне от крупных населенных пунктов. Когда вокруг много чужаков, всегда есть возможность напороться на неприятности.

Солдат, хоть на войне, хоть в мирное время, очень привыкает к своему подразделению и всегда с неохотой покидает его, а обстоятельства перехода бывают разные. Это может быть и ранение, и пополнение другого подразделения или части, а могут перевести и по причине недисциплинированности. Однажды в роте произошел случайный выстрел из пулемета, он мог оказаться роковым для находящихся рядом бойцов. А виноваты были младший сержант **Ислам Темиржанов**, командир отделения и рядовой **Акжол Есенгулов**. Решили в наказание перевести их в первую роту, которая отличалась жестким характером их командира **Талая Шатемирова**. Прошел почти месяц, все это время они не переставали проситься обратно в роту, при первой же возможности обращаясь ко мне или к Калибеку. Все это видать надоело и Талаю. Он объявил, что проводит с ротой кросс, и если они обгонят бойцов его роты и прибегут первыми, то вернет их назад, а если нет, то они до конца службы останутся у него, и больше не будут ему надоедать. Услышав такую перспективу, Акжол и Ислам выложились, как могли. Чуть не умерли от одышки, но обогнали всех и прибежали первыми. Ведь служить в чужой роте, это все равно, что ребенку быть в чужой семье. Талай выполнил свое обещание и попросил нас забрать их обратно. В то же время думаю, каково же было ему, когда солдаты второй роты обогнали его бойцов. Он был очень щепетильным в этих вопросах и очень ревниво относился к любому успеху других подразделений. Наверно, эта

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

черта его характера, стремление во всем быть первым, и позволила ему впоследствии стать командующим погранвойсками Киргизии, а потом и заместителем министра обороны своей страны. Заместителями у него были капитан **Батуев Бато Бимбаевич**, бурят по национальности и старший лейтенант **Сергей Литвиненко**. Командирами групп были **Анатолий Матвейчук**, **Алишер Агзамов** и **Федор Стройнов**. Старшиной роты был прапорщик **Николай Пильганский**, здоровый такой, добродушный хохол. И Матвейчук, и Агзамов, оба были прекрасными офицерами. Они не только грамотно организовывали действия своих групп, но и сами воевали очень смело, порой даже до безрассудства.

Не менее крутого замеса служакой, был и командир третьей роты капитан **Мелис Бекбоев**. Он был чуть постарше возрастом остальных ротных, где-то, года на три, и потому наверно был более степенным и в то же время дотошным. Если другие ротные командиры, получив задачу, могли просто перепоручит их исполнение взводным, а сами заниматься другими делами, то Мелис так поступить не мог. Он мог не спать всю ночь, но лично прослеживал исполнение отданных самим же распоряжений. Все что ни делал, делал с какой-то крестьянской обстоятельностью. Добросовестность – вот наверно самое точное слово, характеризующее его и как человека, и как офицера. Он был добр к своим солдатам, и они к нему относились действительно как к отцу, а не как к командиру. Всем запомнилось его самое страшное ругательство – «Ибиаумать, глаз выколю!». Впоследствии он стал начальником Генерального Штаба Киргизской Республики, генералом. Люди порой запоминают самую, казалось бы, незначительную мелочь, но вдумавшись, потом понимаешь, что эти-то мелочи как раз наиболее точно и характеризуют человека, и потому запоминаются. Вот один из бойцов вспоминает:

- Как-то стояли перед штабом с экипажем «тридцатой» машины, и о чем-то разговаривали, ожидая Бекбоева, должны

Амангельды Жантасов

были куда-то ехать. А у меня как раз, выскочили два фурункула, и лицо было перекошено. Вышел ротный, увидел мое лицо и сурово так:

- А ты, чего тут болтаешься с кривым лицом, бездельник. Марш в санчасть, скажи, что я приказал.

Вроде и не ласково сказал, он всегда говорил коротко, отрывисто, как будто ругал, но забота была приятна, запомнилась.

Заместителями Мелиса служили старшие лейтенанты Марат Смагулов и Гафур Кулбаев, командирами групп были старшие лейтенанты **Сергей Макашев**, **Ринат Мередурдыев** и **Андрей Богдашкин**. Макашева потом перевели в другую часть на повышение, а вместо него прислали лейтенанта **Егиазарова**, армянина. Старшиной роты был старший прапорщик **Геннадий Левкович**. Андрея Богдашкина, солдаты роты вспоминают, как самого спокойного, непробиваемого ни при каких обстоятельствах офицера, и еще помнят, как он умел ходить до того бесшумно, что в метре от себя не услышишь.

- Как черт ходит, - говорили о нем солдаты.

Прапорщики у нас так же были колоритными фигурами. Трое из них, **Геннадий Левкович**, **Александр Бубенцов** и **Яков Яшкин** были переведены к нам из бригады еще в Капчагае. Яшкин служил в группе ЗСУ «Шилка», худошавый такой, молодой человек. Левковичу было лет тридцать пять. Мастер спорта по парашютному спорту, у него за плечами было свыше двух тысяч прыжков. Невысокого роста, рыжий, остроносый, с тонкими губами и с выдающимся небольшим животиком, этакий колобок-крепыш. О прапорщике Бубенцове, старшине пятой роты, разговор отдельный, погиб смертью храбрых в Панджшере.

Константин Масленников, командир ремонтного взвода из шестой роты. Своей серьезностью, грамотностью в отношении техники, порой он мог любого офицера заткнуть за пояс. При общении с ним, и офицеры, и солдаты срочной

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

службы, как бы забывали об его невысоком воинском звании, а разговаривали просто, как со знающим дело человеком. В армии такое не часто бывает. В этой роте, командиром взвода служил еще прапорщик **Александр Кравченко**. Выжив в Афгане, он через несколько лет погиб от рук пьяных дебоширов в Капчагае. Пильганский, Масленников и старшина второй роты **Нурдун Тохтахунов** в 1979 году закончили школу прапорщиков в Душанбе и служили в частях КСАВО, из которых и были к нам переведены при формировании. Тохтахунов, например, прибыл из Сарыюзекского гарнизона. Был у нас еще прапорщик **Алексей Бокун**, такой добрейшей души человек, каких наверно мало. Он был начальником продовольственного склада, родом из Белоруссии, говорил с небольшим белорусским акцентом. Изредка попадался командиру чуть под шафе, видели бы вы тогда его глаза, такие синие- синие, наивные и виноватые, как у набедокурившего ребенка. Брюшко над ремнем, штаны висят, всегда улыбающееся круглое лицо, так и стоит перед глазами. Старший прапорщик **Евгений Лукьянов**, начальник столовой, носатый такой, весь в морщинах, голос как из трубы, хотя сам и не очень крупный телом. Этот был, стреляный волк, эдакий «прапорюга», в смысле матерости, он к тому же, в свое время заканчивал школу прапорщиков войск специального назначения. В тыловых подразделениях такие люди бывают незаменимые - все видели, все знают и многое умеют. Я уже говорил, его все звали Старым. Кроме тех, кого перечислил, были еще прапорщики **Валерий Чечулин**, начальник склада вооружения, **Роберт Булатов** – начальник склада ГСМ, **Лысов**, имя забылось, начальник вещевого склада. В штабе, начальником секретной части служил прапорщик **Мирошниченко**, как зовут, тоже забылось. Чечулин, Лукьянов и прапорщик Бойко, ни имени, ни должности тоже не помню, до нас служили в Киргизии, в Койташском полку. Все они были нормальные военнослужащие и порядочные парни, ни один из них не проворовался, не струсил, честно выполнили свой долг.

Амангельды Жантасов

Ближе к концу апреля завершилась наша миссия в Дарзабе, и отряд получил задачу на передислокацию обратно в Меймене. Обратный путь прошел намного быстрее и безопаснее. К тому времени, мы действительно достаточно хорошо потрепали мятежников в округе, и они уже не пытались воспрепятствовать нашему продвижению. Запомнился один случай при возвращении. Даже не случай, можно сказать, видение, характеризующее жизнь местного населения. Поскольку была весна, шло обильное таяние снега в горах, и в низинах было очень много подтопленных мест. Прямо таки обширные озера образовывались. И вот идем по кромке такого, вновь образованного озера, и вижу, как издалека наперерез нашей колонне вброд, по грудь в воде, кто-то идет и машет руками. К дороге он вышел, как раз вровень с моей машиной. Смотрю мальчишка, в рубахе и штанах, на босу ногу галоши и в руке две сигаретки – предлагает купить. Представляете, наверно метров триста прошел по грудь в воде, чтобы продать нам две сигаретки. А вода наполовину со льдом. Вот и представьте себе их жизнь. Правда, зачастую эти сигареты были набиты анашой, но это сути не меняет. И вообще анаша у них считалась, чем-то вроде насыбая для нас.

Тогда же, впервые в жизни увидел, как пашут на коровах. Не на волах, а именно на коровах. Обратные склоны гор от Дарзаба довольно покатые и на них что-то высевают, думаю, что это была пшеница. Пахали деревянными сохами, какие не раз видел на картинках на исторические темы.

По прибытии в Меймене, где-то в первых числах мая, или в конце апреля, я убыл в очередной отпуск. Командир роты, Калибек Ахметов, должен был убыть после моего возвращения. Убытие офицера в Союз, это целое событие. Тем более, что это были наши первые отпуска. Всю зиму из-за боев в районе Дарзаба мы не могли отлучаться. Надавали кучу подарков, для передачи родным. К нам изредка с колоннами приходили военторговские автолавки с дефицитным, по тогдашним временам товаром из Внешинторга. Кроме того, мы и в Меймене ходили по местным лавкам, где тоже было

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

полно всего, чего не было дома. Джинсы, батники, дубленки, шифон, японские магнитофоны, транзисторы и многое другое. Денег было достаточно, вот и покупали детям, женам, родственникам. Передал подарки домой и Ахметов, уже не помню, что конкретно, какие-то детские вещи, то ли курточка, то ли дубленка. В отпуск нам приходилось летать через Кабул. На вертолетах добирались сначала до Баграма, потом до Кабула, а оттуда попутным самолетом до Ташкента, аэропорт Тузель. Везде летаешь бесплатно, всюду на попутных самолетах или вертолетах, показываешь удостоверение личности и лети куда хочешь. В Союзе, правда, в аэропорту строгий таможенный контроль, проверяли конкретно. А из Ташкента самолетом на Алматы, иногда из-за отсутствия билетов приходилось лететь через Фрунзе, ныне Бишкек. Правда, десять чеков, вложенные в удостоверение личности, решали и эту проблему. А летели в Алматы, потому что все наши семьи продолжали оставаться в Капчагае.

И вот, пока я отгуливал отпуск, случилась беда. В тот день я был в Караганде, гостил у родителей жены. Звонит телефон, спрашивают меня, подхожу – Бахыт Жатакпаев.

– Аман, у нас горе, Калибек погиб, вместе с ним Мухтар Оспанов. Я сейчас в Ташкенте, завтра на «черном тюльпане» вылетаем по кругу, где-то после обеда будем в Чагане, под Семипалатинском.

«Черным тюльпаном» называли самолет, на котором увозили тела павших в боях. Загружали убитых и по кругу развозили по месту призыва. В день их могло быть несколько по разным направлениям.

На следующий день утром вылетаю в Семипалатинск, там иду в военкомат и встречаю родственников Калибека. Вместе с ними выехал в Чаган, в то время там размещался военный аэродром.

Прилетел Ан-12, транспортный самолет, загруженный останками бойцов и офицеров, или как это называют на кодированном сленге – груз «двести». Позже, мне тоже пришлось сопровождать такой груз. Занятие не из самых прият-

Амангельды Жантасов

ных. В Баграмский госпиталь тела свозили на вертолетах со всей округи, там их по возможности приводили в порядок, укладывали в цинковые гробы и запаивали, а гробы в ящики. Видимо швы пайки в цинке получались не совсем герметичными, поэтому запахи проникали в салон самолета. И хотя грузовой отсек загерметизирован, все равно не спасает. И трупный запах преследует тебя много дней спустя, и мерещится повсюду.

Кроме Жатакпаева, ротного и Мухтара сопровождали солдаты-дембеля из Семипалатинской области. Мухтар Оспанов был механиком-водителем на машине Калибека, призывался из села Георгиевка Жарминского района Семипалатинской области. Солдаты поехали сопровождать его, а мы с Бахытом поехали в Чекоман, в деревню Калибека. Матери у него к тому времени не было, умерла. Отцу было под шестьдесят, жене двадцать два, а сыну Динару, три годика. Два или три брата, а про сестер не знаю. Хоронила, конечно, вся деревня.

Несколько лет спустя я писал статью в газету Одесского военного округа, в котором тогда проходил службу. И сейчас хочу привести эту статью, в которой описывается гибель старшего лейтенанта Калибека Ахметова.

Называлась она «Отец Динара».

12 мая 1982 года выдался жарким. Ничто не нарушало тишины, и зной казался, становился гуще, покрывая всю окрест горячим, жгучим дыханием палящего солнца. С утра еще прилетела «вертушка», транспортный МИ-6, и с десятков солдат заканчивали разгрузку, выкатывая из ее чрева длинные туши авиабомб в бомботаре. Больше работы не предвиделось, и они уже предвкушали отдых в тенистой прохладе землянок, изредка перебрасываясь короткими фразами. От жары даже говорить не хотелось.

- Ну, что, вроде все, - проговорил наконец смуглый до черноты коротко подстриженный парень. И тут же сам поддал команду:

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

- Строиться!

Солдаты потянулись за ремнями, положенными тут же, рядом, начали заправляться, разом заговорив. И не заметили бегущего через поле дневального. Замолкли только тогда, когда солдат обратился к командовавшему перед этим коренастому парню:

- Товарищ сержант, ротный зовет... Поднимают нас, - добавил он, словно объясняя этим вызов ротного.

Группа побежала к лагерю, шумно обсуждая на ходу, что же там могло случиться. Среди дня их еще не поднимали по тревоге. Когда рота построилась, оцетинясь стволами автоматов и колыхаясь антеннами радиостанций, к ней подошли ротный и командир отряда майор Керимбаев. Борис Тукенович любил эту роту. Чем-то она была ему ближе других. То ли тем, что первой перешла границу в первую военную осень, будучи головной походной заставой, то ли от того, что именно она первой приняла бой у перевала под Меймене. То ли люди здесь были иные, но что-то неуловимое тянуло его к этой роте. И сейчас он вышел к ней, чтобы напутствовать. Хотя делать это было, наверное, не обязательно. Говорил он недолго. И вскоре подразделение, повинуясь взмаху руки ротного, побежало к машинам, мерно рокотавшим в колонне.

- Ну, что Каныбек, - Калибека он всегда почему-то звал Каныбеком,

- Будь осторожен, - обратился майор к командиру роты, небольшого роста старшему лейтенанту с густой кудрявой и черной как смоль, шевелюрой. Шлемофон у того висел на спине.

- Оцепи кишлак и жди, пока не разведутся. Молоть, видимо долго будут. Если откуда и появятся душманы, так только со стороны кишлака Чамальварды. Вот на него и обрати внимание, - сказал командир. И шутя уже потрепал ротного за волосы:

- А строевой смотр для тебя устрою завтра, - пообещал он, намекая на то, что пора бы уже подстричься.

Амангельды Жантасов

- *Есть!*- ответил с улыбкой старший лейтенант, рывком набросил на голову шлемофон и побежал к своей машине.

Натужно взревев, выбрасывая клубы сизого дыма и серой пыли, колонна тронулась.

Незадолго перед этим в лагерь приезжал губернатор провинции Фарьяб. Он просил командира оцепить близлежащий в горах кишлак с мельницей, чтобы обеспечить беспрепятственный помол муки декханам из окрестных селений. Вот с этой задачей и отправилась рота старшего лейтенанта Калибека Ахметова. Доехали без происшествий и оцепили кишлак спокойно. Все началось тогда, когда первые машины с пшеницей стали уже подъезжать к мельнице, стоящей на отшибе, у реки. Солдат – царандоевец /«царандой» это афганские оперативно-милицейские части – авт./, стоявший на кузове передней машины, как-то нелепо взмахнул руками и осел на мешки с пшеницей. И после этого только хлестко рванул воздух выстрел.

Вслед за ним яростно заклекотал с мельницы крупнокалиберный пулемет ДШК – этот истинный бог афганской войны. Визг тормозов, крики, цоканье о камень и свист пуль вмиг слились воедино. «Духи» уже ждали. Удар был страшным. Половина ехавших на машинах и повозках, запряженных волами, корчилась на земле, другая – металась между колесами. Стреляли отовсюду.

Губернатор боялся, что нападут. Но не думал, что будут ждать в засаде. Поэтому он и просил «шурави» только оцепить кишлак, закрыть подходы. В этом и был его просчет. Калибек понял это сразу, как началась стрельба. Но было поздно. Почти поздно. Почти... Но надо было спасать оставшихся и не дать душманам уйти к реке. Он знал уже, что это дело Маулави-Кара, за бандой которого вот уже почти полгода гонялся отряд по всему северу страны. Двум БМП он дал команду спуститься к реке за мельницей. А сам тремя машинами ринулся через кишлак напрямую. Его «бэм-пэшка» шла первой. Высокие глиняные дувалы тесно сжимали небольшую колонну, ограничивая и маневр, и обзор. До

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

середины кишлака проскочили быстро. И тут с первых же дуканчиков (лавки) брызнули тугие струи автоматных очередей. Почти залповый огонь осколочными из орудий трех машин вмиг сорвал с этих дуканов и двери, и окошки. Да и, видимо, отбил желание сидевших там продолжать обстрел, так как больше оттуда не стреляли.

Пройдя небольшую площадь у дуканов, вновь нырнули в узкий лабиринт улочек. По правилам, впереди надо было пустить пеший десант. Но время было дорого. Нужна была скорость. Стрельба у мельницы не затихала. И вот, когда до пустыря перед мельницей оставалось совсем ничего, на дороге выбежал мальчишка и встал, как-то затравленно глядя на надвигающуюся стальную махину. Ему было годика три-четыре, не больше. Он как-то съезжился, втянув голову в плечи, приподнял, словно прикрываясь, чуть согнутую в локте левую руку и оглянулся на проем, из которого выскочил. Потом снова посмотрел на машину. Колонна остановилась.

- Динар... - чуть было не слетело с губ командира. Так он был похож на его сынишку. Аж меж лопатками похолодело.

Ахметов собирался в отпуск через неделю. И подарки сыну купил. И все эти дни представлял себе прогулки с ним. И надоедал всем, спрашивая, понравятся ли подарки сыну, подойдет ли ему курточка. Он много думал о нем. И поэтому, наверное, увидев этого мальчугана, чуть было не крикнул ему: - Динар!.

Перевесив ноги за борт, Калибек соскользнул с брони и медленно пошел к мальчишке, который все еще продолжал стоять на дороге. Старший лейтенант понимал, что неспроста этот мальчуган оказался здесь. Но продолжал идти к нему, слегка припадая на левую ногу – за месяц до этого он был ранен осколком гранаты в бедро. И рана все никак не заживала.

- Иди сюда, бача(мальчик), иди, - мягко позвал он его к себе. И, обняв, понес его к колонне. Прошел все три машины и опустил уже позади последней, слегка подтолкнув его:

- Иди.

Амангельды Жантасов

Так же, не спеша, прихрамывая, дошел до своей «двадцатки» и взобрался на нее. Прижал ларингофон к горлу и уже хотел дать команду «Вперед!», как тутовое дерево, стоящее впереди метрах в пятидесяти у небольшой мечети, взорвалось ярким пламенем. Огненный вал обдал машину, нестерпимой жарой ударил в лицо и прошел режущей болью через поясницу. И, уже падая на броню, губы дошептали мертвому механику-водителю: -Вперед!

Гранатометчику для надежности надо было стрелять по стоящей цели, иначе он мог промахнуться. В этот раз он не промахнулся. Граната пошла в цель. Пробила ребристый лист(капот двигателя), прошла сквозь механика-водителя, прожгла командирский прицел и срезала командира роты.

- Восемьсот тридцатый! Прощай! Я тяжело ранен. Надо собрать оружие...

Это было последнее, что он смог сказать Керимбаеву, собрав остатки сил.

Три дня после этого он еще жил. Только раз пришел в себя после операции в санчасти отряда. И, отыскав глазами командира отряда, прошептал, словно оправдываясь:

- Там был мальчишка... я бы дошел...

Скончался он в кабульском госпитале 15 мая 1982 года.. Ему было 27 лет.

В том бою он военного подвига не совершил. Но я всегда рассказываю о нем, когда вспоминаю ту пору своей жизни. Он пренебрег своей безопасностью ради жизни ребенка. И это как - символ. Мы были там не для того, чтобы рушить, а чтобы защищать будущее этой страны. И я не думаю, что пришел туда по ошибке. И Калибек, наверное, не по ошибке сошел тогда с брони, чтобы взять на руки афганского ребенка. Он совершил гражданский подвиг по велению сердца. Самого обыкновенного человеческого сердца.

И сейчас, когда вижу изображение памятника советскому воину в Трептов-парке, я всегда вижу в нем своего

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

боевого друга, моего ротного Калибека Газизовича Ахметова, воина и отца маленького Динара.

7. В долине пяти львов

В первых числах июня я вернулся с отпуска и где-то в это время к нам из Союза прибыл новый командир роты старший лейтенант Валерий Радчиков, рыжеватый такой парень с белесыми бровями и ресницами. Выпускник Рязанского воздушно-десантного училища, профессиональный спецназовец. Офицер он был нормальный, и быстро сошелся с нами. Назначили и назначили, чего тут рассуждать. А через два - три выхода на операции, вообще стал своим человеком. Было видно, что смел и хорошо подготовлен. Но к сожалению провоевать вместе с ним пришлось совсем не долго. При проведении одной из боевых операций во время ввода в Панджшер, в районе населенного пункта Руха в результате подрыва на mine потерял обе ноги и был отправлен в госпиталь. Однако год спустя ...вернулся назад, на протезах. Впрочем, расскажу все по порядку. После того, как он подорвался, бойцы обезболив его промедолом, в течении семи часов спускались с ним с гор к базе отряда. Высота была свыше четырех тысяч метров, крутизна троп немыслимая, но донесли. Очнулся Валера в госпитале Бурденко, в Москве, шесть месяцев спустя. Все это время был в коме. А еще через шесть месяцев встав на протезы, обе ноги были отрезаны чуть ниже колен, Радчиков снова просится в Афган на любую должность. В штабе Туркестанского военного округа вступает в конфликт с кадровиками, когда ему сказали, что война не место для инвалидов. Позже это откликнется ему отказом в присвоении звания Героя Советского Союза. Получив отказ в управлении кадров прибывает на пересыльный пункт и заявляет начальнику пункта, что ему надо сдать должность и таким образом вновь попадает в Афган. В Кабульском аэропорту узнав, где к тому времени дислоцировался отряд, садится на вертолет и прилетает в Гульбахор.

Амангельды Жантасов

Увидев его стоящего на ногах с палочкой в руке, глазам своим не поверил. А он смеется:

— Да, я это, я! Здорово комиссар!

Керимбаеву он, в категоричной форме заявил, что никуда не уйдет, будет продолжать воевать со своей ротой. Командир докладывает командующему армией, что мол так и так. И командующий неожиданно разрешает ему остаться, на тот момент, после ранения очередного командира роты, должность была свободна. После трех раненых и одного убитого командира роты, Керимбаев долго не решался назначит кого либо на это место.

Через месяц я заменился в Союз, а он продолжил оставаться воевать. В горы, правда не ходил, если выходила вся рота, он на своей командирской БМП выходил с нами и командовал с борта машины. Если мы пешком уходили вверх, он оставался с бронегруппой. А когда работали отдельными группами, присутствие ротного и не требовалось. Потом его перевели в штаб армии, офицером разведотдела, где он и заканчивал установленные для офицеров два года службы в Афганистане. После Афганистана он закончил военную академию имени М.В.Фрунзе. Дослужился до полковника, и что самое поразительное – не имея ног продолжал парашютные прыжки. И не просто прыжки, на Северный полюс прыгал! Вот уж, действительно был негибимой воли человек. Помню, когда он учился в академии проездом на Украину заезжал к нему на квартиру в Москве. Вхожу, а он расстелил топографическую карту на полу и ползает по ней на четверенках, решая какую-то тактическую задачу, и при этом такой жизне-радостный...

Погиб Валера в дорожно-транспортном происшествии во второй половине девяностых годов возвращаясь из Питера в Москву на своей автомашине.

По возвращению в Союз, мной о ранении Радчикова, как и про Калибека Ахметова, тоже была написана статья в газету Одесского военного округа, которую здесь и привожу. В ней в основном рассказывается не столько о Радчикове, сколько о

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

солдатах, вынесших его с минного поля.

«Десять шагов к продвигу».

С самого утра солнце пекло нещадно. Горы словно вымерли. Только гордый орел, широко расправив крылья, парил в синеве – то ли наслаждаясь прохладой высоты, то ли в надежде отыскать добычу.

Группа старшего лейтенанта Радчикова, с целью занятия господствующей высоты, вторые сутки находилась в горах. Воины в ней подобрались крепкие, не раз бывавшие в рейдах. Только санинструктор Александр Кононов, недавно прибывший из учебного подразделения и не привыкший к такой высоте и жаркому солнцу, чаще других останавливался и переводил дыхание. Небольшого росточка, худенький, востроносенький паренек, он чем-то напоминал воробышка. В эти минуты Саша зримо представлял себе колодец во дворе родного дома в Ижевске, чистую прохладную воду, которую сейчас бы пить и пить.

Спохватившись, что задерживает движение, Александр, вскинул за плечи свой ранец и зашагал за командиром отделения. Сержант Серик Кульжабаев шел легко, не смотря на тяжелый груз, оттягивающий плечи. Кононов, конечно, знал что жара и горы для Серика – дело привычное. Больше года ходит он по таким тропам. И не просто ходит! Орденом Красной звезды отмечена его служба. Александр утешал себя мыслью, что через несколько месяцев он станет таким же крепким, легко будет отмахивать тяжелые километры.

К месту привала Кононов подходил налегке, неся только оружие и сумку санитаря. А его ранец, который, как казалось Александру, был набит камнями, давно уже забрали товарищи и несли поочередно. Последним это сделал старший лейтенант Радчиков. Отдышавшись, Кононов подошел к командиру роты и сказал:

- Спасибо, товарищ старший лейтенант, дальше понесу сам. Вот отдохну только... - голос его звучал виновато. По-

Амангельды Жантасов

нимал Александр, что доставил хлопот сослуживцам. Поэтому не решился поднять глаза на командира роты, ожидая упрёков. Но Радчиков, не по уставу потрепал бойца по плечу и сказал:

- Ничего, Саша, на то мы и солдаты, чтобы друг другу помогать. Помнишь Тараса Бульбу? Что он говорил? Нет уз святее товарищества! Вот и помогли тебе товарищи. Будет другим трудно, ты им поможешь...

С того первого выхода прошел месяц. Тогда войны успешно выполнили задание и молодой санинструктор с гордостью слушал слова благодарности своего комбата, чувствуя что именно эти минуты делают его полноправным членом воинского братства, окрепшего на вершинах Гиндукуша.

И вот снова группа на опасной тропе. Разведчики, растянувшись в длинную цепочку, медленно шли за своим командиром. Вдруг старший лейтенант Радчиков остановился и поднял правую руку. Это был сигнал: всем оставаться на местах, мины! Затем он прошел вперед, медленно опустился на колени и начал осматривать место. И тут случилось непоправимое - ногой ротный задел вторую мину...

Из оцепенения Кононова вывел стон командира роты. Радчиков медленно перевернулся на спину и с трудом сел. Каким-то незнакомым хриплым шепотом он скомандовал: «Всем назад! Мины, много мин». И упал. Мысли Александра работали лихорадочно. Если потерять еще несколько минут, то командир погибнет. А путь к нему, эти десять шагов, усеян минами. Много мин! Это сам Радчиков сказал. Каждая из них – это верная смерть. Оступишься, и не будет ничего – ни отца, ни матери у которых он единственный сын, ни девочки той славной, ничего!... Но там командир, его товарищ по оружию!

И Кононов осторожно шагнул вперед, закусив еще безусую губу. Он шел впившись глазами в землю, отыскивая взглядом затаившиеся коварные «шляпки» мин. Каждый шаг был вечностью и в то же время мгновением между жизнью и небытием. Но он шел, потому что впереди лежал его то-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

варищ, которому нужна была помощь его, Кононова, санинструктора и просто солдата.

Дойдя до Радчикова, осторожно опустился рядом с ним. Быстро наложил жгуты и сделал два обезболивающих укола. Теперь надо было вынести командира из опасного места. Кононов начал осторожно ощупывать почву вокруг себя и командира. Вот она, противопехотная мина. С такими он знаком. Медленно-медленно выкручиваем взрыватель. Затем еще одна. Ну вот, кажется рядом чисто. Теперь надо расстелить оборудованную под носилки плащ-палатку и положить на нее командира. Прodelав это, Кононов только теперь посмотрел в сторону своих друзей. Он встретился взглядом с рядовым Якиманским, который стоял первым на узкой тропе. Одному офицера не вынести, а волоком нельзя – мины. Якиманский понял молчаливый взгляд товарища и тоже шагнул. Глухие удары сердца, как колокол отдавались в ушах. Шаг еще один шаг. Это ужасно много! Но их надо сделать, солдат. Сделать во имя дружбы воинской, во имя долга, который обязывает выручать товарища из беды. Когда Якиманский дошел, Кононов встретил его благодарным взглядом. И вот, обратный путь. Семь пар глаз остальных товарищей с тревогой и надеждой следили за ними. Кононов шел сзади, Якиманский впереди...

Всего десять шагов потребовалось Кононову и Якиманскому, чтобы вынести своего командира, а значит спасти ему жизнь. В те минуты войны не думали, что это были шаги подвига во имя высокого чувства войскового товарищества. Это не громкое понятие, а высокая необходимость, продиктованная армейской службой, в которой один должен быть за всех, а все за одного. Иначе – нельзя.

Санинструктор 2-ой роты младший сержант Александр Кононов, спустя четыре месяца, 19 ноября 1982 года пал смертью храбрых в бою с душманами. Посмертно награжден орденом Красной звезды.

Выше я уже рассказывал о месте и роли Панджшера в

Амангельды Жантасов

борьбе оппозиции против правительства Афганистана. Он действительно был основным опорным пунктом всего повстанческого движения. Когда мы еще только вернулись из Дарзаба, командование провело уже одну операцию по этой долине.

Чтобы вы представили себе размах той операции, приведу отрывок из книги полковника А.А.Ляховского «*Тайны афганской войны*»: «С 16 мая по июнь 1982 года при участии Ограниченного контингента советских войск проводилась крупномасштабная операция в долине реки Панджшер с целью разгрома опасной группировки моджахедов Исламского общества Афганистана (ИОА). Для ее проведения было задействовано 36 батальонов (20 афганских и 16 советских общей численностью 12 тысяч человек), более 320 танков, БМП, и БТР, 155 орудий и минометов, 104 вертолета и 26 самолетов.

В ходе операции по объектам противника наносились авиационные удары, они поражались огнем артиллерии, высаживались десанты. Афганские подразделения и группы Министерства госбезопасности (МГБ) ДРА осуществляли сплошное прочесывание всех ущелий, долин, населенных пунктов, вели эффективный поиск баз и складов с оружием.

Отряды оппозиции сражались ожесточенно. В ходе операции было уничтожено до 6 тысяч мятежников, захвачено и уничтожено 230 огневых точек и минометов, 120 крупнокалиберных пулеметов, взорвано около ста пещер, приспособленных к обороне, захвачено и уничтожено до 30 складов оружия и боеприпасов».

Но результаты этой операции были сведены на нет слабостью правительственных войск, которые не стали удерживать достигнутых рубежей и спешно покинули Панджшер сразу же после выхода советских войск. Командование 40-й армии приняло решение на проведение еще одной войсковой операции по возвращению контроля над Панджшерской долиной.

И вот в последних числах июня наш отряд получил задачу

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

совершить марш по маршруту Меймене – Андхой – Мазари-Шариф – Ташкурган – Пули-Хумри – Джабаль-ус-Сирадж – Руха, общей протяженностью 640 километров. И если учесть, что маршрут пролегал по территории, которая практически вся, кроме участков вблизи вышеназванных городов, контролируется повстанцами, его протяженность, и еще то, что вся боевая техника на гусеничном ходу, то можно представить себе насколько была сложной поставленная задача. Почему я вспомнил о гусеницах, они хороши при движении по грунту, снегу, но никак не по асфальту, да еще по горным серпантинам. Для наших БМП и БМД асфальтовое покрытие было все равно, что ледовое поле, машины скользили по-страшному, десятки раз создавались условия, когда останавливались буквально на кромке пропасти. С асфальта не сойдешь, потому что дорога вся после Ташкургана проходит в горах, а это практически половина пути. Перед Ташкурганом сделали большой привал с ночевкой. В этот же день пришло сообщение, что нашему командиру присвоено очередное воинское звание «подполковник». Поездили по окрестным сопкам и нашли брошенную отару овец, бесхозного скота в горах всегда гуляет достаточно, поймали двух по-крупнее и на весь отряд тыловики сделали плов. Так мы отметили очередное звание Борис Тукеныча.

На следующий день прошли туннель через перевал Саланг. Сейчас уже забылось, говорили, что это то ли самый высотный в мире, или самый протяженный в мире туннель, а может и то, и другое. Он был прорыт в свое время советскими метростроевцами на высоте - 3947 метров, имел длину - 2600 метров, ширина дороги на автомобильном участке - 8 метров. На подъемах к перевалу дорога с крутыми поворотами, проложенными по карнизам. По тоннелю двигались очень долго, ощущение не из приятных. Позже был случай, когда в результате диверсии в этом туннеле было закупорено десятки машин и очень много людей погибло, отравившись угарным газом, об этом случае объявляли приказом по армии.

Панджшерская долина представляет собой ущелье с

Амангельды Жантасов

почти отвесными скалами по обе стороны реки Панджшер, что в переводе с языка фарси означает «Пять львов». Высота горных хребтов колеблется от трех до пяти тысяч метров. Сплошные скалы без единой растительности. По обе стороны от реки от полутора до трех километров идет полоса плодородной земли, перемежаемые посевами пшеницы или яблоневыми садами. Местами скалы отступают и порой до четырехсот – пятисот метров высоты на покатых склонах растут кустарники.

Собственно Панджшерское ущелье начинается недалеко от города Гульбахор, с поворота дороги вправо на Джабальус-Сирадж, которая дальше по кромке Чарикарской долины уходит к Баграму, а влево заходит в ущелье. Петляющая вдоль русла дорога, буквально вырубленная в скалах и нависающая над глубоким обрывом, вначале привела нас к населенному пункту Анава, где закрепился батальон 345-го «ферганского» парашютно-десантного полка, штаб полка стоял в Кабуле. Полк этот называли «ферганским», потому что до Афгана он дислоцировался в г.Фергана Узбекской ССР. Дальше за Анавой дорога, огибая скалу, делала петлю, которую мы называли Тавахской. Если не считать фугасных мин, которые «духи» время от времени закладывали на всем протяжении от входа в ущелье до населенного пункта Руха, эта петля была для нас самым опасным местом и в последующем, кстати, она стала прототипом той местности, где вела бой «девятая рота» из прошумевшего одноименного фильма. А опасность состояла в том, что огибая скалу, дорога близко подходила к противоположному берегу, не контролируемый нашими, и с него противник обстреливал проходящую технику из безоткатных орудий, которые легко могут переносить несколько человек.

До ввода нашего отряда советские войска вместе с афганскими правительственными подразделениями уже дошли до Рухи, в котором мы в последующем и дислоцировались. Руха является одним из самых крупных, если не самым крупным населенным пунктом Панджшера. Вообще, говоря о населенных пунктах Афгана, я до сих пор затрудняюсь в их класси-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

фикации, т.е. какой из них называть городом, какой селом, а какой просто кишлаком. Нагромождение глиняных домиков, и бог его знает, сколько народу в них проживает. Руха, по крайней мере по размеру занимаемой площади, не уступала Дарзабу, и потому полагаю, что населения там было тоже не менее десяти тысяч человек. До нашего вторжения в нем со своим штабом располагался Ахмад Шах Масуд, штаб нашего отряда расположился в том же доме, где был штаб мятежников. Говорили, что дом этот принадлежал лично Ахмад Шаху, и что часть ущелья принадлежит родовому клану, из которого он вышел.

В ускоренном темпе, определив расположения для подразделений и выставив охранение, боевые роты продолжили свое продвижение. Поскольку основное ущелье имеет множество мелких ответвлений уходящих вправо и влево, отряду была поставлена задача захватить господствующие высоты и воспрепятствовать отходу противника в эти ответвления. Наша рота продвигалась по левой гряде горных вершин с задачей занять высоту слева от населенного пункта Базарак. К исходу ночи вторых суток, рота «зеленых», как мы называли солдат правительственных войск из-за цвета их обмундирования, приданная нашей роте для совместных действий, оказалась продвигаться дальше. Предлогом для этого стало то, что мы попали под обстрел своих же систем залпового огня «Град», т.е. если по старому – «Катюш». А случилось это так. Где-то в полночь мы взобрались на очередную гряду, и исполняющий обязанности командира роты Жатакпаев решил сделать привал. Выставили часовых и легли спать прямо на камнях. Только задремал, как слышу крики:

- Кумандан! Кумандан! – это у них вроде обращения «Командир».

Поднимаю голову – афганцы все стоят в рост, кричат и показывают рукой в том направлении, откуда мы пришли, а наши солдаты мирно сопят, видать вырубались вконец. Смотрю туда, куда они показывают и – Бог ты мой! На нас идет вал огня. Сразу понял, что это «Град» работает. Растармошил

Амангельды Жантасов

ротного и за рацию, для огневой поддержки и взаимодействия нам были даны позывные и радиочастоты заместителя командира мотострелковой дивизии, батальоны которой шли понизу и взаимодействовали с нами. Называю свой позывной и кричу:

– Прекратите огонь! Стрельба ведется по своим подразделениям!

А полковник спокойно так:

- Не может быть, мы бьем по выверенным на карте огневым точкам противника.

Тут уж я не выдержал, огневой вал докатился практически до основания той вершины, на которой находились мы:

- Какие к черту выверенные точки! Разрывы на позициях роты!

Разрывы раздавались все ближе и ближе, и «зеленые» закричали еще громче, что-то говоря на своем языке и размахивая руками. Ну, думаю, хана. Торчим на гребне, как на пупке, укрыться негде. Но тут, слава богу, не доходя до нас метров сто разрывы прекратились. И вот после этого афганская рота наотрез отказалась идти дальше. Пришлось доложить командованию и продолжить движение уже без них. Вообще, надо сказать, что личный состав частей правительственных войск особым желанием защищать завоевания Саурской революции не горел. В основном воевали из-под палки. Только отдельные командиры и политработники, члены народно-демократической партии, дрались на совесть.

Я до сих пор удивляюсь, как Правительству республики удавалось удерживать такую армию. Однажды, еще находясь в Меймене, нам пришлось принять участие в организации так называемого набора новобранцев в ряды афганской армии. Рано утром выдвинулись в составе роты к указанному кишлаку и оцепили его на удалении видимой связи. После того, как мы оцепили кишлак, рота царандоя на нескольких грузовиках въехала в село, создала внутренний круг оцепления и начала со всех домов стонять мужчин к окраине. Потом выпустили из числа задержанных несколько человек, видимо

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

были какие-то видимые внешние дефекты, а всех остальных рассадили на машины и повезли в Меймене. Мы двинулись вслед за ними. По прибытии в Меймене никуда не сворачивая поехали прямо на аэродром и всех, кого привезли, посадили на уже ожидавший самолет Ан-24 и отправили в одну из дальних провинций, чтобы не могли убежать. Как после такого набора личного состава армия могла воевать. Вот и уклонялись систематически от выполнения боевых задач.

И вот, оставив далеко за собой роту «зеленых» упорно продвигаемся дальше, чтобы выйти к указанной высоте над кишлаком Базарак. Под утро третьих суток вплотную подошли к указанной цели и были обстреляны противником. На вершине под скальным выступом была пулеметная точка.

Мы уже знали, что душманы на господствующих высотах оборудуют огневые точки вооруженные крупнокалиберным пулеметом ДШК. Ниже пулеметного расчета в несколько ярусов по кругу располагается охрана из десятка автоматчиков. Чаще для расположения пулемета используются пещеры или же, в крайнем случае, расщелины между скалами. Расчет укрыт не хуже чем в ДОТе (долговременная огневая точка), и выковыривать его оттуда крайне сложно. В те дни мы несколько раз были свидетелями того, как между такими огневыми точками «духов» и нашими вертолетами, в буквальном смысле слова, происходили дуэли. Как замороженные мы смотрели за тем, как в пике заходят «вертушки», нанося залповые удары из НУРСов, и как, не переставая, бьет по нему душманский ДШК. Поистине отважные парни служили в вертолетных эскадрильях. Во время залпа НУРСами вокруг «вертушки» возникает облако дыма, и вертолет, под воздействием отдачи от выстрела снарядов, как бы замирает на мгновение на месте, а потом стремительно вырывается вперед из этого облачка. Тогда же нам удалось достаточно долго наблюдать за действиями наших боевых самолетов СУ-25. Глядя на их стремительные пике, с замиранием в сердце думали, что вот-вот врежутся в скалы, а они нанося пушечные

Амангельды Жантасов

удары, почти у самой земли, с фантастической быстротой отворачивали вверх, и вновь набирали высоту. Со стороны выстрелы из авиационных скорострельных пушек слышатся как треск разрываемой ткани, сплошное «хр-хр-хр», разрывы же бомб слышались глухо, так как рвались они внутри горных массивов.

Потому как уже рассвело, атаковать вершину с ходу не стали, решили дождаться темноты. Залегли между камнями и весь день пролежали на достигнутом рубеже. После полудня, один из бойцов, решивший перебежать к своему другу за соседним камнем, был ранен в пах снайпером. С наступлением ночи начали медленно продвигаться вверх и так добрались... до самой вершины. Видать ожидание того, что мы вот-вот атакуем, измотало нервы душманов и они, не принимая боя, ушли с позиций. Да и то, что Базарак был уже занят нами, тоже видать сыграло свою роль. Как бы там ни было, мы свою задачу выполнили, высота была наша.

На следующий день роту вернули в Руху и поставили задачу выставить пост и охранять вершину горы Дарьялавушт, на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря. Эта гора находится по левую сторону ущелья, на удалении от Рухи около пяти-шести километров. С ее вершины просматриваются и соответственно простреливаются все подходы к Рухе с юго-восточного направления. Занимая эту гору, мы могли воспрепятствовать не только прохождению групп противника, но и не давали возможности минометного обстрела базы отряда с этого направления. Горы по эту сторону реки хоть и высокие, но не так скалистые. Первая рота Шатемирова выставила пост на одной из господствующих высот у кишлака Базарак, то есть дальше по течению реки Панджшер. По правую сторону от ущелья находилась гора, вершину которой мы прозвали «Зуб» из-за торчавшего огромного осколка скалы и действительно похожего на одинокий зуб, туда пошла группа из роты Бекбоева. Ну и в направлении кишлака Мариштан, на северо-запад, выдвинулась группа из четвертой роты капитана Куманяева. На постах постоянно находи-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

лось по одной группе и менялись через десять суток. Нахождение на выносном посту считалось отдыхом, потому что те, кто оставались внизу, постоянно выходили на выполнение боевых задач. Воду на посты доставляли через два-три дня в десятилитровых резиновых ранцах (РДВ-10) или в малых термосах по двенадцать литров. Этим обычно занимались старшины рот с группой бойцов в пять-шесть человек. Пищу, в основном сухим пайком, каждый уносил сам. Не знаю как на других постах, но на нашем посту мы вырыли окопы для стрельбы стоя, соединили их траншеей и оборудовали два блиндажа. Блиндажи перекрыли жердями и на них положили плоские камни, получилось что-то типа жиденького наката, от прямого попадания мины не спасло бы, но тень давала.

Правая сторона ущелья представляла собой сплошной скальный массив, этакая стена высотой порядка трех с половиной - четырех тысяч метров и многокилометровой шириной. Эта стена практически нависала над Рухой по ту сторону реки, и занятие «Зуба» не обеспечивало в полной мере безопасность отряда. И с этого направления отряд периодически подвергался обстрелу из ДШК и минометов. Так как столовая находилась на достаточном удалении от расположения нашей роты, офицерам на прием пищи приходилось ходить короткими перебежками. Для солдат еду доставляли в термосах на БМП. Можно было конечно есть и из солдатского котелка, но мы, не взирая на опасность, предпочитали бывать в офицерской столовой, там можно было встретиться с друзьями из других подразделений, пообщаться. Беречься на войне надо, излишняя бравада не нужна, да ее никто и не оценит, но и прятаться от всего и все время тоже нельзя, так не долго и до трусости дойти. Издавна бытующее изречение «Храброго пуля боится», не совсем верное, пуля достает всякого, но того, кто глупо подставляет себя - пуля берет первым.

Пока наша вторая рота выходила за Базарак, группы третьей и четвертой рот пошли штурмовать высоту «Зуб».

Впереди третьей роты шла группа старшего лейтенанта

Амангельды Жантасов

Мерездурдыева Рината. Как только группа начала подниматься вверх, у скал, которые впоследствии наши назвали «Черные камни», встретили ожесточенное сопротивление духов, их было человек десять вооруженных автоматами, видимо боевое охранение. После ожесточенного боя, потеряв несколько человек убитыми, противник отошел. Достаточно долго поднимались без столкновения с врагом, но когда до самой вершины оставалось метров двести, снова началась стрельба. Попытка обойти не увенчалась успехом. Душманы спиной уперлись в скалы и заняли оборону полукругом. Занимая более выгодную позицию, они сумели нанести группе достаточный урон. Стреляли почти в упор сверху. Кроме самого командира группы Мерездурдыева получили ранения его заместитель сержант **Норейко**, рядовые **Бабамуратов** и **Зубов**. Бабамуратову потом отрезали ногу, а Жене Зубову пуля попала в локоть. Несколько позже подошли остальные две группы во главе с командиром роты Мелисом Бекбоевым и штурм продолжился.

В тот день вместе с третьей ротой, эту же высоту атаковали так же и группы четвертой роты, которой командовал капитан Яков Куманяев.

Привожу воспоминания об этом бое солдата четвертой роты **Кенжебекова Наримана**: *Выдвижение в сторону гор началось где-то около четырех часов утра, еще было темно. Часам к семи добрались до подножья гор. Было очень жарко, плюс к этому очень крутой подъем, все время шли согнувшись и буквально утыкаясь носами в землю, и помогая себе руками, иначе опрокинешься. До того крутые были тропы, почти отвесные. Подниматься можно только по козьим тропам, иначе вообще невозможно двигаться, одни скалы. Там никакой альпинист бы не прошел. Где-то к часам двенадцати, когда до вершины оставалось метров 150-200, нашу группу сверху начали расстреливать в упор. Несколько наших бойцов получили ранения разной степени тяжести. Помню, я успел спрятаться за небольшой камень и вижу, на-*

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

против меня парень из Бишкека, Винник, имени не помню. Его сверху обстреливали. Я ему кричу:

- Сними каску! - Он никак не может понять меня, или не слышал. Его каска блестела на солнце, и душманы воспользовались этим, как целеуказанием. Пока он понял в чем дело, пули уже свистели у его головы. Слышал, как он мне кричит

- Уходи! - и цокание пуль, ударяющихся об камни. Поздней я узнал, что его тяжело ранило в ногу.

Пришлось спуститься несколько метров ниже и передохнуть.

Потом нам изменили направление атаки. Батя сам наблюдал за нами в прицел с командного пункта внизу, и координировал наши действия, отдавая команды по рации.

Некоторое время отдохнув, снова пошли вверх. Жара, воздуха не хватает. Вода во фляжках закончилась. И офицеры, и солдаты устали, идут еле-еле переставляют ноги. Слышу, как командир нашей группы старший лейтенант Оразалиев Хурсанали, подает команду: - Мужики, вперед, вперед! Поднимайтесь!

Надо подниматься. Вечером, где-то в 9 или 10 часов, с большими потерями поднялись до вершины, до этого проклятого «Зуба». В том бою с нашей группы погибли Руслан Мажатов, Коля Баркин. Тяжелое ранение в грудь получил солдат из Жезказганской области Миша Михайлов. Когда Володя Бекботаев перевязывал Мишу, сам получил смертельное ранение в спину. Пуля прошла радиостанцию на его спине и пробила бронезилет. Видимо стреляли из старой английской винтовки «Бур», только у него могла быть такая убойная сила, крупнокалиберный пулемет ДШК к тому времени уже не стрелял. Ранение в руку получил и наш командир Оразалиев.

Уже стемнело, почти ночь. Из всей группы нас осталось четыре или пять человек, а было четырнадцать или пятнадцать бойцов. Ночью было очень холодно, на соседних вершинах лежал снег. А у нас осталась одна солдатская плащ-палатка, в остальных, как на носилках, отправили

Амангельды Жантасов

вниз убитых и раненых. Вот этой оставшейся палаткой все вместе и укрылись.

Утром следующего дня, оставив на захваченной высоте охранение от третьей роты, подразделение Куманяева спустилось вниз.

Как вспоминает Муқан Дюсекеев, бывший тогда командиром группы в этой роте, его с тремя или четырьмя солдатами назначили в тыловую походную заставу, т.е. прикрывать роту с тыла, на удалении зрительной связи.

- Тропа шла крутым изгибом огибая очередную вершину, - вспоминает Муқан Естаевич, - и только рота скрылась за изгибом, в метрах пятнадцати от нас началась сильная пальба, кого-то из солдат тут же ранило. В горах сектор обзора искаженный, и мы не сразу определили откуда ведется огонь, но все равно ответили беспорядочной стрельбой. Когда продвигаясь вслед за ротой, вышли за поворот тропы, то увидели, что остальные две группы вышли к точке прямой видимости с «духами» и обстреливают их, тут и мы их увидели и присоединились к огневому бою. Бросив на месте несколько трупов своих, моджахедаы ушли в горы. Но мы тоже не стали гоняться за ними, даже за их оружием не пошли, до того были уставшие за эти сутки...

Старший лейтенант Дюсекеев Муқан Естаевич, выпускник Алмагинского ВОКУ 1979 года, живым и здоровым вернулся с войны домой и продолжил воинскую службу. Окончил академию им.Фрунзе в Москве, затем академию Генерального штаба Российской Федерации. Пройдя ряд высших должностей в казахстанской армии, в 2010 году в воинском звании генерал-майора назначен заместителем Председателя комитета начальников штабов Министерства обороны(нынешнее название Генерального штаба) Республики Казахстан.

После того, как на следующий день раненных донесли до базы, их вертолетом увезли в Баграмский медсанбат. Меред-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

дурдыев вернулся через месяц, сбежав из медсанбата, когда его собрались эвакуировать в Союз. Впоследствии военная судьба Рината сложилась не плохо. После Афгана вернулся служить в родную Туркмению, дослужился до должности заместителя министра обороны своей страны, стал генерал-лейтенантом. В отряде все офицеры его звали Мироном. А пошло это таким образом. Когда мы стояли еще в Меймене, к нам прибыл начальник разведки армии Иваненков, и знакомясь с нами, он начал зачитывать всех нас по списку. Дойдя до фамилии Мереддурдыева генерал начал запинаться:

– «Мерен, Мирден..» и произнес «Мирон». Вот с тех пор прозвище Мирон и закрепилось за ним.

Бывший боец этой роты **Ерсин Идрисов**, рассказывал:

*- Однажды старший лейтенант Мереддурдыев перед выходом на пост проводил строевой смотр своей группы и обнаружил, что у рядового **Гатаулина** магазины не доснаряжены, в двух магазинах было по десять патронов, а должно быть по тридцать.*

- Зачем тебе вообще магазины, снимай их.

И сам же снял у него с ремня подсумок и выкинул. Потом взял топор и засунул ему за пояс:

- Вот так и ходи, его снаряжать не нужно. И отправил его так, без патронов, с топором за поясом на пост охранения.

На выносные посты охранения ходили группами. Я представляю, насколько было не уютно солдату без боеприпасов, но для других это было уроком. А сам Идрисов попал к нам с пополнением после июльских боев в Панджшере, тогда мы понесли большие потери среди личного состава, и получили пополнение с мотострелковых частей. До этого Идрисов, после Ашхабадской учебки, проходил службу в Шинданде и Герате. У Бекбоева он служил пулеметчиком на «тридцать шестой» машине. Призывался из Семипалатинска весной восьмидесят первого года.

Не без приключений получилось и возвращение Рината в

отряд. 10 августа 1982 года уйдя из медсанбата, он нашел в Баграме колонну, которая формировалась для выдвижения в Панджшер. И в колонне этой был Зил-131 из нашей шестой роты. Накануне у нас сожгли «Шилку», самоходную зенитную установку, и в кузове машины были загружены его боеприпасы, снаряженные в ленту, то ли их не смогли сдать, то ли не кому было сдавать, в общем, машина возвращалась назад с этими 23 мм. снарядами. Там же оказался и старший лейтенант Муқан Дюсекеев из четвертой роты, возвращавшийся в часть из какой-то командировки, за быстрый говор офицеры его меж собой называли «телетайпом».

Муқан сел в середине, рядом с водителем, а Ринату указал сесть с краю, у дверки. И еще объяснил ему, почему он должен сидеть с краю, ты говорит, мол, уже раненый и потому во второй раз пуля в тебя не попадет, а он не хочет, чтобы его подстрелили. Вот такая вот простая и мудрая философия. Водитель опустил стекло и повесил на дверку со своей стороны бронезилет. У Мереддурдыева ни жилета, ни оружия, с медсанбата же, но что поделаешь, так и покатили. Впереди шел «Урал» загруженный артиллерийскими снарядами, а еще перед ним бронетранспортер из 345-го полка. Уже порядочно отъехали от Баграма и проезжали очередной кишлак и тут из гранатомета стрельнули в БТР. Он как то резко остановился и с него тут же повалил дым. Потом следом, почти сразу же ударили по «Уралу», видать с двух РПГ (ручной противотанковый гранатомет) палили, «Урал» тоже загорелся. Муқан с Ринатом выскочили с машины и побежали к «бэтэру» и начали вытаскивать с него раненых. Тут их обошел и сходу развернувшись перед БТР, прикрывая его, встала «бэмпэшка» из 177-го мотострелкового полка, подразделения которого блок-постами прикрывали всю трассу от перевала Саланг до Баграма. Положив раненых на ребристый лист (капот) БМП офицеры побежали к горящему «Уралу». Оказалось, водитель был ранен и без сознания, только открыли дверку, он вывалился кулем. Только отбежали с водителем на руках от «Урала» и машина взорвалась, и тут же начали рваться «ши-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

лочные» снаряды загруженные на Зил-131. С боем, при помощи бойцов 177-го полка отогнав противника, восстановили колонну и продолжили движение. Дюсекеев с Мереддурдыевым, не желая больше рисковать в кабине автомашины сели на один из БТР-ов. Тем более, что у Рината тот день, 10 августа, был днем рождения.

На Тавахской петле колонну встретила третья рота, и Ринат пересел на свою машину.

Примерно в то самое время, когда колонна отбивалась от «духов», командующий армией позвонил Керимбаеву и сообщил ему, что старший лейтенант Мереддурдыев дезертировал, и потребовал от него подготовить данные о месте проживания родственников и все такое прочее, что необходимо при таких случаях для организации розыска. Ночью командир взял фонарик и в сопровождении своего ординарца приходит в третью роту и ...застает там тепленькую компанию, которая обмывает возвращение и день рождения Рината. Конечно надавал всем тумачков, но сто грамм на грудь за счастливое возвращение своего офицера поднял.

Как выяснилось позднее, врачи приняли решение для дальнейшего лечения отправить офицера в Союз, а Ринат не желая этого, сбежал в отряд, об этом, т.е. о возвращении в часть Рината, командиром и было доложено командующему.

Несколькими днями позже после захвата высоты «Зуб» группа Хурсанали Оразалиева получила задачу на захват еще одной высоты недалеко от Базарака. Шли как обычно, цепочкой, друг за другом, по узкой тропе. Впереди шел сам командир группы, за ним солдат Саидов, за Саидовым Аладин Мамедов, турок из Алматы, за ним Нариман Кенжебеков, ну и дальше остальные. Уже обогнули несколько малых вершин и приблизились к цели. И тут, как всегда неожиданно, ударили выстрелы. Первым упал Оразалиев, пуля попала чуть ниже пупка и ушла навывлет, разорвав позвоночник. Саидову пробило мошонку, повезло очень солдату, пуля прошла ровно между яичниками, повредив только кожу. Мамедова рани-

Амангельды Жантасов

ло в правое предплечье. Кенжебеков потом рассказывал, что прямо ошметки мяса от Мамедова брызнули ему в лицо, когда пуля навывлет прошла через его руку. Понеся такие потери, группа была вынуждена вернуться назад.

Через месяц пришло известие, что старший лейтенант Хурсанали Оразалиев от полученных ран скончался в Ташкентском госпитале.

Спустя несколько дней после входа в Панджшер, в этой же третьей роте, случилась еще одна трагедия. Капитан Бекбоев получил задачу на занятие горы Кирила, вершина которой также являлась одной из господствующих высот и имела важное тактическое значение для удержания Рухи. Выполняя задачу, командир роты решил пойти к высоте кратчайшим путем, по низу, через кишлак Пьявушт. Параллельно им, чуть выше, по склону горы двигалась еще одна группа, одетая в нашу советскую форму. Бекбоев подумал, что это одно из подразделений «ферганского» 345-го десантного полка, выполняющее свою задачу, но все же доложил и запросил у командования, кто это может быть. Оказалось, что это был переодетый противник. И пока разобрались, в наиболее удобный для себя момент «духи» открыли кинжальный огонь по роте. Множество бойцов ранило, семеро убиты. Оставшиеся в живых приняли бой тут же в открытой местности, укрываясь за редкими кустарниками, ротный доложил обстановку командиру части. Керимбаев вызвал к себе старшего лейтенанта Жатакпаева и говорит ему:

- Надо спасти третью роту, ее зажали. А у Жатакпаева всего человек десять под рукой, остальные на выполнении других задач. Но приказ есть приказ, тем более, что свои в беде. Быстро собравшись, группа побежала в сторону Пьявушта, хоть и малочисленная, но крепкая подготовленностью своих бойцов. Одни сержанты **Погребной Виталий** и **Кульжабаев Серик** чего стоили, уже провоевавшие почти год. Перебегая через небольшую речушку, увидели афганскую роту «командос», которая была придана на усиление третьей роте.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Они шли на удалении от роты Бекбоева и как только начался бой, залезли в речку, и не смотря на холодную воду весь бой просидели в ней. От ярости наши бойцы попросту попинали их, и отобрав оружие, побежали дальше. Вниз к кишлаку спускались с криком «Ура!», атакуя по всем правилам пехотного боя, чтобы воодушевить попавших в засаду, ну и враг должен знать, что наших прибыло. Добежали до места боя, а там ...побоище. Да еще сверху «духи» продолжают закидывать наших гранатами. За небольшим каменным выступом уложены погибшие, в кустарнике лежат раненые. В метрах ста, на небольшой высотке, накрыв солдата своим телом, лежит прапорщик **Бубенцов**, в бинокль видно, что спина как решето прошито пулями. Позже, солдаты третьей роты рассказали, что когда открылся шквальный огонь, он таким образом пытался спасти раненого солдата и накрыл его своим телом, так и остался лежать. Солдат под ним тоже был мертв. Прослушав рапорт, Борис Тукеныч дал команду:

- Если можешь, вытащи Бубенцова с солдатом, обеспечь себе прикрытие и отходи.

Жатакпаев спрашивает у бойцов:

- Кто пойдет за трупами?

- Мы пойдем, вызвались командир минного трала сержант **Аман Усенов** из Уральска и с ним еще один кто-то из солдат. Усенов этот, кстати, случайно оказался с группой. На тот момент, когда группа поднималась по тревоге, он просто пришел в нашу роту к кому-то из своих земляков, а потом увязался вслед за всеми. Не большого роста, хрупкий такой паренек, но душой оказался героем.

Как только смельчаки выдвинулись за телами, все остальные, прикрывая их, открыли ураганный огонь. Когда эти двое вернулись с телами, опять доложил командиру, что убитых забрал, но остались их автоматы. Керимбаев кричит в эфир:

- Да бросьте вы эти автоматы, людей береги, людей! А Усенов, видать услышал разговор про автоматы, и без всякой команды снова метнулся на вершину. Ему сильно повезло, через некоторое время он вернулся назад с двумя автоматами.

К тому времени, рота Бекбоева оправилась от удара, и снова пошла штурмовать гору. К исходу дня Кирила была взята.

Прапорщик Бубенцов, старшина пятой, саперной роты вообще-то не должен был идти на эту операцию, у него в тот день, 10 июля, был день рождения. Но когда узнал, что для сопровождения третьей роты требуется сапер, не смотря на все уговоры, вызвался сам, решив отметить свой день рождения боевым выходом. Вот так вот он и погиб, спасая солдата, сам молодой еще парень, которому бы еще жить да жить.

3 июля 1982 года погиб замполит первой роты капитан **Батуев Бато Бимбаевич**, офицер родом из Бурятии. Как я уже говорил, первая рота несла дежурство двумя постами на вершине горы у населенного пункта Базарак, причем гора эта была по ту сторону реки. Панджшер в этом месте делал плавный изгиб, и течение становилось медленным, а русло достаточно широким, образуя большой плес. На противоположный берег добирались вплавь на БМП, там высаживались и дальше пешком уходили вверх. У места переправы на этом берегу, заросшего кустарником, постоянно дежурила бронегруппа из нескольких машин. Чаще всего старшим там был заместитель командира отряда капитан Бексултанов Нарын. Этот пост был самым дальним от расположения отряда, и вплотную прилегал к территории занятой противником и, видимо поэтому, командир держал там своего заместителя.

Вершина покато́й лысой горы, на которой располагался пост, просматривалась с берега, где стояла бронегруппа. По ту сторону гора полого переходила в плато, на которой, на удалении от поста около восьмисот метров, был большой фруктовый сад, а дальше виднелись строения кишлака. Перед садом протекала небольшая речка. С правой стороны горы от самого берега Панджшера до кишлака проходила расщелина, вначале глубокая, а потом постепенно поднимающаяся и выходящая прямо к кишлаку. По другую сторону расщелины нависала уже другая скалистая вершина.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

И вот, в несчастный для себя день, т.е. утром 2 июля сержант **Михаил Ануфриев**, и младший сержант **Базарбай Ахметов** воспользовавшись тем, что Батуев уснул, решили сбежать до речки, искупаться и набрать воды.

На посту в тот день было человек 10-12. Одним из них был санинструктор роты **Ашим Елтаевич Бекбосынов**.

Как он вспоминает, утром, где-то то около восьми часов утра, его разбудил Базарбай и сказал, что дела плохи. Он был какой-то осунувшийся, весь в пыли и с потемневшим до черноты лицом, еле переводил дыхание. Выслушав его, пошли будить и докладывать Батуеву. То и дело прерывая себя хриплыми, глубокими вдохами, Ахметов рассказал капитану о том, что случилось.

Оказывается, когда они почти подошли к речке в обуви Базарбая попали камешки, и он сел и начал разуваться, чтобы вытряхнуть их. Пока он расшнуровывал и зашнуровывал свою берцовку (ботинки с высоким берцем) Ануфриев ушел вперед. Потом, находясь у воды, чуть прикрытый кустами, Ануфриев стал звать его, мол, иди быстрее, воды напьемся. Пока Базарбай переобулся, в него начали стрелять, и он побежал назад.

Обозленный Батуев, отматерив Ахметова, не оценив как следует обстановку, со злости дает команду сержантам **Мамошину**, **Белозор** и самому Ахметову:

- Идите и принесите Ануфриева! - И они пошли. Как только спустились к саду, со стороны противника началась стрельба. За кишлаком показалась какая-то группа людей в белом одеянии, которые вроде шли в ту сторону, где должны были находиться наши. На посту был трофейный ДШК и с него начали обстреливать эту группу, чтобы отсечь ее. И в это время сержант **Мамошин** по радиации доложил, что ранен **Белозор**.

Батуев дает команду:

- Вытаскивайте его и назад!

Второй доклад **Мамошина**:

- **Белозор** убит!

И через некоторое время - Ахметов ранен!

Батуев кричит по рации:

- Брось убитого, забирай Ахметова!

Через короткое молчание опять голос Мамошина:

Ахметов тоже убит!

Батуев:

- Тогда убегай сам!

Мамошину удается вырваться назад и вернуться на пост.

Потом была сделана еще одна попытка вытащить тела. Вниз отправляются **Талгат Алпамысов, Едил Кадыров, Каныбек Картабаев, Мамошин** и еще три солдата. Когда они добрались до места, откуда было видно убитых, сержант Талгат Алпамысов говорит своим друзьям:

- Если что не бросайте меня, я пойду за ними, - и оставив автомат пошел один. Белозор лежал подальше и очень распух от жары. Базарбая, который лежал ближе, Талгат вытащил на тропу, автоматная очередь продырявила его всего, поэтому его живот не так вспух как у Белозора, но пахло по-страшному. Кругом мухи. У Базарбая куртка была расстегнута и все тело, в местах попадания пуль, было в какой-то белой слизи, как будто из него жир вытекал и ползают черви. Только вытащил на тропу, «духи» начали стрелять. Алпамысов вначале лег рядом с трупом, а потом перевернул и положил его на себя, прикрываясь от пуль, и начал кричать:

- Ребята, не бросайте! Огонь! Огонь! - Потом сбросив с себя труп, виляя из стороны в сторону побежал к своим. Тела так и остались лежать, а группа вернулась назад.

Батуев, в течении всего этого дня никому не докладывает о случившемся. Прошла ночь, а утром следующего дня, так и не докладывая обстановку ротному, Бато Бимбаевич принимает решение попытаться еще раз своими силами вытащить трупы солдат. Берет с собой несколько бойцов и ползком выдвигается в сторону сада. Душманы начали обстрел группы, и поняв, что им не удастся прорваться к телам убитых, Ба-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

туев возвращается назад и только после этого решается доложить обстановку.

Около двенадцати часов на высоту поднялись старший лейтенант Агзамов с небольшой группой своих бойцов и человек тридцать афганских солдат с нашим советником. Афганцы, не задерживаясь, во главе с советником, ушли через расщелину на соседнюю гору, а Агзамов начал подбирать группу для спуска за телами. Собрав всех, кто был на посту, он сказал:

- Не могу приказывать, но там ваши друзья, решайте сами кто пойдет со мной.

Идти пожелали Каныбек Картабаев, Едил Кадыров, Талгат Алпамысов, **Ашим Бекбосынов**, **Паша Расулов**, **Григорий Киктев**, **Радик Шарипов** и еще два бойца, всего девять человек. Мамошин сказал

- Все ребята, я больше не пойду, два раза ходил, чувствую, в третий раз убьют. Его никто и не подумал заставлять.

Агзамов скомандовал:

- Пулеметчикам пулеметы оставить, взять автоматы. Пулеметы нужны другой группе, чтобы прикрывали нас, они пойдут за нами, а мы должны идти налегке, нам еще трупы тащить.

Только начали спуск, сзади раздался взрыв. Это, оказалось, подорвался капитан Батуев, который с группой пулеметчиков спускался для прикрытия. При переползании он видимо задел рукой усик американской мины, которые были поставлены вокруг поста еще душманами когда они занимали эту высоту, и погиб. Мины эти были очень мощными, почти как фугас, и потому Батуеву, не смотря на бронезилет, разорвало половину торса вместе с головой.

Почти одновременно со взрывом начался обстрел группы старшего лейтенанта Агзамова. Все залегли, попрятав головы за малыми и большими камнями. Агзамов командует:

- С права по одному, короткими перебежками, вперед! Время поданная в бою команда великое дело. Солдаты поднялись и рванули вперед. Ведя стрельбу на ходу, вышли к тропе

Амангельды Жантасов

на которой лежали тела Базарбая и Белозора, и начали ждать сигнала от пулеметчиков, которые должны были прикрывать их отход. День пошел уже к исходу, вскоре должно было начать темнеть, и противник предпринял попытку атаковать группу Агзамова. Отбив атаку Алик Агазамов сказал:

- Некогда ждать. Скоро стемнеет, да и патроны кончаются, надо идти за ними, - и приказал Алпамысову, Картабаеву, Бекбосынову и еще одному солдату идти за трупам. Перед их отправкой Агзамов собрал все оставшиеся патроны, их хватило как раз на один «рожок» магазина, и вот с этим боезапасом и несколькими гранатами оставшиеся заняли позиции для прикрытия своих друзей. Сержант Алпамысов с бойцами сумели вытащить тела друзей и вернуться к своему командиру. Когда группа собралась, часть ее во главе с Талгатом Алпамысовым Агзамов отправил вверх, а сам с пятью человеками понес тела по низу.

К этому времени Керимбаев поднял по тревоге нашу вторую роту, и мы двумя взводами на всех парах помчались к Базараку. Здесь капитан Бексултанов принял решение один взвод оставить у переправы на противоположном берегу, а другим взводом, которым командовал я, идти вслед за группой Агзамова. Как только переправились и спешили, побежали по расщелине. Пройдя более половины пути, наверно метров пятьсот, услышали сильную стрельбу и несколько разрывов гранат. Это могло значить одно - Агзамов уже принял бой, надо спешить. Но до кишлака мы не успели добежать, шумно вдыхая воздух, с тяжелым надсадным хрипом Алик Агзамов с несколькими бойцами, среди них был солдат Ашим Бекбосынов, санинструктор роты, приближались к нам, а на плечах у них были завернутые в плащ-палатки тела двух солдат. Тут показалась и погоня, душманы буквально наступали им на пятки. Пропустив группу Агзамова, мы тут же рассосредоточились, и вступили в бой. Духов оказалось достаточно много, и через некоторое время я решил отойти под прикрытия БМП оставшихся на берегу. Отстреливаясь,

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

поочередно прикрывая друг друга, начали отходить. Патроны были уже на исходе, и неизвестно, как бы все это еще закончилась для нас, если бы не афганская группа посланная на противоположную вершину. Вернее не афганцы, а наш советский офицер из числа советников по прозвищу «Борода», находившийся с этой группой. По его команде «зеленые» открыли интенсивную стрельбу по нашей погоне и отсекали ее. К сожалению, я так и не помню его настоящего имени и фамилии, хотя мы потом, несколько офицеров из отряда, отдыхали в его квартире в Кабуле, когда летели в Союз. Помню, что его самого не было, но он назвал нам адрес и сказал к кому обратиться за ключами. Хотя Анатолий Матвийчук называет его Владимир Бородач, думаю, что относительно фамилии он все же ошибается.

Много позже, Ашим Бекбосынов, один из тех бойцов, ходивших за телами, рассказывал:

-Мы так бежали, что чуть не задохнулись. В горле, в носу, во рту до того пересохло, что когда вдыхаешь, воздух обжигает все нутро так, как будто пламя глотаешь. Руки липкие от трупной слизи, воняют страшно. И этими руками, когда добрались до деревьев внизу, без всякой брезгливости рвали и засовывали в рот листья, чтобы хоть какая-то влага на язык попала.

Пока мы вернулись к берегу, спустили вниз тела Батуева и двух других бойцов и все остальные, кто тоже должен был вернуться, поочередно переправились на левый берег. Поскольку было уже поздно, наша рота возвращаться на базу не стала, и ночь мы провели у Базарака. Офицеры просидели у тела Батуева, которое обернутое в плащ-палатку, лежало рядом с нами под раскидистым кустом. Вот так вот, по глупости двоих, погибли еще три человека. Ануфриев так и пропал без вести.

Через день после гибели замполита первой роты, по-

Амангельды Жантасов

ступил приказ вывести всех из-под Базарака. Вообще, вся эта кутерьма с выставлением постов у Базарака, была затеяна для обеспечения вывода афганских подразделений, которые находились там с начала операции.

В тот день, когда спустили сверху тела погибших, командир отряда вверх на усиление поста отправил Жатакпаева, он только прибыл с отпуска и в гору пошел, как и был в повседневной форме, только на голову надел каску. Духи видимо уже знали, что наши покидают Базарак и с утра приступили к интенсивному обстрелу афганского танкового батальона, который стоял чуть дальше нашей бронегруппы. Видя, как уже в колонне один за другим загораются танки, бойцы наверху чувствовали себя на положении смертников – как еще придется вырываться самим. Но вышли. Бахыт вспоминает, как он сам сел на место оператора-наводчика орудия, и дал команду стрелять по каждому кусту, независимо ведут оттуда огонь или нет. Море огня, со всех стволов, только так сумели выскочить, но одна машина из первой роты подорвалась на фугасе и несколько человек погибло.

У капитана Батуева остались жена и маленькая дочь. Он был человеком крупного телосложения, и хотя его габариты бросались в глаза, на кроссах от своей роты не отставал. Если в обычной обстановке это был медлительный, преисполненный немногословной мудростью человек, при необходимости он мог быть довольно подвижным и сноровистым офицером, имел первый разряд по боксу.

Помню, когда мы еще служили в Меймене, он долго обещал нам приготовить бурятское национальное блюдо «позы». И наконец, пригласил. У нас уже тогда начала складываться традиция - приглашать офицеров других рот, друг к другу в гости. И каждая рота традиционно была привержена к какой-нибудь национальной кухне. В нашей второй роте коронным блюдом был бешбармак по-казахски, третья рота готовила киргизские блюда и т.д. Бато служил в первой роте и вот он сделал свои позы. Ближе к вечеру спустились к ним в землян-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

ку и разместились за столом. Тут с большим таким блюдом торжественно входит Бато и ставит его на стол. Смотрим, а это манты, только по-другому слеплены. И тут Алик Агзамов не выдержал:

- Бато, да это же обыкновенные манты! – воскликнул он. Тут уж возмутился Бато. Он встал такой разгневанный, уперся кулаками об стол, и говорит:

- Ты, узбек! Я же не называю твой плов рисовой кашей! - Тут мы все, кто был в землянке, взорвались смехом. Конфликт разгладился, но случай в памяти остался.

Дни проходили за днями. Засады, изредка сопровождение колонн с грузом, выходы в поиск, оборонительные бои на выносных постах, вот так и шла служба.

В одном из таких рейдов по выполнению боевой задачи получил тяжелое ранение старший лейтенант **Жумабек Аюбаев**, командир группы из четвертой роты. Выдвигаясь со своей группой к кишлаку за горой Дарьялавушт, при обходе горы наткнулся на превосходящего силами противника. Завязался бой. У «духов» с собой оказался 82-х мм. миномет, видимо шли для организации обстрела базы отряда, и они отведя его на необходимое расстояние, открыли навесной огонь. Аюбаев запросил огонь артиллерии. Батарея начала пристрелку сигнальными дымовыми снарядами и один из них разорвавшись у ног Жумабека, как ножом срезал ступню, но она еще держалась за счет высоких голенищ ботинок. Еще не зная насколько серьезно ранен, старший лейтенант Аюбаев продолжил руководит боем. Не сразу бойцы заметили, что командир умолк. Бросились к нему, а он без сознания. Отбившись от противника, совершили многочасовой спуск с командиром на импровизированных носилках из солдатской плащ-палатки. В санчасти хирург Утеев прооперировал его и ампутировал всю ступню, а затем отправили в Союз.

После выздоровления Аюбаев добился того, чтобы его оставили на службе в армии. Долгое время проходил службу в Жезказганском областном военном комиссариате в долж-

Амангельды Жантасов

ности заместителя облвоенкома. После увольнения в запас вернулся в Алматы и продолжил работать в специализированной военной школе-интернат заместителем директора. Об его мужественности может говорить только один такой факт, будучи заместителем директора, на протезе он совершал кроссы вместе с воспитанниками, обгонял их и встречал на финише. Зная, что тяжело болен онкологической болезнью, почти до самого своего конца продолжал ходить на работу. Чтобы не видеть переживания близких, не слышать и не видеть жалости родственников, целыми неделями не уезжал со школы. Только тогда, когда уже не стало сил встать с постели, за несколько дней до кончины остался дома и умер в окружении родных.

В 2011 году режиссер Кончаловский снял художественный фильм «Возвращение в «А», и прототипом главного героя был взят образ Жумабека Аюбаева, сюжет полностью придуманный, но за основу взяты действия именно нашего отряда.

В конце июля получили пополнение взамен выбывших в боях, и начали обучать их.

Чтобы обеспечить свою безопасность, на подступах к подразделениям опоясались противопехотными минными полями, предупредили об этом и своих бойцов и местное население. Но иным солдатам хоть кол на голове теши - не доходит, нет-нет да подорвется кто - то на mine. Так случилось и с рядовым **Андреем Животковым**, солдатом, призванным из Читы осенью 1981 года. О мертвых плохо не говорят, но это был не самый лучший боец. Одно время он служил в нашей роте, уже не помню, как он к нам попал. Потом, то ли по болезни, то ли с каким-то ранением, он умудрился без ведома командиров, еще когда мы находились в Меймене, на вертолете улететь в Кундуз, в медсанбат 201 дивизии, и все не хотел оттуда возвращаться. В конце концов, его каким-то образом вытащили и привезли назад в отряд и передали во взвод связи. Как рассказывал командир, буквально за день до своей

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

гибели Животков стоял среди молодых солдат и втолковывал им, что нельзя бродить по садам, так как кругом мины.

- Я, - говорит Борис Тукеныч, - Еще порадовался за него, что он так поумнел. А на следующий день в саду нашли его обезображенный труп. То ли за яблоками полез, то ли в заброшенных домах искал что-то. От нижней части тела до самой грудной клетки не осталось абсолютно ничего. Только ребра торчат, как топором срубленные и видны сердце и легкие. Он, как потом выяснилось, наступил ногой на одну мину и падая сел на другую. Хоть и жуткое было зрелище, но подполковник Керимбаев приказал положить останки на плащ-палатку и показать всему личному составу отряда и приданных подразделений. После этого случая подрывы наших солдат прекратились.

Среди приданных нам для усиления и обеспечения подразделений, были артиллеристская батарея гаубиц «Д-30», батарея минометов «Василек», взвод РЭБ, танковый трал для подрыва мин и фугасов. И было еще одно маленькое подразделение, которое выставляло систему «Реали», о нем в отряде вообще мало кто знал. Сейчас это уже никакого секрета не представляет и потому можно о нем кое-что рассказать. Чаще всего на дорогах или тропах, где наиболее вероятно движение противника, с двух сторон, на некотором удалении друг от друга, выставляются датчики с антеннами, которые реагируют на малейшее сотрясение почвы в радиусе семидесяти метров и передают импульс на ретранслятор, а оттуда сигнал поступает к дежурному по части. Как только срабатывает первый датчик, дежурному становится ясно, что к участку кто-то подходит, а если срабатывает второй датчик, значит движущаяся цель находится ровно между ними. Дежурный подает команду артиллерии, а те немедленно начинают обстреливать заранее пристрелянную площадь.

Используя эти «Реали» за Мариштаном организовали двойную засаду: датчики и группу засады. И однажды, таким образом, поймали какого-то важного пакистанского ин-

Амангельды Жантасов

структора. Но он при задержании оказал сопротивление и был тяжело ранен. На следующий день пакистанец умер и его пришлось хоронить нашей второй ротой, закопали в саду не далеко от поста охранения, думали может еще кто сунется забирать труп, но никто так и не появился.

Взвод радиоэлектронной борьбы(РЭБ) вел постоянное прослушивание эфира, отслеживая радиопереговоры моджахедов. В результате таких прослушек несколько раз были предотвращены нападения на наш лагерь. На вооружении у нас еще были приборы, которые по шуму, т.е. по звукам выстрелов, точно определяли местонахождение минометов, ведущих огонь по нашему расположению. Зная координаты вражеских минометов, артиллерийская батарея тут же подавляла их своим огнем. А вообще, душманы очень часто применяли по нам минометы, чаще всего 82мм., которые достаточно легки и могут переноситься двумя-тремя человеками.

Как-то в одном из боев наши бойцы захватили у врага такой же 82 мм. миномет и притащили в роту. Я приказал его не сдавать как трофей, а оставить в роте. Потом при очередной замене подняли на выносной пост на Дарьялавуште и успешно применяли его при вылазках «духов». Стрелять из него не сложно, тем более что мы обстреливали цели на удалении прямой видимости. Правда, корректировали не совсем артиллерийски: засекали разрывы и командовали - «Чуть-чуть правее, чуть-чуть левее!», но результата достигали.

Между расположениями второй, первой роты и штабом части была вертолетная площадка. И обстрел этой площадки из минометов при посадке вертолетов было любимым занятием душманов. Особого вреда эти обстрелы не наносили, но неприятности все же доставляли. Помню, только мы закончили строительство бани в расположении своей роты, кучу снаряженных ящиков разобрали, чтобы обшить ее изнутри. Хорошая такая, аккуратная банька получилась, сложенная из самана, но к сожалению, в ней нам ни разу так и не удалось помыться.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

ся. Буквально на следующий день, при обстреле площадки шальная мина попала в баню и она сгорела.

Но однажды, при заходе для посадки на эту площадку, душманам все же удалось из ДШК подбить один вертолет. В шестой роте служили два брата близнеца **Виталий и Геннадий Рыковы**. Эта рота располагалась у торца площадки за санчастью. Один из братьев, а именно Виталий рассказывал:

Мы с Иваном Ильиным шли со столовой в роту. Видели как вертолет пошел на посадку, потом поднялся и пошел во второй раз. И тут над головой что-то прошелестело, я еще подумал, наверно опять с миномета стреляют, но потом смотрю в ту сторону куда прошелестело, а это лопасть от вертолета. Обычно мины так шелестят, как будто крупные птицы пролетают. Смотрю в сторону вертолета, а он пропал, не видно его. И тут взрыв со стороны оврага за штабом. Мы побежали туда. Овраг был глубокий, метров пятьдесят наверно, и видим, как по склону поднимаются вверх два человека, потом сказали, что это были второй пилот и стрелок-радист. Они шли по минному полю, там все было заминировано, им очень повезло. Тут из штаба выбежал Керимбаев и начал кричать:

- Не подходить! Водовозку сюда, водовозку!

А что водовозка сделает, во-первых вертолет лежал далеко внизу, а во-вторых водовозка ведь все равно не пожарная машина, у него насоса нет, чтобы делать мощную струю. Вертолет сначала горел не долго, а потом взорвался.

В этом вертолете кроме командира машины погибло еще двенадцать человек солдат, которые возвращались из медсанбатов и госпиталей или из других частей или к нам на пополнение. Среди них был мой одноклассник Канат Упеков из Алматы. Все трупы были обугленные, Каната мы узнали по передним зубам, они как-то отличались у него.

В этом вертолете вместе с Упекковым, из отряда погибли еще **Ербол Абдрахимов, Андрей Деревянчук и Хайбулло Латипов**, это случилось 23 сентября 1982 года.

Амангельды Жантасов

Стрелял тогда по вертолету ДШК со стороны «Зуба». Он достал нас этот ДШК. Однажды мы с братом Генкой, он служил на складе, шли со стороны кухни в сторону роты и слышим далекое такое «пук, пук, пук», а потом фурчание. Если обычные пули, пролетая свистят, то пули от крупнокалиберного пулемета фурчат. Хорошо, вокруг были деревья, мы тут же встали за ними. Я оказался за толстой чинарой, а брату попала тоненькое деревце. И тут рядом с ним, буквально у его ног, в землю взрывается разрывная пуля. Он потом подобрал ее и долго таскал с собой как талисман. Постояли мы недолго за деревьями, и кто-то из нас, уже не помню кто, крикнул:

- Валим в дом! – Рядом был какой-то полуразрушенный дом. Только вбежали, тут еще одна пуля с треском вдарила об косяк.

Несколько позже этот расчет ДШК из ПТУРСа уничтожил прапорщик Лукьянов В.П.

Приведу еще один рассказ Виталия Рыкова, правда, это случилось уже после выхода из Панджшера, в Гульбахоре:

«Я уже собирался спать, и тут ко мне подошел прапорщик Лукьянов и говорит

- Завтра на своей хлебозовке едешь со мной в Кабул за мясом.

Спрашиваю - Кто приказал?

- Не болтай много, - отвечает, - Старшие приказали.

И вот рано утром без всякого охранения, на одной машине, прошли пост четвертой роты у моста через реку. Потом проехали Джабаль-ус- Сирадж, несколько постов охраны от джабальского полка. Всюду на обочине сгоревшая военная техника – танки, БТРы, БМП, «Уралы», «Камазы», картина не из приятных, тем более, когда идешь одиночной машиной, в голову лезет всякое. Но, слава Богу, до Кабула проскочили удачно, все же, «духи» видать не круглые свтки

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

стерегут дорогу.

Пришли в аэропорт, загрузили полную машину бараньих туш и вместе с каким-то таджиком поехали в «советский» микрорайон к нему на квартиру. Это я потом узнал, что все советники и специалисты из Союза живут в этом микрорайоне. Поели, попили самогон и легли спать. Поднялись рано и еще затемно выехали назад. В темноте, да еще туман был, перепутали дорогу и попали в какой-то кишлак. Проехали метров 150-200 мимо высоких дувалов и поняли что заблудились. Лукьянов кричит

- Разворачивай быстро, а то здесь нас и грохнут! А как развернуться, кругом дувалы? Наконец нашли какой-то перекресток, и с трудом развернули машину, хорошо, что «Зил» был, на «Камазе» бы пришлось хуже. И снова Господь оказался на нашей стороне и мы благополучно вернулись на базу отряда в Гульбахор. Вернулся такой радостный, а тут ротный, капитан Петрович, с криком на меня

- Почему уехал? Кто тебе разрешал? Почему не доложил?

Прапорщик, оказывается, никому не докладывал и уехал самостоятельно, а может зампотыл или начпрод знали, но промолчали, побоявшись Керимбаева. Но батальон был обеспечен мясом, которого мы давно не ели...

В мелких и крупных стычках с неприятелем проходило время. Уничтожали врага, сами несли потери. Погибали и получали ранения не только в открытых схватках с противником, но и от его снайперов и заложенных им мин и фугасов.

Так, 7 ноября 1982 года ранним утром, выстрелом из ДШК в голову, был убит боец третьей роты **Абдылдаев Курманбек**, в роте его все звали Курман. Он призывался весной восемьдесят первого из Ошской области Киргизии. Был года на два старше остальных солдат своего призыва. Душевный и добрый человек, бойцы помнят, как он хорошо играл на аккордеоне. Умер мгновенно.

В тот же день вечером, тяжелое ранение в голову от выстрела вражеского снайпера получил сапер из пятой роты Волков. Сол-

Амангельды Жантасов

даты помнят, как после попадания пули, со словами - «Мама! Мамочка!», - он схватился за голову и сник, потеряв сознание. Спустя несколько дней умер в Ташкентском госпитале.

Получил ранение в голову по касательной и сержант **Шамиль Рахматулин**, замкомандира группы у Жатакпаева. На вершине горы Дарьялавушт, несколько ниже командного пункта были расположены три выносных поста, обычные расширенные окопы для стрельбы с колена, с брустверами, оборудованными из наваленных камней, при этом верх этих окопов был закрыт настилом, т.е. получалось что то типа блиндажа с амбарузорой для стрельбы. В летнее время без настила над головой невозможно пролежать под солнцем, да и зимой укрытие над головой не мешало.

Началось с минометного обстрела, и нескольких бойцов, гревшихся на камнях под солнышком, как ветром сдуло, они тут же порятались за этими же камнями. Задремавший было Шамиль, услышав разрывы мин, убрал в сторону свой бушлат, которым закрыл амбразуру чтобы не продувало и, начал просматривать в бинокль местность перед собой, и вражеский снайпер, видимо выжидавший именно этого, произвел выстрел. Пуля по касательной попала в голову, глубоко разорвав кожу у виска. Сержант, что называется, в рубашке родился, отклонись пуля буквально на миллиметр в сторону, и получай посылку Родина. Обливающегося кровью Шамиля товарищи, не смотря на минометный обстрел, перенесли в центральный блиндаж и сделали перевязку.

В те дни старшим на посту был я, и мне пришлось изрядно потрудиться. Первым делом по радию успокоил своих сержантов, такой массированный налет мы испытывали впервые, обычно покидают мины, польют издалека автоматнo-винтовочным огнем и успокоятся, а тут по завершению минометного обстрела душманы перешли в атаку. Несмотря на потери, они сделали несколько попыток сбить группу с высоты, но бойцы держались стойко. Минометные обстрелы перемежались новыми и новыми атаками, «духи» словно осатанели, уж очень сильно нужна была им вершина Да-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

рьялавушта. Связался с базой и вызвал огонь артиллерии, площадки перед нашими позициями были пристреляны и разбиты на участки сосредоточенного огня. Но частично прорвавшийся близко к нашим окопам противник оказался в мертвой зоне для огня артиллеристов и с этого близкого расстояния довольно долго, почти до сумерек, продолжал вести огневой бой. Численный перевес был все же на их стороне.

Вернулся в строй и пришедший в память сержант Рахматулин. Не обращая внимания на слабость и головокружение, Шамиль до самого завершения боя не покинул окоп. Но когда стемнело, опасаясь за заражение, я все же дал команду эвакуировать его на базу отряда.

Ныне, кавалер ордена Красной Звезды полковник Рахматулин продолжает службу в рядах Вооруженных Сил Республики Казахстан в должности первого заместителя начальника департамента по делам обороны Алматинской области.

В этот же период, ночью возле склада ГСМ нашли мертвым солдата шестой роты **Владимира Круглова**, кто его убил, так и не установили. Но скорее всего это было делом рук кого-то из афганских военных. Посторонний, во-первых, просто так проникнуть в расположение части не мог, а если и проник бы, то убийством одного солдата не могли ограничиться. Подорвали бы тот же склад ГСМ или закидали бы гранатами технику.

Из этой же шестой роты, при спуске с Пьявушта в августе погибли солдаты **Анатолий Ситников** и **Замир Авизов**. Командиром отряда было принято решение, чтобы бойцы шестой роты носили боеприпасы, воду на пост охранения, находившийся на горе Пьявушт. Как и на всякую гору, спуск и подъем проходил по одной единственной козьей тропе, узкой и крутой до невозможности. По началу, ходили в дневное время, потом появились засады моджахедов, и пришлось доставку производить ночами. Путь не близкий, да и высота свыше трех тысяч метров, по обе стороны тропы мины, чуть оступишься - упадешь в пропасть, или наступишь на мину.

Амангельды Жантасов

Приходилось идти на ощупь, время от времени запуская осветительные ракеты, чтобы выверить направление.

В один из таких походов отличился старшина нашей роты прапорщик **Нурдун Тохтахунов**, я уже говорил, что все его звали Юрой. Обеспечение продовольствием и боеприпасами прямая его обязанность, вот и таскал он на Дарьялавушт время от времени патроны, гранаты, дрова и воду, и однажды напоролся на засаду. Случилось это днем. Прежде чем подняться к самой вершине, где располагался пост, надо было пройти несколько горных гряд, то есть перевалов, и тропа почти все время шла серпантинном по косогору. И вот только поднялись на один из таких перевалов, как противник сбоку открыл огонь. Все залегли и начали отстреливаться. Тохтахунов, впрочем, мог спокойно отойти, спуститься вниз, усилить свою группу и повторить подъем, но Юра решил по-иному. Продолжая огневой бой, он послал двух бойцов в обход. В группе у него с ним было шесть человек. Все время, ведя огонь из автоматов и бросая гранаты, он отвлек внимание «духов», благодаря чему посланные в обход солдаты сумели почти в упор подойти к ним и открыть огонь на поражение. Не ожидавший такого маневра противник не выдержал удара с фланга и неся потери ушел восвояси. Правда, поднялись к посту уже без воды, все РДВ и термоса были пробиты пулями, но зато донесли очень нужный боезапас.

В один из осенних дней 1982 года, Бакытжана Жатакпаева вызвали в штаб отряда. Керимбаев был в отпуске, за него оставался капитан Бексултанов, он и поставил задачу: Обнаружена вооруженная банда в населенном пункте за горой напротив Тавахской петли. Двумя группами, одна из второй, другая из третьей роты, выдвинуться к кишлаку, и после налета авиации, добить оставшихся в живых «духов». С вами идет рота «зеленых». Группой из третьей роты командует капитан Мартынов, старший всей группировки Жатакпаев. Работа всего ничего – добить остатки «духов» после бомбежки.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Вброд перешли через реку, поднялись с противоположной от кишлака стороны на гору и стали наблюдать. Гора не очень высокая, и не скалистая, но достаточно вытянутая вдоль русла Панджшера. Кишлак расположен с торца вытянутости у подножия. По левую руку, если смотреть в направлении против течения, лощина шириной метров пятьсот-шестьсот и еще одна горная гряда, тянущаяся параллельно той, где расположились наши. Очень скоро подлетела пара МиГ-21-ых и отбомбилась над кишлаком, бомбы сбросили с больших высот, видимо боялись переносных зенитно-ракетных комплексов. Жатакпаев об этом по радиации доложил Бексултанову. Затем начала работать артиллерия, опять эффекта мало – кишлак почти под горой и находится в мертвой зоне. Посмотрев на все это Жаткпаев понял, что придется туго и говорит командиру приданной афганской роты давай, мол, не будем соваться, обстреляем кишлак сверху и уйдем. Но капитан оказался упертым и заявил, что он сам пойдет со своей ротой выбивать душманов, а вы только прикройте огнем сверху. Сколько ни уговаривали, так и не послушал, такие тоже попадались, пришлось спускаться с горы и на некотором удалении следовать за афганцами.

Афганская рота почти вплотную подошла к кишлаку, а в нем тишина, ни одна собака не взбрехала. И тут загрохотало. Это был шквал огня. Нас, видимо, ждали. Информация, скорее всего, просочилась от «зеленых». Стреляли не только из кишлака, несколько крупнокалиберных пулеметов ДШК били нам в спину от противоположной гряды. Со всей афганской роты, а их было человек восемьдесят, выжил только один, да и тот сошел с ума, добежав до нас все время смеялся. Вся рота пала, погиб и их командир, капитан, который не стал слушать совета. Минут через двадцать-тридцать пальба ненадолго стихла, а потом перенос огня на наших бойцов. Группы спасло лишь то, что они были на удалении от афганцев, а душманы, опасаясь, что рота «зеленых» успеет зайти в кишлак, открыли огонь в тот момент, когда основная часть наших оказалась за небольшим бугорком. Но Жатакпа-

Амангельды Жантасов

ев, шедший в голове своих, с несколькими солдатами оказался в открытой местности на кукурузном поле. Незадолго до этого, к нам привезли новые бронежилеты, очень длинные, в два раз тяжелее прежних, да еще почему-то обшитые голубой тканью. Это были экспериментальные жилеты. И Бакытжан, как назло в тот день надел этот «броник». В голубом жилете, мечущийся посреди выкошенного желтого кукурузного поля, он как магнитом тянул к себе всех желающих пострелять. Кое-как сосредоточившись за бугорком, приступили к отходу. К этому времени артиллерийская батарея вновь начала огневую поддержку, перенеся огонь на противоположную гряду. Но какой-то снайпер все продолжал и продолжал бить по нашим, да и с кишлака не переставая поливало несколько стволов. Жатакпаев приказывает: Передвигаться тройками. Три бегут, три прикрывают огнем, три готовятся к броску. Каждому бежать с камнем в руке, камни сбрасывать в одном месте образуя прикрытия. Так и побежали. В этом бою свои замечательные качества проявили старослужащие солдаты, дембеля. Молодых пустили впереди себя, а когда видели, что автоматная или пулеметная очередь настигает их, сбивали с ног и своим телом накрывали молодняк.

Один из молодых солдат, родом откуда-то из Сибири, после боя ненароком заикнулся, лучше бы, мол, убили, чем так мучиться, так его за такие слова, те же «старички», которые прикрывали их своим телом и побили чтобы не болтал глупость.

А это из воспоминаний заместителя командира взвода из первой роты сержанта Алпамысова Талгата Альдибаевича (1963 г.р., призыв 1-81):

«В один из зимних дней начала 1983 года наша рота получила задачу выдвинуться в район населенного пункта Хисарак за Мариштаном для обустройства засады. Заняли позиции и лежим. Лежали долго и наконец-то, часов около

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

четырех, показалась фигура человека идущего со стороны Рухи на Хисарак. Смотрю в бинокль, какой-то мужик в черном одеянии, на боку планшетка, типа наших командирских сумок. Идет спокойно, без опаски, видимо не думал, что мы так далеко выставим засаду, территорию-то они контролировали. Тут Шатемиров дает команду снайперу Паше Расулову

- Расулов, попади ему в колено, только аккуратно.

Паша целился очень долго, минут двадцать наверно, ведь командир сказал попасть именно в колено, и выстрелил. Мужик упал, потом привстал и захромал к ручью, не дойдя до ручья снова упал, и дальше уже ползком добрался до дерева. По приказу ротного Каныбек Картабаев, Саша Капустин, я и Коля Задорожный, сапер из пятой роты, пошли за ним. По всем правилам, как нас учили, вышли с четырех сторон и разом накинудись на него. Пуля, оказывается, попала ему прямо в коленную чашечку, но он стал отчаянно сопротивляться. Хорошо мы первым делом выбили у него из рук оружие. Видя, что он слишком активно брыкается, Задорожный стукнул его по голове прикладом. Потом рота пошла менять место засады, а мы, группа захвата, отвели пленного в штаб, оказался какой-то иностранный инструктор, то ли араб, то ли пакистанец.

А еще помню такой случай. Когда мы были в Панджшере, стояли как-то вдвоем со старшим лейтенантом Агзамовым. У меня в руках был бинокль, и я по привычке шарил им по склонам гор впереди себя, и вдруг случайно увидел в окуляр, что в нашу сторону целится снайпер. Сказать уже некогда, и я просто взял и ударил локтем офицера в грудь. Агзамов упал и тут же прозвучал выстрел, но он так ничего и не понял. Вскрикивает и два раза бьет меня по челюсти снизу вверх, я естественно тоже падаю. Потом встал и молча показал ему место попадания пули, а Агзамов спокойно так

- Ну, извини, брат.

Амангельды Жантасов

Одним из признанных мастеров по разминированию, из числа саперов пятой роты, считался сержант **Николай Задорожный**, боец призыва I-81 из Алматы, замкомвзвода у старшего лейтенанта Ильдуса Ярмухамедова.

Как правило, саперы предпочитали ходить в рейды с одной и той же ротой. Задорожный вначале выходил с третьей ротой, но после ранения под Кирилой, когда погиб Бубенцов, посчитал это для себя дурной приметой, и начал ходить с первой ротой, как он сам говорит, ему нравился жесткий стиль работы Шатемирова, командира этой роты. Будучи заместителем командира саперного взвода, он сам мог принимать решение, кого из саперов в какую роту направлять. Как говорит Николай, в Панджшерской долине им часто приходилось работать на минных полях, заминированных по-дурацки, их в свое время минировала рота специального минирования из Кабула. Много раз натыкались на мины поставленные одна на другую сверху. Так было под Мариштаном, когда только за один выход Николаю пришлось восемь раз производить разминирование.

Происходило это зимой, да еще вдобавок, в ночное время. Дует пробивающий насквозь, как острие пики, ледяной ветер, в ущельях меж гор всегда сквозит, руки онемели от постоянного соприкосновения с холодным металлом, а щуп натывается на мины одна за другой. Особенно были коварны мины советского образца ПОМЗ и ОЗМ, обе модификации натяжного действия, то есть срабатывают, когда человек цепляется за натянутый провод и этим приводит в действие взрыватель. ОЗМ, к тому же еще выпрыгивает на высоту от 80см. до полутора метров, а корпус ПОМЗ похож на удлиненную вдвое гранату Ф-1, которую в народе называют «лимонкой», она устанавливается на колышках, где-то на уровне колен. Их коварство состоит в том, что эти модели очень трудно обезвреживать из-за чрезмерно чувствительного взрывателя, малейшее неверное движение и конец...

И вот, только Задорожный разобрался с растяжками этих двух мин, смотрит, еще какие-то покрытые инеем нити. -

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Пока одну нить за другой потихонечку перерезал, жути наглотался, что мама не хочу, - говорит Николай. Потом только выяснилось, что это были нити от ПТУРСов, которые запускал прапорщик Лукьянов. Евгений Петрович Лукьянов, командир хозяйственного взвода, в свое время оканчивал Печорскую школу прапорщиков войск специального назначения, и прекрасно разбирался в различных системах вооружения и в том числе мог запускать ПТУРСы (противотанковые управляемые реактивные снаряды). Наши БМП-1 были оснащены ПТУРСами «Малютка», которые при запуске тащат за собой до самой цели тонкую проволоку, посредством которой они и управляются оператором наводчиком с башни боевой машины. Стрельбу этими установками можно вести на удалении до трех тысяч метров, бывает и наземный вариант, но у нас они были только на БМП. Предназначались они для стрельбы по танкам противника. Поскольку снаряды были очень дорогостоящими, по тем временам цена одного снаряда равнялась стоимости автомашины «Жигули», операторов-наводчиков учили только на тренажерах, без практического запуска, поэтому у наших бойцов никаких навыков пользования ими не было.

Учитывая все эти обстоятельства, еще до наступления зимы, подполковник Керимбаев приказал именно Лукьянову вести охоту за вражеским крупнокалиберным пулеметом ДШК, который досаждал нам и, кстати, который тогда им и был уничтожен. И эти нити, доставившие столько хлопот Николаю Задорожному, оказались проводами от тех снарядов.

Наши саперы за время службы в Афганистане стали настоящими ассами своего дела, а происходило это не просто от того, что они часто работали по разминированию, но и потому, что офицеры и старослужащие солдаты постоянно обучали молодежь. Тот же сержант Задорожный организовал у себя во взводе целый класс по минному делу - рисовал плакаты, изготавливал учебные макеты из корпусов настоящих мин и все такое прочее.

- Однажды, - говорит Николай, - сижу у себя в располо-

Амангельды Жантасов

женин и мастерю один из макетов мин, распиливал ножовкой корпус, тут заходит майор Муратов, замполит отряда, и спрашивает

- Что делаешь?

- Мину распиливаю, - отвечаю.

- Мину!?! - повторил он, и выскочил за дверь. Слышу, там он столкнулся с капитаном Селютиным, начальником инженерной службы отряда, и говорит ему:

- Слушай, там твой дурак мину пилит!

- Кто? - спрашивает Селютин.

- Да Задорожный, - возбужденно кричит Муратов, а инженер спокойно так в ответ:

- А, Задорожный, этот пусть пилит, - и заходит ко мне в помещение.

Депутат Верховного Совета Казахской ССР Николай Задорожный в течении нескольких лет в восьмидесятых годах возглавлял республиканскую организацию ветеранов войны в Афганистане

Очень серьезную и чрезвычайно опасную работу, саперам пришлось проделать при выходе из Панджшера. Одним из условий договоренностей нашего командира с Ахмад Шахом Масудом по нашему выходу из ущелья, было полное разминирование населенного пункта, проведение санитарных очистных работ в местах расположения подразделений, и передача им, душманам, карт минных полей.

Выше уже рассказывалось что, не смотря на личную ненависть «панджшерского льва», как звали Масуда среди своих, к Керимбаеву, по заданию вышестоящего командования, нашему командиру трижды пришлось ходить к нему в одиночку для ведения переговоров. Результатом этих переговоров стал вывод нашего отряда из ущелья, и полная передача контроля над ним Ахмад Шаху. Если бы бои продолжались и дальше, то население долины не могло бы отсечься, и тысячам людей пришлось бы голодать в полном смысле этого сло-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

ва. Плодородные земли этой долины были одним из самых главных житниц государства, и наше военное командование вместе с руководством Афганистана пошло на этот беспрецедентный шаг.

В начале марта 1983 года сняли с контролируемых нами вершин выносные посты. Затем убрали в местах расположения подразделений бытовой мусор, завалили капониры для боевых машин и одиночные окопы, передали имеющиеся карты минных полей и совершили марш на выход из Панджшера. Все это происходило при непосредственном присутствии «духов». Вооруженные автоматами, пулеметами и гранатометами, обвешанные пулеметными лентами, они торчали на крышах домов, сидели на дувалах и с настороженной враждебностью смотрели за каждым нашим шагом. Как и принято, в таких случаях, мы получили строжайший приказ не поддаваться провокациям, т.е. если даже и начнут стрелять, не открывать огонь пока не разберутся старшие командиры.

Отряд вывели в город **Гульбахор**, расположенный у входа в Панджшерское ущелье на восточной кромке Чарикарской долины, образованной в результате слияния рек Панджшер и Горанд, огромный зеленый массив, сплошь заросший виноградником, ореховыми и тутовыми деревьями, и еще какими-то, не знакомыми нам, высокими кустарниками. Одним словом, самый настоящий рай для «духов» - хочешь, отдыхай в тени, хочешь, прячься от советских вертолетов, а хочешь, устраивай в кустах засады. А называлась долина так, потому что на его восточной стороне стоял город Чарикар, центр провинции Парван.

С Рухи мы ушли, но в Анаве батальон от 345-го полка еще оставался. Они были ближе к выходу из ущелья, чем мы, и на контролируемой ими территории были сплошные камни, плодородных земель не было. Противник же, мог к ним пробраться только со стороны Рухи, справа-слева из-за не-

Амангельды Жантасов

проходимых скал подступиться было невозможно, а в начале единственной дороги от Чарикара, т.е. у входа в ущелье, было наше новое расположение.

И вот, осуществив вывод личного состава и материальной базы отряда к новому месту постоянной дислокации, т.е. в город Гульбахор, командование приступило к выполнению своих обязательств по разминированию местности между Рухой и Анавой. Дело в том, что при проведении переговоров, шеф разведки Ахмад Шаха полковник Ажмуджин, оказывается, просил карты минных полей, а их попросту не оказалось. Двенадцать минеров ездили с капитаном Селютиным и старшим лейтенантом Ярмухамедовым на территорию уже занятую противником, чтобы очищать минные поля. Работа была очень сложной, потому что эти мины выставляли не наши саперы, а саперы тех частей, которые проводили операции по этому ущелью еще до нас, поэтому и карт этих минных полей не было.

Однажды, вместе с бойцами Ярмухамедова, на разминирование полей и душманский сапер, хотя наши и пытались объяснить ему, чтобы не лез. Но видать Аллаху было так угодно. Видимо он решил блеснуть своими познаниями перед советскими саперами, мол, ваши заряды, для нас семечки. Но, прогремел взрыв и «духа» разорвало. Все душманы, которые стояли вокруг, ошетинились и взяли наших саперов под прицел. Расправа была бы неминуема, если бы не сам Ахмад Шах, который случайно оказался неподалеку. Он, что-то гневно прокричал в адрес своих мождахедов, и те немедленно опустили оружие.

Спустя несколько дней подорвались и наши... Шло разминирование чуть дальше Анавы, можно сказать, на его подступах. Тыча землю щупами, впереди шли двое, Долганов и Саша Шарипов, оба парня были достаточно подготовленными саперами, окончили Отарскую саперную учебку. Но беда может прийти к каждому, и вот кто-то из них наступил на мину. Шарипову оторвало левую ногу, а Долганову обе ноги

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

по колено. Когда пошли их вытаскивать, подорвались еще двое, санинструктор сержант Юрий Савченко и Андрей Соловьев. Савченко скончался на месте, а Соловьеву тоже оторвало ногу. У Андрея это было уже второе ранение, первое он получил на той злополучной горе, где погиб капитан Батуев.

8. Гульбахор – Кабул – домой!

Гульбахор, как уже говорилось, стоит у самого выхода из Панджшерского ущелья, и является как бы его воротами. Если стоять лицом ко входу в ущелью, то сзади и справа будет Чарикарская долина, прямо - сплошной горный массив. Штаб отряда расположился в добротном доме с каменным забором, там же была и офицерская столовая. Наша вторая рота стояла не далеко от штаба, расположения других рот уже забылось. По-моему, стояли вразброс по всей дороге от города до самого выхода, там еще был небольшой мост, у которого стояла четвертая рота. Прямо перед штабом отряда, наверно в метрах 700-800 была одинокая вершина, единственная гора, на ровной местности, высотой примерно метров 400. На ней расположился выносной пост от третьей роты. Место для поста было исключительным, как будто создатель специально воздвиг эту гору для охраны Гульбахора, местность с нее рассматривалась на многие километры вокруг.

Окраина, где мы стояли, была сильно разрушена. И нам пришлось практически выстроить себе расположение роты. Набрали саманных кирпичей в развалинах и построили просторную казарму для солдат, две комнаты для офицеров, каптерку для старшины. Восстановили дувал вокруг расположения, сделав башенку для часовых. Внутри дворика слепили из глины что-то наподобие Доски почета и в нем вывесили таблички с именами погибших из нашей роты, их было тогда восемь человек. Снаружи, со стороны улицы, у дувала-забора стояли выстроенные в ряд боевые машины. С обратной стороны, т.е. сзади роты, протекал арык шириной метра два, а за ним был небольшой спуск и дальше уже начинались

Амангельды Жантасов

сплошные заросли всевозможных кустарников и деревьев на нескольких тысячах гектаров.

В городе была текстильная фабрика, которая производила шифон. Фабрика была достаточно крупной и имела немалое значение для государства. Обеспечение его безопасности, в общем-то, и было одной из главных наших задач, соответственно перед душманами стояла задача остановить работу фабрики. Однажды всесоюзная программа «Время» должна была сделать репортаж с этой фабрики о том, как афганские рабочие ударно трудятся и поддерживают курс НДПА, то есть правящей партии. Но, как говорится, враг не дремлет. Противники режима провели соответствующую работу, и рабочие именно в тот день не вышли на работу – жизнь дороже!

Что делать? Съёмочная группа уже прибыла в город, в программу сюжет о фабрике забит. И тут Керимбаев принимает гениальное решение. Со всего города местные активисты собирают гражданскую одежду, в нее переодевают наших бойцов, благо почти все азиаты, и выставляют их к станкам изображать рабочий класс. Номер прошёл на Ура!

В те годы в Афганистане из числа жителей населенных пунктов создавались отряды самообороны. Где-то они действительно добросовестно отбивались от душманских отрядов, где-то тихонечко отсиживались, не трогая никого, а где-то только числились отрядом самообороны, а на самом деле откровенно бандитствовали. Вот такой бандитский отряд численностью в сто двадцать человек оказался и в нашем Гульбахоре. После того, как доподлинно установили, что никакой самообороной тут не пахнет, штаб нашей части разработал план операции по разоружению этого отряда, согласовал ее с секретарем местной организации НДПА и приступил к его выполнению.

Для начала, Керимбаев вызвал их командира к себе и объявил ему, что завтра для него, т.е. для командира отряда самообороны, из Кабула привезут орден, поэтому мол, надо весь отряд собрать на территории фабрики для торжественного

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

построения, связанного с вручением высокой награды. На следующий день отряд собрали во дворе фабрики и простояли некоторое время. Действительно прилетели и улетели, не садясь, два вертолета.

Командир-оборотень спрашивает:

- Где орден, почему они не сели, - ему объясняют, что забыли грамоту к ордену, поэтому улетели назад, скоро вернуться.

- Пойдем в кабинет директора, чай попьем, там и пождем, - говорит Борис Туkenович. А там действительно был накрыт стол, увидев который, афганец расслабился, прошел к столу, отставил в сторону автомат. Тут же его и взяли. Потом вышли во двор и объявили остальным, что их командир арестован, всем надо сдать оружие, иначе тут же во дворе, их немедленно расстреляют из пулеметов, а это было реально. «Самооборонцам» ничего не оставалось, как побросать оружие и сдаться.

Если честно признаться, по сравнению со всеми прежними местами службы в Афгане, Гульбахор был райским местом во всех смыслах. Наличие фабрики обуславливало и присутствие цивилизации. Обсаженный соснами аккуратный двор с тротуарами, выложенные кафелем полы, туалет с унитазом, наконец. Все это хоть на мгновения как бы переносило нас в Союз, в мирное время, по которому мы естественно сильно скучали.

При фабрике были наши советники, которые время от времени позволяли нам офицерам париться у них в бане, это вообще была несказанная благодать.

Жилишные условия у нас и в Рухе были не плохие, там рота жила в большом отдельном двухэтажном доме, которую наверно можно назвать виллой. В ней были комнаты для офицеров, несколько больших помещений для личного состава, отдельная гостевая комната, выложенная вся коврами, с низким столиком и десятком подушек. Но и в Гульбахоре тоже устроились не плохо, правда без тех излишеств, вроде ков-

Амангельды Жантасов

ров и множества подушек. Когда мы пришли в Руху он был полностью брошенным населенным пунктом, а в Гульбахоре население оставалось на месте, и мы ничего не позволяли себе брать у них.

Климат тоже в принципе, был такой же, как и в Пандшере мягкий. Только, там высоко в горах, по ночам было очень холодно, что зимой, что летом. А здесь к тому же рядом с ротой, как я уже говорил, протекал арык, который оказался очень кстати в летнюю жару, чувствовали себя чуть ли не как в Крыму.

Ну и, самое главное, отсутствие тех частых боев. Ахмад Шах в основном свое слово держал, и его боевики против нас не выступали, поэтому служба была относительно спокойной и безопасной. Говорю относительно, потому что отдельные стычки, порой очень даже ожесточенные, все же происходили.

Не все моджахеды подчинены Ахмад Шаху, были люди и Гульбеддина, руководителя Исламской партии Афганистана, пожалуй самой однозной и экстремистки настроенной силы, воюющей против существующего строя. Чаще всего, именно его подчиненные устраивали резню в кишлаках, заподозренных в поддержке Правительственного режима, проводили показательные казни активистов. Они же продолжали нападения на колонны и подрывы на дорогах в отрезке от перевала Саланг до города Баграма, т.е. практически в зоне ответственности нашего отряда, и мы не могли сидеть сложа руки. Время от времени приходилось выходить на преследование групп мятежников после их нападений на наши колонны, или же устраивать засады на тропах продвижения караванов с оружием.

Погоня за одной из банд, которая перед этим разгромила большую афганскую автоколонну, состоявшую из грузовых фур и наливных бензовозов, и его уничтожение и стало, по сути, моим завершающим боем.

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

23 сентября 1983 года «духи» напали на колонну чуть ниже Саланга в сторону Джабала, об этом в тот же час стало известно командованию армии, откуда и пришло распоряжение догнать и уничтожить банду. Я с группой бойцов был отправлен вертолетом, с задачей устроить засаду на маршруте отхода противника. А другие две группы, под командованием командира роты капитана Радчикова, выдвинулись на БМП и должны были преследовать врага до его столкновения с нами. Направление движения вражеской группы засекли с вертолетов, а зная по карте дороги и тропы вычислить возможный маршрут движения особой сложности не составляло.

Заняв позицию в указанной точке, установил бойцам секторы обстрела, назначил наблюдателей и, приказав не высовываться, залег за камнями, просматривая в бинокль небольшой кишлак, через который, минуя место нашего расположения, как предполагалось, душманы должны были пройти. Ждать пришлось долго. Только в полдень следующего дня замаячили они на тропе, которая петляя и извиваясь змейкой, тянулась к нам. Их было двадцать человек. Все вооружены автоматами, у троих на плечах гранатометы РПГ-7В, но в подсумках для выстрелов снарядов не видно, видимо весь боезапас использовали при нападении на колонну. Идут тяжело, хоть и уничтожили целую колонну веселья не заметно, видимо уже учуяли погоню. Мы слышали, что у них там на все установлены свои цены, убил офицера одни деньги, солдата убил другие. За танк одна цена, за БМП или БТР другая. А тут, целая колонна в несколько десятков машин, сопровождавшаяся афганским воинским подразделением. Повод для веселья был, но как говорится, знает кошка, чью сметанку съела...

Громкое шипение взвившейся вверх сигнальной ракеты для них, наверное, показалось шипением самого дьявола. Задрав головы наверх, они на миг остолбенели на месте, и тут мы разом ударили со всех своих стволов. Позиции нами были заняты вдоль тропы в несколько ярусов, т.е. один другого выше. Такое расположение, прежде всего, позволяет

Амангельды Жантасов

увеличить обзор и конечно сектор обстрела, не загораживая пространство перед собой скальными выступами, а еще уменьшается возможность поражения нескольких бойцов одной гранатой или миной, так как осколки, как правило, разлетаются горизонтально и поражают цели на одном уровне.

Учитывая, что афганцы по горам бегают как козы, я не стал рисковать, подпуская их слишком близко, и потому стрельбу начал на достаточном удалении. Потеряв убитыми или ранеными четыре человека, по крайней мере, они остались лежать там, где упали, «духи» попрятались за камнями и начали ответную пальбу. Я особо не спешил, мне было важно протянуть время, потому как знал, что следом за ними идет рота и когда она подойдет, мы всеравно уничтожим их. Сейчас было важно удерживать противника в поле зрения, не дать приблизиться на бросок гранаты и не позволить рассеяться. Радиосвязь отсутствовала, и Р-148-ые, которые были у каждого командира отделения, и более мощная 107-ая, из-за горных вершин были бесполезны. Имелась еще «Ромашка» для работы с авиацией, но ее в небе пока попросту не было. Бойцы еще заранее были проинструктированы беречь патроны, и в основном бить одиночными прицельными выстрелами, только в исключительных случаях переходя на короткие очереди. Наконец показалась пара МИ «двадцать четвертых», видимо по согласованию с нашим командиром отряда, патрулировали район, в котором мы работали. Срочно выставил сигналы оранжевого дыма, обозначив себя, и вышел с ними на связь. Вертолетчик сказал, что рота уже на подходе. «Коробки», т.е. БМП, остались внизу на дороге, а «карандаши» двигаются в нашем направлении. Все это время, пока мы разговаривали, вертолеты делали разворот для боевого захода. Сделав два залпа НУРСами и разочек прочесав из пулеметов, вертушки удалились. В это время кто-то из бойцов крикнул, что «духи» уходят. Этого нельзя было допускать, задача была уничтожить. Пришлось, потихонечку меняя свои места, идти с ними на сближение, но при этом, стараясь постоянно сохранять свое господствующее, т.е. верхнее, положение. И вот, где-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

то часа через три, после начала боя, послышалась отдаленная стрельба за спинами душманов, эта была рота...

Вот таким был мой последний бой с реальным противником, с которым пришлось биться насмерть в течении одного года и одиннадцати месяцев, или 700 дней и ночей.

Когда сели на свои «бэмпэшки» и вернулись к основной трассе, от подполковника Керимбаева по радиации поступил приказ, что рота остается для прикрытия прохода еще одной автоколонны, а старшему лейтенанту Жантасову, т.е. мне, двумя машинами вернуться в расположение части для убытия в Союз, прибыл заменщик! Это сладкое слово «заменщик»... Каждый офицер или прапорщик, которому пришлось служить за пределами Союза ССР, помнит, насколько оно ласкает слух и будоражит воображение.

25 сентября 1983 года транспортный самолет «Ил-76» Военно-воздушных Сил СССР, прибывший из Демократической Республики Афганистан с большой группой советских солдат и офицеров на борту сел в аэропорту «Тузель» города Ташкента. Для меня в тот день афганская война закончилась...

Но память, нет-нет да возвращает в те огненные годы. Перед лицом встают образы моих солдат, и живых и мертвых. Помню и лицо первого мертвого врага, его потухший взгляд и яростный оскал. Не забывается мрачная громада скал и неземной холод, исходящий от горных рек. Помню и тех немногих офицеров афганской армии, насовесь сражавшихся рядом с нами. Помню тот страшный запах в «черном тюльпане», и идущий из самого человеческого нутра горестный вой-плач по павшим, когда подвозили к домам деревянные ящики с вложенными вовнутрь их цинковыми гробами.

В первые годы после Афгана, просыпался в холодном поту, когда во сне у ног падала граната и медленно скатывалась ко мне, или же когда никак не могу вставить в автомат новый

Амангельды Жантасов

рожок с патронами, а душман поднимает свою винтовку. И самое большое наслаждение получал от дальних поездок на автомашине – никто в тебя не стреляет, и на дорогах нет мин. Поверьте, это огромное счастье!

... Думы, сны, воспоминания, и уже не всегда четко можешь их различить. Что было, а что могло еще случиться. Но, что мы все знаем точно, такое никогда не должно повториться. Человечеству издавна известно, что самый главный сторонник мира на земле это солдат. Грозный и беспощадный для недруга и самый крепкий щит своей страны, и при этом, как никто другой жаждущий жизни. Такими мы были и остаемся, солдаты и офицеры «афганской» войны.

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

О некоторых вопросах организации и проведения партийно-политической работы с личным составом в условиях войны в Афганистане.

Кратко остановлюсь на вопросах организации и проведения партийно-политической работы с личным составом в условиях войны в Афганистане.

Как уже говорилось выше, партийно политический аппарат отряда был представлен достаточным количеством политработников отрядного и ротного звена. Заместитель командира отряда по политической части майор Муратов Мухтар Зиятденович был переведен к нам из 22-ой бригады спецназ, на базе которой мы формировались. Вообще, все руководство организацией партийно-политической работы в отряде в период дислокации в Капчагае находилось под контролем политотдела этой бригады, руководил им в тот период подполковник Зайцев. Как работник это был закоренелый аппаратчик, скрупулезно и методично проводивший все требования решений партийных съездов и директивных указаний вышестоящих политорганов, но при всем этом, эта его скрупулезность не мешала ему без зазрения совести обирать наш отряд в вопросах материально-технических средств, отпускаемых на обеспечение партийно-политической работы. Плюс к этому даже мы, молодые лейтенанты, видели и чувствовали, что к отряду нашему он относится, мягко говоря, как к второсортной организации, набранной из числа азиатов, и ничего путного он от нас не ожидает. Вся его работа с нами сводилась к поучениям свысока. Одним словом, это был барин от политработы. Нашим бойцам и командирам дела до него не было, а мы политработники, просто недолюбливали. Помню, как весь наш отряд дружно потешался над ним, когда он заболел инфекционным заболеванием. А получилось это таким образом. Однажды среди солдат отряда пошла гулять дизентерия, а питались мы в одной столовой с личным составом бригады, и это естественно забеспокоило ее командование. Сначала Зайцев собрал офицеров и прапорщиков и

Амангельды Жантасов

провел беседу с нами, а потом построил весь отряд и начал выступать перед ним. Смысл выступления сводился к тому, что дизентерия – это болезнь грязных рук, и их надо мыть. Высказав это, он еще повертел обеими руками перед своим носом, показав, какими чистыми они должны быть. А на следующий день... сам слег в медсанбат с дизентерией. Уж он то, конечно руки мыл, но все равно получилось смешно.

Ну, бог с ним, с этим Зайцевым, перейдем дальше к отряду. Следующим в иерархии политрабработников стоял секретарь партийного бюро отряда. Если учесть, что практически весь офицерский состав состоял из коммунистов, то можно понять насколько весомой должна была быть эта должность. Но так получилось, что вся деятельность парторга в основном сводилась к контролю за продовольственным складом и полнотой норм довольствия в солдатской столовой, между прочим, с подачи того же Зайцева, начальника политотдела бригады. Плюс к этому, секретаря партбюро сделали главным дознавателем при всяком грубом нарушении воинской дисциплины в подразделениях отряда. Все это постепенно утвердило офицеров и прапорщиков во мнении, что это никчемная должность, без которой вполне можно обойтись, что вполне естественно сказалось на авторитете офицера, занимавшем эту должность, хотя должен сказать, что это был достаточно подготовленный профессионал своего дела и в последующем дослужился до очень высоких должностей в казахстанской армии. Для меня, по крайней мере, это стало наглядным примером того, как нельзя относиться к любому должностному лицу. Если штат подразделения предусматривает какую либо должность, то человек находящийся в ней должен исполнять свои прямые обязанности, а не заниматься по прихоти начальника другими, пусть и родственными, по его мнению, делами. Такое отношение, прежде всего, убивает в человеке уважение к самому себе и притупляет должное внимание к занимаемой им должности, и в дальнейшем он попросту начинает забывать о своих обязанностях, в лучшем случае прикрываясь документальным оформлением якобы

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

проведенной работы, т.е. занимается формальной отпиской.

Перед самым вводом в Афганистан секретарем партбюро стал капитан Сергей Ильинский. Я уже не помню, с какой он пришел должности и откуда, скорее всего, был переведен с бригады, но в отряде, как говорится, пришелся ко двору. Физически сильный, спокойный, рассудительный и смелый человек, он быстро завоевал к себе расположение офицеров и прапорщиков, был уважаем. По тем временам, партийный билет в кармане был не только дорог своим наличием, но и заставлял каждого из нас, кто его носил, должным образом относиться к своему делу. Как бы мы сейчас ни относились к догматам коммунизма, но идеалы его, в самом деле, были высокими и чистыми и, самое главное, соответствовали нашим понятиям офицерской чести и долга. И наш секретарь, Сергей Ильинский, умел, ненавязчиво так, напомнить каждому коммунисту о его долге, если возникали какие либо проблемы или отклонения, хотя, честно сказать, ситуации такие возникали не так уж и часто.

Секретарем комсомольской организации отряда, или как общепринято было называть комсоргом, был лейтенант Эркин Джуматаев, на вид несколько флегматичный, интеллигентно утонченный человек. Но это оказалось только на вид. Хотя особо организаторскими комсомольскими способностями и не блистал, он при первой же возможности вскочил на БМП и буквально сбежал в бой, и был ...ранен. Видимо казалось, что он все же был вчерашним командиром взвода и когда, так сказать, труба позвала, он не выдержал.

Согласно штатного расписания в каждой роте был заместитель командира по политической части, замполиты, как прижилось в народе. Заместителя по политической части полагалось иметь в подразделениях с количеством личного состава 35 человек и более, а у нас в ротах насчитывалось по 70 военнослужащих. Все политработники ротного звена были выпускниками высших военно-политических училищ, и имели основательную базовую подготовку. Кроме штатных замполитов в каждом подразделении имелись не осво-

божденные секретари первичных партийных организаций, при наличии не менее трех членов партии, и комсорги рот, взводов, которые также работали на общественных началах, и тут надо признать, что на эти выборные должности избирались действительно достойные люди, пользовавшиеся авторитетом среди сослуживцев по праву.

Весь этот немалочисленный идеологический аппарат и был нацелен на поддержание у личного состава высокого состояния духа, уверенности в правоте выполняемого воинского долга и своего несомненного превосходства над противником как воина. То, что сказано - это не идеологический штамп. Успех при выполнении любой боевой задачи достигается не только умением командира организовать бой, но и уверенностью и решимостью бойцов выполняющих эту задачу, и без предварительной идеологически направленной воспитательной работы привить в них эту уверенность и решимость невозможно. Чаще всего военнослужащий может и не ощущать это воздействие и думать, что он поступает так или эдак, потому что он просто храбр, или так приказал командир. Но внутренним стержнем, на который нанизывается эта храбрость или исполнительность является понимание, что так надо, и вот это «так надо» и достигается воспитательной, или как раньше ее называли партийно-политической работой. Но тут не надо думать, что мы с утра до вечера только и занимались тем, что проводили партсобрания и политинформации, и всюду таскали с собой походные ленинские комнаты. Партсобрания и политинформации тоже проводились, но крайне редко, например, при приеме новых членов в партию, или же вот, когда 10 ноября 1982 года умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Чаще всего такая работа проводилась в форме бесед, кратких рассказов о какой либо ситуации, или коротких совещаний в самой обычной обстановке без официального ритуала. Но протоколы для отчетности все же оформляли, это была система.

Ленинских комнат, как в Союзе не оформляли, но в местах постоянной дислокации в подразделениях все же было

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

помещение, в котором при необходимости можно было собрать личный состав и довести те или иные задачи, или же провести какое-нибудь мероприятие. В этих помещениях по возможности вывешивали портрет Генерального секретаря и один-два лозунга, что придавало торжественности этим помещениям, и каким-то образом создавало атмосферу мирного времени. На выносных блок-постах, хотя словосочетанием «блок-пост» в то время мы не пользовались, никаких элементов наглядной агитации не было, и быть не могло. Лучше поднять вверх ящик с патронами, чем походную ленинскую комнату.

Основой всей партийно-политической работы являлась индивидуальная работа с каждым солдатом и личный пример. Хоть один раз покажешь слабость духа, считай дальше ты уже просто балласт в подразделении. И еще, постоянная забота о быте личного состава. Тут ты, имею в виду замполита, со старшиной роты должен печься о бойце лучше мамы родной.

Вот три момента являющихся основополагающими принципами для политработника ротного звена:

1. Индивидуальная работа
2. Личный пример
3. Забота о подчиненных

Наибольшую действенность достигает воспитательная работа через коллектив, хотя этот метод канонами советской системы воспитательной работы был запрещен, т.е. например, нельзя за одного неумеющего бегать, заставлять бегать все подразделение и т.д. Боец за свой проступок должен устыдиться не только перед тобой, командиром или начальником, но и перед своими сослуживцами. Совершив плохой поступок, он не должен, оставаясь нарушителем воинской дисциплины, в глазах окружающих быть героем.

Однажды один из солдат роты попался на том, что продавал местным жителям патроны в цинках, предварительно через шприц наполнив их водой и прокипятив. На солдатский

взгляд, казалось бы, молодец, деловой парень, и деньги заработал и «духов» обманул, но ведь и рота без этих патронов осталась. Почти на месяц отстранил от боевых операций. Все уходит в бой, а он в роте дневальный, так сказать в безопасности. Постепенно солдаты стали коситься на него неприязненно, и он натуральным образом взвыл, мол, делайте со мной что хотите, но дайте воевать вместе со всеми.

Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР, Политуправление Туркестанского военного округа, политотдел 40-й армии постоянно направляли нам в части и подразделения различные разработки и методические указания по организации работы с личным составом. Знаю, что в их составлении принимали участие маститые ученые и целые научно-исследовательские институты, и часть из них мы брали себе на вооружение, но в большей степени это были мертворожденные документы, рожденные в тиши кабинетов и абсолютно оторванные от реальной боевой жизни, которой войска жили в Афганистане. У нас были несколько иные задачи, чем претворять в жизнь решения очередного Пленума ЦК КПСС, или воспитывать личный состав в духе преданности делу Ленина. Нам надо было обеспечить, если перефразировать известное изречение В.И. Ленина, такое состояние духа своих подчиненных, чтобы они выполнили любую боевую задачу, и я думаю, что это нам удалось.

Чтобы читатель мог себе представить общее направление политической работы с войсками, приведу отрывок из «Памятки советскому воину об Афганистане» изданной политуправлением Туркестанского военного округа в г. Ташкенте в 1982 году:

«...Советский воин! В условиях возрастающей агрессивности империализма, непрекращающегося вооруженного вмешательства во внутренние дела ДРА твоя задача по-прежнему состоит в том, чтобы как можно лучше выполнить свой воинский и интернациональный долг, поэтому ты должен не только постоянно совершенствовать свое во-

***Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)***

инское мастерство, но и хорошо знать страну, в которой ты находишься, уважать ее народ, его традиции и обычаи. Ты должен знать историю Афганистана, его культуру, экономику и политику...».

Караганда-Алматы-Караганда. Ноябрь 2011 года.

Воспоминания Анатолия Матвийчука, полковника, начальника кафедры Академии Генерального Штаба Российской Федерации. В период службы в Афганистане командир третьей группы 1-ой роты спецназ, с 1982 года командир 3-ей парашютно-десантной роты 177-го ООСпН.
(Стилистика и орфография автора сохранены)

«Первый бой!»

- *Мам! Мам! А лето, оно какое, оно пришло?*

- *Спи. Лето красивое. Пойдешь, завтра на горку, если увидишь желтое сено, значит лето пришло. Толик засыпал, пред глазами стояла горка, на которой он с соседскими мальчишками сегодня гонял. Есть там желтая солома или нет?*

Солнце ударило в глаза! Толик потянулся и вдруг вспомнил: «Лето! Оно пришло или нет?» Лейтенант Анатолий Матвеев открыл глаза. Сон, этот сладкий детский сон напомнил лейтенанту безоблачное детство и теплые руки мамы.

Отряд, в котором служил Матвеев, стоял лагерем в городе Меймене. Лейтенант вышел из палатки. Палаточный городок, еще не устроенный, но уже напоминающий полотняный город, творение рук солдатских - стоял вдоль взлетно-посадочной полосы полевого аэродрома. Лейтенант подошел к баку с водой, попил, брызнул в лицо прохладной водой. Вода была привозная. Поэтому каждая капля ценилась. Пойду в столовую, решил Матвеев. Столовая, кроме того, что была пунктом приема пищи, выполняла еще роль клуба. Поев, попивая неторопливо чай, офицеры и прапорщики лениво переговаривали всякую всячину. Новости с Союза, ночные приколы заместителя командира отряда, а также что сегодня седьмое ноября и неплохо бы как - то скрасить боевые будни. Слово боевые - с натяжкой отряд в бою еще не бывал. Роты, группы несли боевое дежурство, обустроивали лагерь, готовили вооружение. Солдатский телефон упорно разносил весть, что после праздников наступят настоящие

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

боевые дни. А пока: « Он ему. Стой! Освети лицо! А он ему. Я тебе освещу! А он дождался, когда тот дойдет до коровьей лепешки. Ложись! Стреляю!». Это прапорщик, Коля Пильганский, смакует ночной вояж заместителя командира отряда. Он, как правило, подкрадывался к зазевавшемуся солдату, и тогда попадало всем, от сержанта до лейтенанта. Солдаты решили его проучить, и как только что Пильганский поведал, успешно. Матвеев поел. Решил, схожу к командиру роты. Командир роты и группа управления расположилась в разрушенном доме, обнесенном глиняным дувалом. На подходе Матвеев отметил про себя, что ротный уже успел организовать секрет на подходе к расположению.

За импровизированным столом, сидели командир роты, замполит и заместитель командира роты по технической части.

- А Матвей! Заходи. Это командир роты, Талай.

- Что на позициях? Схему огня принес? У ротного была привычка засыпать взводных вопросами в любое время дня и ночи. Рота в отряде считалась одной из лучших, что давало возможность Талаю немножко свысока разговаривать с подчиненными офицерами.

- Да все в порядке. Схему практически окончил, к вечеру принесу.

- А что Матвей, - коренастый и черненький Толик, еще с училища был прозван Матвеем, - это замполит роты Бато, уроженец Бурятии, всегда уравновешенный и мудрый, - Ты личный состав поздравил? Я старшине сказал, пару банок сгущенки, вечером тебе подкинет.

Сергея Литвинов, заместитель командира роты по технической части, молча копался с серым металлическим ящиком. Это был обыкновенный ящик, который в Союзе был в каждой канцелярии. Есть! Серега как-то особенно крякнул и открыл ящик! В ящике, перевернутые газетой, как снаряды в укупорке лежали четыре бутылки рома. Рома того, еще союзного, довоенного.

- Серега! Откуда! Три голоса с одним и тем же вопросом.

Амангельды Жантасов

Спокойно, с достоинством.

- Товарищи офицеры, техзамыкание на высоте. Пока в Кирках вы песни пели, я обследовал вблизи лежащие магазины. В одном из них я и нашел это богатство. Старый магазинчик, уговорил купить. Водку, - говорит, - наши еще покупают, а это ни в какую. Что бы вы, орлы, не нашли, я спрятал ром в ротную документацию. До прибытия, как я полагал, вы ею не будете пользоваться. Так что с праздником!

- Серега ты гений! Дежурный! Циркулярно. Командирам групп к командиру роты! Быстро. Через десять минут старшие лейтенанты Усенов Миша и Алик Агзамов были на командном пункте роты. Расчеты произвели! Схемы составили! Докладывают, а сами косятся на стол, где поблескивает, красными разводами ром.

- Ну, товарищи офицеры пять капель за праздник и на позиции. Командир роты разлил ром.

- Ну что, первый праздник на земле Афганской. Будем здоровы! Ром огненной струйкой побежал по горлу. Матвеев вспомнил, что такой же ром они пили с братом, этим летом в одном из ресторанов Киева. Прошло три месяца и вот Афган. Закрыв глаза, стало уютно и тепло.

- Толик спой! Это Алик Агзамов, подал гитару. Толик, подстроив гитару, начал петь любимую песню офицеров роты "Москва златоглавая".

- Товарищ старший лейтенант! - Это дежурный, к командиру роты. Семнадцатый вызывает на связь.

- Я десятый на приеме.

- Десятый, наблюдаю перемещение группы женщин и детей на окраине города.

- Понял! Усилить наблюдение. Товарищи офицеры, с праздником вас! Прошу всех вернуться на позиции. Командиры групп поднялись и двинулись к своим группам. Группа Матвеева находилась за взлетной полосой, занимая оборону на трех БМП. В отсутствие командира, на позиции старшим оставался старший сержант Муханов. Матвеев уже

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

был на полпути к позициям, когда красноватый и горючегорький взрыв взорвал тишину. Посреди взлетно-посадочной полосы медленно оседал столб пыли. Радиостанция, мирно болтавшаяся на боку, ожила.

-«Восемьсот тридцатый!» (позывной комбата), я «тридцатый»(позывной третьей роты), обстрелян с миномета. Эфир накалялся с каждой минутой. Каждый старался доложить, что у него происходит, надеясь, что с этим докладом произойдет чудо и эта непонятная стрельба утихнет. Матвей прыжками понесся к своей машине. Боковым зрением он отметил, что взвод занял выкопанные траншеи, но огня не открывал, ждал команды. На командирском месте сидел Муханов.

Матвеев быстро одел шлемофон:

- Я «семнадцатый!» К бою! Командиры отделений продублировали команду. Поворачивая прибор наблюдения Матвеев, пытался увидеть, что происходит на подступах к позиции. В эфире:

- Я «восемьсот тридцатый!», Всем стой. Прекратить огонь! Осмотреться! Матвеев, поворачивая прибор, заметил непонятные тени. Присмотрелся, духи!

- Слава, это наводчик оператор, - В направлении четвертого. Духи! С пулемета уничтожить! Башня пошла вправо, остановилась и, дергаясь, стала поливать четвертый ориентир огнем из пулемета. Тени замечались по полю. Впереди машины взметнулся шлейф дыма, огня. Через люк в машину вполз едкий дым. С гранатомета, гады!

- Внимание! Я «семнадцатый». Над четвертым! Осколочным! Огонь! Три машины коротко рывкнули, и только трассеры выстрелов показали куда. Аллах Акбар! Значит верно.

- Я «семнадцатый». Ориентир четыре! Расход три! Огонь! Спокойствие, Матвей. Спокойствие.

- Я «тридцать третий», наблюдаю движение вдоль полосы взлета.

- «Семнадцатый!», я «восемьсот тридцатый!», Противник с тыла! Уничтожить!

Амангельды Жантасов

- **Внимание! Я «семнадцатый!»** За мной марш! БМП Матвеева дернулась, задом вышла из капонира. Одновременно с ней вышли еще две машины. Маленькая колонна, неслышимая в грохоте боя, а батальон вел бой, рванула к взлетно-посадочной полосе. Духи обнаружили себя вспышками огня.

- **Я «семнадцатый»,** противник вдоль полосы взлета! Уничтожить! Борта БПМ осветились огнем. Десантники приступили к уничтожению противника. Артиллерийская батарея рывкнула, и в небе повис огненный шар, как прожектор, освещающий местность. В это время машина Матвеева дернулась и как - то не правильно, скорее даже недопустимо, дала крен, наскочила на камни и заглохла.

- **Серик в чем дело! Серик!** Механик водитель молчал. Матвеев выскочил из люка и нагнулся над механиком водителем. Серик Иманжанов, механик водитель командира взвода, головой лежал на штурвале. С виска стекала кровь.

- **Слава ко мне!** Наводчик оператор выскочил из люка и стал на ребристый лист.

- **Помоги!** Вдвоем они вытянули отяжелевшее тело Серика, передали его в десант. Матвеев сам сел за штурвал.

- **Внимание! Я семнадцатый! Отходим на свои позиции!**

- **Семнадцатый я «восемьсот тридцатый!»**, что там у тебя. Что сказать Матвеев не знал. Это уже потом, он научится словам. У меня трехсотый! У меня двухсотый! А сейчас он и его взвод преступили черту. Сегодня была война. Она для лейтенанта Матвеева и его взвода началась внезапно, в праздник. Она навсегда разделила их жизнь, до и после.

- **Я семнадцатый. Всем! Стой! Врача на позицию!**

«Будем жить Бача!»

Матвей ты живой? А куда я денусь! Оглушило только малость! Командир группы специального назначения Матвеев и командир шестой роты Валера Петрович лежали в арыке. Минуту назад, взрыв минометной мины заставил их "принять позу для переползания". Кто по нам шпарит? Матвей

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

ты что оглох? Матвеев приходил в себя. Он окинул взглядом группу, которая залегла и напряженно ждала команд командира. "Семнадцатые" я "Семнадцатый", вправо изгиб арыка, далее зеленая роща. Сбор там. Я и управление прикрываем. Перебежками вперед. Группа слева и справа броском выходила из под огня душманов. Редкий огонь из автоматов, напоминал, что они видят группу. Матвеев, снайпер Гена Птиченко, пулеметчик Рашид Шарипов и командир первого отделения Сережа Гладков периодически огнем прочесывали, заросли винограда, где как предполагал Матвеев и укрылся противник.

Матвеев, вызвал на связь Петровича. Валера, как только группа соберется в указанном районе, дай мне знать. Валера Петрович, командир роты тыла. Утром когда, группа Матвеева готовилась к выходу, спросился, с согласия комбата, участвовать в выходе. Как он выразился, разогнать лень и тоску. Выход был, самым обыденным. Необходимо было проверить датчики разведывательно - сигнализационной аппаратуры. При необходимости, уточнить координаты пристрелянных участков местности для артиллерии.

Матвей! Группа в сборе! Мне здесь не нравится. Виноградник редкий. Далее метров 500 есть укрытие. Разрушенный дом. Добро Валера! Отводи группу туда. Я сейчас переберусь к вам. Матвеев выпустил хорошую очередь из автомата. Ну, славяне! За мной! Петляя, залегая и снова вскакивая, группа, руководимая Матвеевым, перебежала в рощу. Основного состава группы не было. Петрович увел, подумал Матвеев. В это время, звук, напоминающий полет шмеля, заставил Матвеева и его маленькую группу залечь. Из ДШК шпалят, процедил Гладков. До разрушенного дома метров 500. Ну что? Вперед! Петляя, группа, с нарастающим ускорением вырвалась из рощи. Ой! Это Шарипов. Солдат упал и снова начал подниматься. С левого рукава фонтанчиком билась красная струя. Гладков не останавливаться. Вперед! Матвеев подхватил Шарипова. Мастер спорта по дзюдо, великан Шарипов, сейчас был как младенец. Боль от

Амангельды Жантасов

ранения сделала его тело не управляемым. Пулемет, зажаты в правой руке, мешал ему и Матвееву двигаться. Духи, по всей видимости, это поняли и пули стали чаще и ближе ложиться возле них. Рашид держись! Матвеев плечом подталкивал Шарипова. Вот и спасительный дувал. Упав за стенку, Матвеев, увидел, что на встречу ему движется Петрович и Гладков. Они забрали Шарипова и унесли его в глубь здания. Матвеев медленно приводил дыхание в порядок. Ну что, как дела? Командиры отделений докладывали ему по очереди. Двое ранены, рядовой Ананьев тяжело. Петрович, а мы кажется, влипли! Матвеев в бинокль наблюдал за местностью. Если я все правильно понимаю, мы напоролась на дозор духов. Они не уходят, значит к ним кто - то должен подойти. Будем докладывать комбату. "Нулевой", я "Семнадцатый" прием. Радиостанция шипела и булькала. "Нулевой", я "Семнадцатый" ответь! Месяц назад по команде с верха радиостанции р-392 были заменены на р-148, которые при отсутствии прямой видимости отказывали, и связь не обеспечивали. На площадке возле дома разорвались две мины. Это пристрелка подумал Матвеев. Пули духов все, чаще стали залетать во двор дома. Но движения Матвеев не наблюдал. Командир! Сзади дома! Духи! Матвеев перебежал к окну и практически сразу увидел силуэты перебегающих людей. Пулеметчики открыли огонь и они залегли. По всей видимости, решили взять в плен, с тревогой подумал Матвеев. Связь с комбатом, во что бы то не стало. Сержант Приходько ко мне! Саша Приходько, заместитель командира группы, замер в ожидании. Найди место на возвышенности! Связь с комбатом! Доложи ситуацию! Наши координаты! Нужна помощь! Вой и взрыв мины заставили Приходько и Матвеева наклониться! Вперед Саша! Без связи нам хана! Огонь по зданию велся уже с трех сторон. Бережь патроны! Стрелять одиночными и только на поражение! Противник контролировал, казалось все пространство.

Так потихоньку, перестреляют всех! Группа отвечала на стрельбу духов редким огнем. И вдруг плотность огня

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

со стороны противника стала нарастать. Подошли дополнительные силы, про себя отметил Матвеев. Товарищ лейтенант, есть связь! Я все передал комбату! Первая рота идет к нам! Будет через минут сорок! Приходько кубарем скатился в комнату дома! Я доложил товарищ лейтенант! И только сейчас, Матвеев заметил кровь на левой голени сержанта. Он был ранен осколком от мины еще тогда, когда ему ставилась задача на установление связи. Матвеев позвал Костю Кириленко, санитаря. Сделай ему перевязку. Спасибо тебе Саша! Аллах Акбар! Духи, под прикрытием бешеного огня попытались ворваться в дом. Но напоролись на огонь пулеметов, откатились назад. Пулеметы были гордостью Матвеева. Если в пехоте был один пулемет РПК на взвод, то у него в группе было три ПКМ. Пулеметчиков он подбирал сам. Сам их и обучал. И вот сейчас эти пулеметы держали на почтительном расстоянии свору духов готовых ворваться и растерзать его и его солдат! Снова вой и разрывы мин. Хорошо, что глиняные дувалы не пробиваются осколками, а то его группе не позавидовать! Командиры отделений докладывают об истощении патронов. Беречь патроны! Это приказ! Наши уже идут на помощь! Матвей! Это Петрович. Дай мне пять солдат и штук десять "Мух". Я засяду возле дувала! Как только они подойдут, я залпом, одновременно ударю по ним. Каждый солдат в группе носил "Муху". Эта карманная артиллерия, не раз выручала их в бою. Петрович и пять солдат затаились у дувала. Огонь со стороны духов снова стал нарастать. И вот черные тени практически подошли к дувалу. Залп! Взрывы! Вой душманов! Петрович нанес им свой подготовленный удар! В наушнике радиостанции вдруг прекратился шум! "Семнадцатый" я "Десятый" слышу бой. Обозначь себя! Матвеев произвел выстрел из сигнальной "авторучки" красной ракетой в зенит! Вижу тебя! Держись! Залп! Это Петрович со своей командой нанес второй удар по духам! Командир! Это Гена Птиченко, Лицо в крови. Взрыв мины по касательной задел ему голову. Командир там наши! Колона, которую вел

Амангельды Жантасов

командир роты Талай Шатемиров, выходила из за арыка! Все к дувалу! Огонь! Патронов не жалеть! Через пять минут бой был окончен. Талай подошел к Матвееву. Ну что? Будем жить Бача!

Организовали отход. Вынесли раненных! Как оказалось группа Матвеева нарвалась на передовую часть отряда душманов Ахмат Шаха Масуда, которые пытались перекрыть дорогу Анава – Гульбахор. Против восемнадцати спецназовцев, вели бой около ста душманов! Дорогу они так и не перекрыли. Но с тех пор Матвеева стали подначивать, что он с ротой тыла сорвал все планы духов! А в первой роте, первый тост провозглашался: “Будем жить Бача”!

«Я, тридцатый! Иду на помощь!»

С первыми лучами солнца, лейтенант поднимался и выходил на пробежку. Маршрут вокруг лагеря, где стояли его боевые машины десанта на боевом дежурстве, равнялся приблизительно трем километрам. Пробегая мимо позиций, Матвеев видел, как экипажи несут службу, при необходимости останавливались и вызывал кого-нибудь из сержантов, чтобы заслушать их доклады и просьбы. Пробежка заканчивалась возле водовода, где лейтенант принимал душ и возвращался в расположение. Так, и эти утром, Матвеев совершив свой ритуал, прибежал в распоряжение роты! Дежурный по роте, сержант Приходько Саша, доложил: “Товарищ лейтенант, Вас срочно вызывает командир отряда!” Матвеев, быстро одел форму и отправился в расположение штаба отряда! Штаб отряда располагался в старой, глиняной крепости. Вход в крепость охраняли солдаты его роты, из группы лейтенанта Богдашкина Андрея. При входе, дежурный показал пальцем на окно командира отряда и быстро задвигал руками, подтверждая срочность вызова. Матвеев быстро вбежал по глиняным ступенькам в кабинет командира отряда. Товарищ подполковник! Лейтенант Матвеев Садись. Это командир отряда прервал

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

рапорт лейтенанта. Черненький от природы, и загоревший под солнцем Афгана, командир отряда получил прозвище “Кара майор”. Командир посмотрел на Матвеева, как будто изучал его. Ситуация такова! Пара вертолетов с Баграма, выполняла разведывательный полет над Базарак. Один из вертолетов при облете высот был сбит! Есть предположение, что экипаж живой! Из района предполагаемого падения вертолета слышны звуки боя. Подразделения 37 пехотной бригады “зеленых” удерживают дорогу на Базарак и контролируют ущелье на Мариштан. Позывные! Советника 37 бригады “Волга”, командира вертолета “Четыре полсотни пять” или “Рыжий”. Приказываю тремя группами вашей роты, выдвинутся в район падения вертолета, и эвакуировать экипаж. Поддержат вас, подразделения 37 бригады и пара вертолетов по вызову. Ну, давай Матвей! И пусть тебе повезет! Комбат пожал руку лейтенанту. Матвеев вышел из кабинета и направился к дежурному по ЦБУ. Подойдя к дежурному, он попросил его, выйти по радио на третью роту и дать ей сигнал тревоги. Дежурный одел гарнитуру и передал в эфир: “Ракит! Я 830! Буря! Буря! Как понял прием!”

Матвеев двигаясь в расположение роты, наблюдал, как БМД покидали капониры, солдаты, уже одетые, маленьким колоннами бежали к своим машинам. Рота Матвеева находилась в Афганистане, уже больше года. Военные будни научили офицеров, солдат, не спрашивая, не уточняя, выходить по тревоге экипированными и укомплектованными на трое-четверо суток автономных действий. Лейтенант подошел к своей машине, БМП-2к! Девять БМД и одна БМП, БТР саперов, застыли в ожидании команды! Командиры машин ко мне! Прибыли командиры групп и отделений! Матвеев коротко поставил задачу, указал порядок выдвижения колонны. Машина командира роты под № 30 выдвигается за машиной № 33! Возглавляет колонну БТР с саперами разведчиками. Колонна, дымя моторами, вытянулась в сторону Базарак. Матвеев, сидя на своем командирском месте, пытался

Амангельды Жантасов

установить связь с советником, и экипажем вертолета. Я "Волга" – слышу тебя "Тридцатый". При входе в кишлак, будь осторожен! Возможно минирование! При установлении визуального контакта вышлю посыльного! "Четыре полсотни пять", я "Тридцатый"! Прием! Иду на помощь! Экипаж вертолета не отвечал. Пара вертолетов, висела в синеве неба! "Тридцатый" я "Четыре полсотни восемь"! Наблюдаю сбитый вертолет! Идет бой! "Рыжий" не отвечает! "Четыре полсотни восемь"! Нанеси удары по предполагаемым участкам духов. Вертушки легли на боевой курс. С шипеньем НУРСЫ ушли к земле!

"Рыжий" я "Тридцатый"! Иду на помощь! В гарнитуре, что то щелкнуло, и Матвей услышал: « Я "Рыжий", веду бой. У меня один "трехсотый"! Вертушки вижю. Не могу с ними связаться. Патронов хватит на тридцать - сорок минут! "Рыжий" я "Тридцатый"! Тебя понял. Иду на помощь! Колонна остановилась. Это саперы разведчики спешили и под прикрытием брони БТР, оцупывая землю щупами, медленно начали двигаться по дороге, ведущей в кишлак. "Тридцатый" я "Волга", вижю тебя! Сейчас вышлю к тебе проводника.

Взрыв, ослепил лейтенанта Матвеева! Грохот, жар, гарь и град камней обрушился на его боевую машину! Прикрывшись люком командирской башенки, он в свой командирский прибор пытался рассмотреть то, что происходило на дороге.

Машины № 33 на дороге не было! Вместо нее на дороге зияла воронка, диаметром более двух метров! Товарищ лейтенант! Смотрите! Это наводчик оператор – Слава Литвинов. Матвеев повернул голову в том направлении, куда указывал Литвинов. БМД стояла посреди реки Пандшер. Тридцать первые! К машине! Оказать помощь! "Тридцать четвертый"! Вперед! Колонна, объезжая воронку и остановившиеся машины медленно двинулась вглубь кишлака! В голове у Матвеева стучала одна мысль! Господи! Сделай так, что бы экипаж машины остался в живых!

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

У полуразрушенной мечети, колонну встретил переводчик советника! Забравшись на головную машину, он повел колонну вдоль берега реки Пандшер.

Зарывшись в песок, по самые защитные щиты, расположилась артиллерийская батарея гаубиц. Советник стоял на бруствере! Матвеев прыгнул с машины, подошел к брустверу! Майор Шубин! Юра Шубин! Советник был одет в афганскую форму, но все равно это был свой, родной, советский человек.

Анатолий! Представился Матвеев. Смотри Анатолий! Вот там за скатами, идет дым. Это место падения вертолета. Туда идет тропа! Но мои "зеленые" контролируют только первые двести метров! Дальше работает снайпер духов! Сколько их я не знаю. Могу вас поддержать огнем батареи! Давай карту! Вот основное направление. Это мои цели! Они пристреляны! Переноси себе.

Командир! Куда машины будем ставить? Это заместитель по технической части, Сергей Литвиненко. Серега, что передает "Тридцать первый"? Эх! Сергей, как то сник. У нас один двухсотый - Саша Шишкин, и два трехсотых - Кайрат Сулейманов и Николай Еришов. Я приказал! Машину уничтожить до конца. Хорошо! Матвеев произнес эту фразу, как то машинально, сердце трепетало в груди, вызывая спазмы горла. Хотелось разрыдаться! Серега передай, Андрею Богдашкину, "Тридцать первому", следовать в расположение отряда. Оказать помощь раненым. Быть в готовности по команде выдвинутся к нам. Машины расположи за батареей. Наводчики операторы находятся у орудий в готовности к открытию огня. Бронегруппой командуешь ты.

Две группы и группа управления уже спешили и выстроили колонну для следования к месту падения вертолета. "Тридцатый" я "Рыжий". Ребята у нас два раненых! Патроны на исходе! Быстрее родные!

"Рыжий" я "Тридцатый"! Тебя понял. Иду на помощь! Колона начала движение. Этот этап, у спецназовцев, назывался оторваться от подошвы горы. Движение затрудня-

Амангельды Жантасов

ло то, что разведчики саперы, то и дело останавливались и проверяли местность на наличие мин. В небе повисли две вертушки. "Тридцатый" я "Четыре полсотни восемь"! Вижу духов! Подходят к сбитой вертушке. Я "Тридцатый"! Уничтожай самостоятельно! Дозор, следовавший впереди колонны, упал и спрятался за камнями. Снайпер, догадался Матвеев. "Волга" я "Тридцатый"! Работает снайпер! По оговоренным целям "Огонь!" Внизу рывкнули гаубицы, и снаряды с шипением умчались за скаты высоты. Нужно прикрыться, разрывами и броском выйти к вертолету, решил Матвеев.

Рота, перекатами, прикрываясь разрывами снарядов, вышла на каменную гряду. Под ней, на небольшой площадке, лежал и горел вертолет. Метров двести от него, в камнях угадывались силуэты экипажа. Они обозначали себя короткими вспышками выстрелов. Вверху, по карнизу размещалось, до тридцати духов. Еще около десяти, пятнадцати находились уже у вертолета. "Четыре полсотни восемь" я "Тридцатый"! Направление удара, ракета красного огня. Карниз, там, где то тридцать духов. Матвей прицелился и выстрелил из "авторучки" в направлении карниза. Я "Четыре полсотни восемь" целеуказание принял. Пулеметчикам в направлении вертолета, группа духов! Уничтожить. Пулеметы, а их в роте было восемнадцать штук, были гордостью Матвеева. Тяжелые ротные пулеметы (ПКМ) требовали от пулеметчиков сноровки и силы. На эти должности он сам подбирал разведчиков, сам их и обучал. Вот и сейчас по его команде, они открыли всё уничтожающий огонь. Вертолеты, сделав круг, с кряканьем и шипением нанесли удар по карнизу. Грохот, визг, и самое главное, крик ужаса духов. Матвеев со своей группой управления броском вышел к экипажу вертолета. Навстречу ему поднимались два летчика в камуфляже. Двое лежали, не в силах встать. Один из летчиков был без шлема, на голове его красовалась красно-рыжая шевелюра. Ну вот "Рыжий", я и пришел, сказал Матвеев. Быстро соорудив с помощью плащ пала-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

ток, носилки разведчики начали эвакуацию раненых. Под прикрытием ударов вертолетов и сосредоточенного огня пулеметов, раненные были вынесены к бронегруппе. МИ-8 под прикрытием своего собрата в небе, приземлился и забрал экипаж на борт. Обдав всех песком и пылью помчался он в Баграм, унося "Рыжего" и его экипаж. Матвеев одел, шлемофон, нажал тангенту и послал в эфир: «Я "Тридцатый" задачу выполнил. Возвращаюсь».

«Позвоните в Москву!»

Командир тебя в штаб! Зачем? Придешь, узнаешь. Это, Серега Силаев, заместитель командира отряда по ВДС. Старший лейтенант Матвеев нехотя поднялся со стула. Я ведь утром разговаривал с комбатом. Доложил ему, что буду заниматься пристрелкой БМП-2.

Быстрым шагом, перескакивая через лужи, Матвеев направился к полуразрушенному зданию, где располагался штаб. При входе солдат, несший службу по охране входа, отдал приветствие. Где комбат? Комбат в шестой роте. Здесь начальник штаба. Начальник штаба, майор Джунушев Аскер, находился в своем кабинете. Разрешите товарищ майор! Старший лейтенант Матвеев по вашему приказанию прибыл! Джунушев молча кивнул на стул. Матвеев сел. -Ну что Матвей. Твоя рота поступает в распоряжение Ахмат Шаха Масуда. Толик чуть не грохнулся со стула. Не понял. Это что еще за новости. Ты на переговорах был? Был. Обстановку знаешь. Мы получили задачу сдать населенный пункт Руха Ахмат Шаху. Сами уйдем в Гульбахор. Перед уходом необходимо разминировать местность и передать ее духам. Слава Селютин, начальник инженерной службы, со своими кротами будет вести разминирование, а ты его охранять.

Толик Матвеев со своей ротой обеспечивал, переговоры которые вели светские представители с Ахмат Шахом, пытаясь склонить его на сотрудничество. В результате этих

Амангельды Жантасов

переговоров, Ахмат Шах прекратил боевые действия. И вот, по общей договоренности, отряд Матвеева уходил, оставляя ущелье Пандшер. Матвеев вспомнил, как на последней встрече, группа вооруженных духов, подошла к его машине и предложила попить чай. Попивая чай, разговор шел о жизни. Вдруг один из духов сказал, что он знает Матвеева. Откуда? Поинтересовался он. Я два раза стрел в тебя. Но оба раза промазал. Как доказательство он показал разукрашенную заклепками СВД с оптическим прицелом. Матвеев вспомнил, что действительно недели две назад, когда он умывался, две пули, пролетевшие рядом, надолго отбили охоту обливаться водой у горного ручья. Но слава Аллаху, что не попал, закончил рассказ дух.

Так вот, завершил свой монолог начальник штаба, ты и твоя рота, Слава Селютин и инженерный взвод осуществляют разминирование и передаете территорию представителям Ахмат Шаха. Насчет подчиненности я пошутил. Ты старший. Обеспечиваешь производство работ. И запомни никаких случайностей. В 12 часов придут представители Ахмат Шаха. Теперь иди и думай, как будешь организовывать работы.

Матвеев зашел в инженерную службу. Капитан Селютин Слава, признанный авторитет по осуществлению инженерной разведки и обезвреживанию мин, сидел уткнувшись в карту. А Матвей! Толик, черт знает что. Я никак не могу разобраться. Минные поля здесь ставили все кому не лень. Красные, синие, зеленые. Мин наштапковано как огурцов в бочке. Привязки нет. Схем нет. Погода ни к черту. Зимний дождь размыл почву. Слава мог еще долго чертыхаться. По этой части он был достаточно большим мастером. Короче Матвей! Будем работать почти в слепую. Сколько человек ты сможешь вставить! Пехоты человек 60 будет. Моих 25. Мои будут искать, обезвреживать, а твои осуществлять подсобные работы. С собой возьмем и собак. Всех!

В 12 часов, Матвеев, Селютин, были в кабинете комбата. Незнакомый полковник, представил им двух духов одетых в

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

американский камуфлированный костюм. Это специалисты Ахмат Шаха. Махмуд и Исмаил. С ними вы будете решать все возникшие вопросы. Они подготовили своих саперов для производства разминирования. Эти саперы готовы приступить к работам. Селютин вопросы есть? Это комбат. Вопросов нет. Все свободны. Матвеев остаться. Слушай Анатолий. Главная задача. Сберечь людей. Ни каких неожиданностей. Если поваляются проблемы, работы прекращать. Связь со мной каждый час. Дежурная связь постоянно. Вооружение штатное. Давай и пусть тебе везет. Комбат, Керимбаев Борис, крепко пожал руку Матвееву.

Рота и взвод саперов стояли возле штаба. Рядом, пытаясь, подразжать воинскому подразделению, стояли около 30 человек духов. Одеты они были в камуфляж, на головах шапочки, напоминающие два сложенных блина. В руках щупы, веревки, лопаты. Слава разбил саперов на группы. Группа поиска. Группа обезвреживания и уничтожения мин. Группа обеспечения. Матвеев, руководствуясь согласованным с комбатом и представителями Ахмат Шаха планом, довел порядок выдвижения и районы производства работ. Переводчик быстро довел сказанное до группы саперов Ахмат Шаха. Первым районом производства работ определен населенный пункт Базарак. Река Пандшер, здесь делала петлю, и излучина напоминала огромный песчаный пляж. Так вот этот пляж и был нашпигованный минами. Впереди ведя собак, двигалась группа саперов – разведчиков, за ними группа, вооруженная миноискателями, за ними группа со щупами. Замыкала эту колонну группа из состава роты Матвеева. Две группы, под руководством командиров групп Андрея Богдашкина и Виктора Вельбоева, двигались по высотам параллельно маршруту поиска. Погода испортилась, ветер, временами моросил мелкий дождь. Собаки временами останавливались, и делали стойку. К ним сразу же устремлялись саперы с миноискателями и щупами. Через три часа было извлечено около тридцати мин, советского и итальянского производства. Слава Селютин объявил тридцати минутный

Амангельды Жантасов

отдых. Группы разместились то там, то здесь. Разожгли маленькие костры, на которых духи кипятили чай. Сам по себе разговор свелся к минам. Какие мины лучше, хуже. Анатолий поинтересовался у духов, что они думаю по этому поводу. Ответ, его ошарашил. Пожилой, бородатый мужчина, с чувством собственного достоинства, объяснил, что все советское вооружение лучшее. Оно, как он знает по практике, никогда его не подводило. Они всегда стараются получить мины советского производства. Они просты в установке и очень эффективны по мощности. Он советскими минами, лично подорвал три бронированных машины советских.

То что дух просто и обыденно рассказывает им, вчерашним противникам, про свои успехи, как то не воспринималось. Это ведь наши потери. Дальнейшее рассуждения духа вообще привели Матвеева в замешательство. Они, духи, воюют за свою землю, за свою свободу. Пусть он беден, но он свободен. Русские хорошие солдаты. Они храбро воюют. Но Афганистан завоевать нельзя. Его можно, купить, но у Советского Союза нет таких денег, чтобы купить Афганистан. Помогите нам разминировать Пандшер и уходите домой, а то ваши матери будут Вас оплакивать. Произнеся это, бородатый дух замолк, и медленно продолжал пить чай.

Кончай отдых. Продолжить работы. Группы вышли на свои тропе. Одна из собак сделала стойку на дороге. Слава Селютин подошел к собаководжатоу и приказал ему отойти. Медленно прощупывая землю щупом, он остановился, опустил на колени и принялся разгрести землю. Фугас! Самодельный! Все отойти! Будем уничтожать! В это время к нему подошел один из представителей Ахмат Шаха и через переводчика стал что то говорить. Матвеев подошел к Селютину. Что он хочет! Один из его людей автор этого фугаса. Он хочет его обезвредить сам. Слава, зачем нам это надо, рванем и продолжим работу. Матвеев ощущал, какую то тревогу. Но Махмуд, быстро что то говорил тому самому бородатому духу с которым разговаривал на перерыве

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Матвеев. Это он. Он сейчас обезвредит этот фугас. Матвей, пускай поработает. Слава встал. Передал щуп солдату. Все в укрытие! Матвеев по радиостанции продублировал команду своим группам. Дух склонившись на фугасом, что то делал. Слава комментировал его действия. Фугас стоит на неизвлекаемости. Они, как правило, через тросик, страхуют его гранатой или просто зарядом.

Что он делает! Слава почти орал. Дух попытался поднять заряд. В это же время раздался взрыв. Пахнуло жарой и запахом гари. С небес на землю посыпались груды камней. Матвей про себя подумал, как бы духи не открыли огонь по его бойцам. Там где несколько минут назад находился человек, теперь зияла воронка и окровавленное пятно ничем не напоминающее тело. Тишина повисла такая, что слышно было шуршание осыпавшихся камней. Нарушил молчание Исмаил. Аллах ему судья. На все воля Аллаха. Духи расстелили плащ палатку и стали складывать в нее то, что осталось от их товарища. На их лицах светилась, какая то торжественность, даже отрешенность. Он уже в садах Аллаха! Он погиб за веру и свободу!

Дождь усилился и перешел в ливень. Слава скомандовал. Всем стой!. На сегодня заканчиваем работы! В такой дождь мы работать не можем! Махмуд подошел к Матвееву: "Командор Саиб! Позвони в Москву, пусть остановят дождь". И тут Матвеев понял. Свободолюбивый, храбрый Махмуд верит, что русским все под силу. Воевать, разминировать и даже дождь остановить. У русских все лучше, у них все есть. Ему самому захотелось поверить в это!

Амангельды Жантасов

Список офицеров и прапорщиков отряда по занимаемым должностям в период с января 1980 по октябрь 1983 года

Управление:

Командир отряда – Керимбаев Борис Туkenович

Первый заместитель командира – Бексултанов Нарын (ранен), Бекбоев Мэлс .

Заместитель по политической части – Емельянов Владимир Михайлович (снят с должности перед вводом в ДРА), Муратов Мухтар Зиятдинович.

Начальник штаба – Джунушев Галиаскер (замена в Союз в августе 1983г.), Дубина Сергей (ранен).

Заместитель по технической части – Фадеев Сергей Николаевич.

Заместитель по тылу – Мухитдинов Хамид Саидович (ранен).

Начальник разведки - Жасузаков Сакен Адильханович

Помощник НШ – начальник строевой части – Алиев Владимир.

Секретарь партийного бюро – Турманкулов Бахыт (переведен в Отар до ввода в ДРА), Ильинский Сергей.

Секретарь комсомольской организации – Джуматаев Эркин (ранен).

Начальники служб:

Начальник вещевого и прод. службы – Амелин Михаил

Начальник инженерной службы – Селютин Сергей

Начальник финансовой службы - Куанов

Начальник службы ракетно - артиллерийского вооружения – Соловьев.

Начальник воздушно-десантной службы – Мартынов Сергей (назначен командиром 2 роты, ранен), Силаев

1-я рота специального назначения

Командир - Шатемиров Талай

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Заместитель по политической части - Батуев Бато Минбаевич (убит)

Заместитель по технической части - Литвиненко Сергей

Старшина роты - Пильганский Николай

Командиры групп:

1 гр. - Агзамов Алишер/Алик/

2 гр. - Усенов Мирбек/Миша/, Ломанов Геннадий

3 гр. - Айдаров Тагир(переведен во 2 роту), Матвийчук Анатолий

2-я рота специального назначения

Командир - Смаилов Сейлхан Алпысбаевич(ранен), Ахметов Калибек Газизович(убит), Радчиков Валерий(ранен), Мартынов Сергей(ранен), Радчиков Валерий(вновь назначен после возвращения из госпиталя)

Заместитель по политической части - Жантасов Амангельды Темиржанович

Заместитель по технической части - Шадрин Василий

Старшина роты - Тохтаунов Нурдун

Командиры групп:

1 гр. - Ахметов Калибек(назначен командиром роты), Усенов Мирбек.

2 гр. - Жатакпаев Бахытжан

3 гр. - Джуматаев Эркин(избран комсоргом отряда), Айдаров Тагир.

3-я парашютно-десантная рота

Командир - Бекбоев Мэлс(назначен заместителем командира отряда), Матвийчук Анатолий Александрович.

Заместитель по политической части-Смагулов Марат

(заменен по ранению), Вельбоев Виктор

Заместитель по технической части - Кулбаев Гафур

Старшина роты – Левкович Геннадий

Командиры групп:

1 гр. - Махашев Сергей(переведен с повышением), Егiazаров Игорь

Амангельды Жантасов

2 гр. - Мереддурдыев Ринат

3 гр. - Дюсекеев Мукан(переведен в 4 роту), Богдашкин Андрей

4-я гранатометная рота

Командир – Ажибаев(заменен перед вводом в ДРА), Куманьев Яков

Заместитель по политической части - Асипов Ишен(заменен перед вводом в ДРА), Сивин Владимир

Командиры групп:

1 гр. - Аюбаев Жумабек(ранен), Бегимбетов Кенесбек

2 гр. - Оразалиев Хурсанали(убит)

3 гр. - Дюсекеев Мукан.

5-я инженерно-огнеметная рота

Командир - Заворотный Анатолий

Заместитель по политической части - Скотченко Александр

Заместитель по технической части - Попов С.

Старшина роты - Бубенцов Александр

Командиры групп:

минирования - Ярмухамедов Ильдус;

огнеметной - Березин Владимир Юрьевич(погиб);

6-я транспортная рота

Командир - Петрович Валерий

Заместитель по политической части - Жантасов Амангельды Темиржанович (переведен во 2 роту), Уажанов Серик

Командиры автомобильных взводов:

Кравченко Александр

Масленников Константин

Командир взвода материального обеспечения- сержант срочной службы

Группа ЗСУ 23-4(зенитно-артиллерийская группа)

Командир - Волков Николай

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

Начальник лаборатории - Матвеев Валерий

Техник – Яшкин Яков

Группа связи

Командир – Козич Владимир

*Зам.командира группы- начальник радиостанции - Са-
винков Владимир*

Медико-санитарная часть:

Начальник – Рахманкулов

Врач-хирург – Утеев Асылхан

Врач-анестезиолог – Ниякин Сергей

Начальник аптеки – Усенов Нурбек

Секретная часть – Мирошниченко

Начальники складов:

- вооружения – Чечулин Валера

- склада ГСМ – Булатов Роберт

- вещевого – Лысов

- продовольственного – Бокун Алексей

Начальник столовой – Лукьянов Евгений Петрович

Из поэтической тетради

Амангельды Жантасов

Рассказ о том, как мы однажды сопровождали колонну

Надрывно гудя, завывая,
Колесами грязь меся,
Колонна Камазов большая
В зеленую зону вошла.
И тут тишину разорвало,
Наполнился криком эфир:
«Бекбоева в клещи зажали!
Гранатой Нарын подбит!»
Прострелен из «Бура»* Смаилов,
Кровью залита броня.
«Там трудно ребятам..., вертушки»
Просил он в сознание придя.
И Яшу - комроты четыре,
Вывел из строя душман,
Когда подорвали машину
Осколок в него попал.
Убит пулеметчик Давыдов,
Пуля под сердцем прошла.
Стонет в машине Туаев -
Насквозь пробита нога.
Грохотом, стоном и свистом
Полон кишлак под горой.
«Ребята, держитесь, держитесь!»
Командует нам «нулевой».*
Бой был там жуткий и скорый,
Всего лишь тридцать минут,
Но сколько страданий и горя
Схватки такие несут...
Один потерял там два пальца,
Другому - всю кисть унесло.
Шесть было еще там тяжелых,

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

А трое - навек полегло.
Надрывно гудя завывая,
Колесами грязь меся,
Колонна «Камазов» большая
На базу отряда пришла

Афганистан. 4.12.1981г.

*«Бур» - 7.62 мм английская винтовка старого образца.
*«Нулевой» - позывной командира отряда

Если друг, ты такого не видел...

Ох и чудный вечер, друзья,
И никак нам грустить нельзя,
Что сегодня вот такое застолье,
А с рассветом снова война.

И снова разрывы снарядов,
Свист пуль и предсмертный вскрик...
Если друг, ты такого не видел,
Хоть представь ты все это на миг.

А пока, веселитесь ребята,
Пусть душманы боятся, а нам
Не к лицу офицерам спецназа
Грусть пускать к своим сердцам.

Знаем мы, что все это не вечно,
Пишем письма, замены все ждем,
Ну, а если вперед нам прикажут,
В час любой мы в опасность шагнем.

И снова разрывы снарядов,
Свист пуль и предсмертный вскрик,
Если друг, ты такого не видел,
Хоть представь ты все это на миг.

1981 г. ДРА. Меймене, Рахматабад

Женщинам Востока

О, женщины Востока!
Когда увижу ваши лица,
Когда вы миру покажете глаза?
Как тень веков, безжалостных и диких,
Ваш лик прекрасный скрывает паранджа.
Ведь чья-то дочь, кого-то ты жена,
А для кого – заветная мечта.
И неужели этим людям не понятно,
Как человека унижает паранджа!

1981г. Меймене

Борису Тукеновичу в день рождения

Сын казахских степей необъятных,
Внук седых Алатауских гор,
Как в былые века твои предки
Будь к врагам беспощаден и зол.

В твоем сердце пылает, мы знаем,
Исполинский, огромный пожар,
Тот который всегда согревает
В миг любой если воин устал.

Нам известно и то, что ты добрый,
Хоть порою бываешь и строг,
И за строгость твою не в обиде,
И не думаем, что это порок.

Мы все это сказали, Тукеныч,
Не затем чтобы Вас восхвалить,
А затем, чтоб с годами когда-то,
Не смогли б этих черт позабыть.

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

Тридцать четыре – это возраст мужчины,
Когда ум обретает холодный расчет.
Когда мудрость и смелость не спорят уж боле,
А об руку вместе ведут Вас вперед.

Вы старый вояка, наш друг командир,
И наказ офицерский наш прост,
Чтоб не было ран и всяких там дыр,
И не списаться в обоз.

Мы ныне сметаем с афганской земли
Всякую нечисть как сор,
Живите же долго и будьте сильны,
Наш уважаемый «Кара-майор»!

12.01.1982г. Меймене. ДРА

Не разлучный мой друг АКМ

Огрубевшей, усталой ладонью,
Ощущая стальной холодок,
Нежно глажу твой ствол вороненный,
Рукавом протираю цевье.

Ты давно уж не блещешь окраской,
Не шадит время даже металл,
От боев, что бывают так часто,
Видно, друг мой, и ты устал.

Но усталость твоя незаметна,
Также верно выводишь напев,
Так же метко, как когда-то мишени
Обрываешь ныне вражеский бег.

Выйдет срок, и наверно когда-то,
Мне придется носить лишь ПМ,

Но тебя буду помнить всегда я,
Неразлучный мой друг АКМ.

1981г. кишлак Файзабад. ДРА

Моему тестю фронтовику Исагулову Зейнулле

Орудийный окоп

Я сегодня вспомнил о Вас,
Ветеран мой, с седыми висками.
Тот, который был трижды отмечен
Осколками крупновской стали.

Против танков дрался когда-то
Не беря их количество в счет,
Окрыленный верой в победу
Орудийный Ваш расчет.

И я вспомнил об этом не просто,
Не на кресле с газеткой сидя,
А на гребне одной из высоток,
Что недавно рота взяла.

И лежал я укрывшись за камнем,
Низко сдвинув каску на лоб,
А напротив, с каменистого взгорка
Бил по роте, по нам пулемет.

И пройти оставалось не много,
Какихнибудь тристо шагов,
Но с фурчанием смерть летала
Покрывая испариной лоб.

Вот тогда-то и вспомнил о Вас я:
Перешагнув через пропасть годов,

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

В сорок третьем мы с Вами копали
Орудийный Ваш окоп.

А потом Вы к прицелу приникли,
В перекрестье «тигра» лоя,
Я снаряды таскал Вам с укрытия,
Заливало мне потом глаза...

В том бою мы крепко стояли,
Догорала вражья броня...
Я остался стоять на высоте,
А расчет Ваш к победе шагал.

Вот тогда-то меня захлестнуло,
Не страшны стали тристо шагов.
Я поднял свою роту в атаку,
А в глазах был Ваш тот окоп.

И я верю теперь бесспорно,
В связь времен, поколений, годов.
В час труднейший всегда мне поможет
Орудийный Ваш окоп.

Афганистан. 1982 г

Сыну

Я воюю в чужой стороне
Здесь не ради чинов и славы,
А затем, чтоб на нашей Земле
Счастьем лица людей сияли.
Тут, сынок, людям очень тяжело,
Беднота и забитость кругом,
Но и в этом сумраке властно
Зазвучал голос правды о том,
Что нельзя человеку мириться
С гнетом сильного над бедняком,

Амангельды Жантасов

Подставлять свою спину смиренно
Ожидая удара кнутом.
И когда нас позвали на помощь
От тиранов страну очищать,
Мы пришили, потому как привыкли
Бескорыстно в беде помогать
И я верю сынок, что с годами
Тут такую красу сотворят,
Зацветут все долины садами,
Каждый дом будет счастьем богат...
Но для этого надо бороться,
Лишь в борьбе побеждается зло,
Ты об этом, сынок, помни крепко,
И сражайся всегда за добро!

1982 ДРА. Дарзаб

Досым Бакыгжанға

Тау басында отыр едім
Рацияны шұқылап,
Кенет «Рулет»* кайдасың деп
Эфир кетті шуылдап.

Досым маған хабар айтты,
Қуанышымен бөлісті,
Сонау алыс елімізде
Туыпты бір нәресте.

«Бір фляжка спиртім бар,
Жуамыз, - деді ол, - Аман!»
Алыс сапар жүргенінде
Орындалды бір арман.

Табиғаттың заңыменен
Болды ана Табиғат.
Бұрын мама дегендерін

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

Енді эже аталад

Куанышына мен ортакпын,
Куанбайын мен неге,
Қарулас менің жолдасымды
Сәби туды Әке дер!

Афганистан. 1982ж.

* «Рулет»- рациямен сөйлесерде қолдануға маған
берілген лақап атау

Мои мечты

Грусть, тоска – не война примета,
Но у нас ведь тоже сердце есть,
Потому наверно на рассвете
Я проснулся с мыслью о тебе...
Я мечтал с закрытыми глазами,
Лежа на дощатом топчане,
Как пройдем по улице вдвоем мы,
Шумной и нарядной по весне.
Мы зайдем с тобой и в парк культуры,
Посидим на лавке под листвою,
И качели кинут в поднебесье,
Где парит мы будем лишь с тобой.
А потом заглянем мы в «Орбиту»,
Вспомним свадьбу, выпьем чуть вина
И хмельной от хлынушего счастья
Понесу тебя я на руках...
Вот о чем сегодня на рассвете,
Думая лишь только о тебе,
Я мечтал с закрытыми глазами
Лежа на дощатом топчане.
Но это все, любимая, лишь мысли,
Куда порой мечты нас не занесут,
Но ведь солдат всегда мечтать обязан,

Амангельды Жантасов

Чтобы тоска не сжала стиснув в круг.
И пусть мне тут бывает очень трудно,
И тысячи смертей нас стерегут,
Я все стерплю, пройду я все преграды
И ранним утром к тебе я подойду.
Я подойду к тебе и скажу – Здравствуй!
Вот и пришел я с полей войны...
И засмеешься ты счастливо и радостно,
И исполнятся все мои мечты.

1982 ДРА. Дарзаб

Моя рота

Рота, моя рота,
Вечная забота,
Сколько дней тревожных
Прожито с тобой...
То жена ворчала –
К роте ревновала,
А теперь и вовсе
День и ночь с тобой.
Брали перевалы,
Кровью побратались,
Молча стиснув зубы
Шли на смертный бой,
А порой бывало
Тихо чертыхаясь
Дни считали каждый –
Сколько же дёмой.
И знаю я , ребята,
Если час настанет
Снова за Отчизну принять где-то бой,

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

Встане мы все вместе,
Как поется в песне,
Твердой, нерушимой,
Крепкою стеной

1982г. ДРА. Дарзаб

То, что нужно бойцу

Посадите меня на лихого коня,
Дайте в руки клинок, чтоб рубить я им мог,
И помчусь я тогда во всю прыть скакуна,
И сломя, растопчу я любого врага!
Дайте мне вы сынов, тех что могут без слов,
Не страшась ничего в бой идти за народ,
Поведу их тогда я лавиной стальной,
И сломя, растопчу я любого врага!
Мне бы клич боевой, не простой, а такой,
Чтоб услышав его востепенулся любой,
Чтобы грозным он был, разжигал чтоб сердца,
И сломя, растопчу я любого врага!
Еще дайте вы мне отчий дом в стороне,
Где мальчишкой я был, первый раз полюбил,
Пуповины своей кровью землю кропил,
За нее я всегда поднимаюсь на врага!
Вот что надо друзья, чтоб всегда мы могли
Не жалея ни что в пекло схватки идти,
И в неравном бою смертью храбрых легли,
Чтоб бойца не сломить, храбрость в сердце нам влить.

1982 г. ДРА Дарзаб

Калибеку Ахметову

Мы военные люди, солдаты,
Нам привычна армейская жизнь,
Полигон, орудийного грома раскаты,
И дороги разбитые вдрызг.

К трескотне автоматов привыкли,
В мир смотреть через тримплексов щель,
И мгновенным нажатием пальца
Поражали учебную цель.

Ко всему мы казалось готовы,
Но поверьте без лишних мне слов,
Задохнулся в беззвучном рыдании увидев,
Оцинкованный товарища гроб.

И лежал он в усталом покое,
С горькой складкой на кончике губ,
С изуродованной правой ногою,
Влево голову слегка повернув.

А вокруг были слезы, рыдания.
Обессилел от горя отец.
И в сторонке стояла жена его,
Вспоминая его каждый жест.

А сынишка, Динар, карапузик,
Три годка ему этой весной,
И не знал, что вот с этой минуты,
Папы нет и он стал сиротой.

Тебя нет, Калибек, ты закончил,
Боевой свой и жизненный путь,
Ты прошел его честно и смело,
И назад нам тебя не вернуть.

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

Но клянемся тебе лишь в одном мы,
Что покуда мы в этой стране,
Будем бить их всех беспощадно,
Будь в горах он иль в кишлаке.

Спи спокойно, товарищ мой, ротный,
Пусть земля будет пухом тебе.
Ты отдал свою жизнь в суровой,
В беспощадной, но в нужной войне.

Старший лейтенант Ахметов Калибек Газизович, 31 декабря 1955 года рождения, командир 2 роты специального назначения 177-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ СССР, кавалер ордена Красной Звезды(посмертно), был тяжело ранен 12 мая 1982 года, скончался от ран 15 мая 1982 года в Кабульском госпитале. Похоронен на кладбище села Чекоман близ города Семей(Семипалатинск)

**Как у нас в уезде Чаквардак
(песня афганской девушки)**

Как у нас в уезде Чаквардак
Среди женщин шум и кавардак,
Из Кабула прибыл к нам отряд,
Под названием кодовым «Каскад».

«Каскадеров» я пошла смотреть,
И стояла скрывшись за мечеть,
Вдруг гляжу еще идет отряд
И забыла я совсем «Каскад».

Были парни все там хоть куда,
Темнокожи, черные глаза,
Все усаты были как один,
Как из сказки «Джин и Аладдин».

Амангельды Жинтасов

Мне сказали этот батальон
С Капчагая был к нам приведен,
Милосердный, праведный Аллах
Капчагайкам дал бесценный дар!

«Каскадеров» уважаю я,
Все блондины, синие глаза,
Но увидев этот вот отряд
Видно вовсе я сошла с ума.

У пророка был зятек Али,
Говорят был краше чем они,
Но милее мне того Али
Кареглазый ротный замполит.

Хоть и папа у меня душман,
Против русских точит ятаган,
За тебя мой милый замполит,
Я согласна на любой обман.

Буду Маркса честно изучать,
«Малу землю» как коран читать,
Но за все мой милый замполит,
Обещай меня ты полюбить!

БМП твой будет как гарем,
Что ты ешь, то и я поем,
Будешь жить ты как персидский шах,
Вразуми же, ты его Аллах!

Я теперь согласная на все,
Лишь бы быть с тобою день и ночь,
Если в рейды мне ходить нельзя,
Машинисткой взяли бы хотя.

1982 г. ДРА Руха

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

Соғысқа қарғыс

О, соғыс, мылқау надан, не істеп жүрсің?
Талай жас кыршынды алып жерге енгіздің.
Еніреп қалып жатыр арттарында,
Не деген қанға тоймас жауыз едің.

Аяу жоқ сенде тажал жалғызға да,
Шаласың сәбиі бар ананы да.
Бірде оқ, не болмаса жарықшақ боп
Өзегін қиясың-ау баланыңда.

Оңбаған, атың өшкір мүлдем едің,
Кезінде жеткізерміз бізде сенің
Қан сасып, шіріп кеткен көмейіңе
Адамзат әділеттік ақ семсерің.

Ауғанстан 1983 ж.

Ауғанстанда көргенім (елге жазған хат)

Ал енді дәм тарқан соң Ауған келдім,
Көп екен әлі өмірде көрмегенім.
Шетінен намаз оқып сиынса да,
Құдайым атқан екен осы жерді.

Баяғы бабаларым заманында
Естуші ем болған екен ағаш соқа,
Апырмай жағдайлары нашар екен
Жүр әлі жер тырналап сол соқамен.

Елімде үйреніп ем мен пойызға,
Ал мұнда есек жеккен баяғы арба,
Шикылдап таң сәриден кешке дейін
Базарға тезек тартад саудалауға.

Амангельды Жантасов

Үйлерін өздерінше там дейді екен,
Ішине кірген адам қам жейді екен,
Бес-алты көрпе жастық бар байлығы,
Кереует болса оны бай дейді екен.

Не керек азып-тозып жеткен халық,
Болмаған өмірінде еш-бір жарық.
Көргені ғасыр бойы тек құлшылық,
Алладан сұрауменен қолын жазып.

Бұл елдің жайын айтсам көп сөз болар,
Не керек одан әрі көп қазбалап,
Отаным қолдан келген бар көмегін
Жатыр ғой арба түгіл мың тонналап.

Сол көмек ең бастысы әскер берді,
Көп әскер бірі болып мен де келдім,
Таулы тас машақаты көп жер екен,
Талайды жатқызды ғой қара көрге.

Қан-төгіс көрдік қой біз талай шайқас,
Соғыстың бар қаһарын адам айтпас,
Өліммен жүз кездескен әрбір күні,
Жарықшақ, оқ дегенді санап жатпас.

Мақсаттың ең бастысы жауды жеңу,
Сонан соң аман-есен үйге келу,
Тағдырдың не боларын кім біліп тұр,
Арманым осы күзде елді көру.

1983ж. Ауган. Руха

Надежен ваш Щит и Меч!

Давно отгремели сраженья,
Но мир еще полон тревог,
Поэтому должен священный,
Я помнить свой воинский долг.

***Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)***

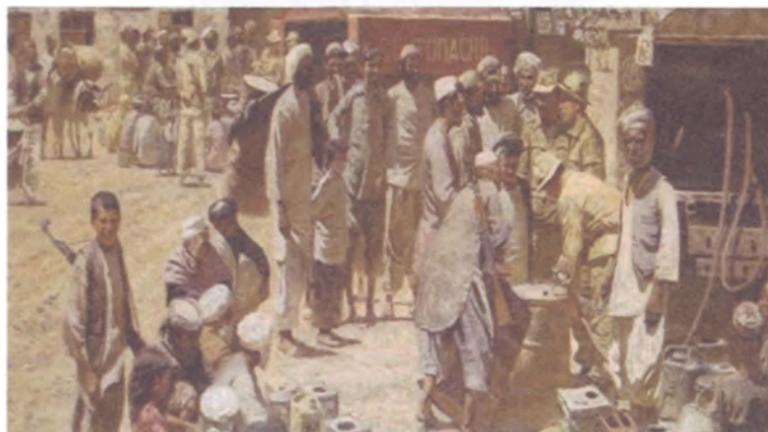
Я помню, что могут пролиться
Смертельным дождем облака,
И в пепел, в ничто превратиться
Ребенок с игрушкой в руках.

И долг наш солдатский извечный
От этих вас бед уберечь.
Трудитесь, живите, любите –
Надежен ваш щит и меч!

8.08.1984 год. Украина. г. Николаев

**Полковник Керимбаев Б. Т. с боевым знаменем 177-го
ООСпН**

Таким мы увидели Афганистан

**Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)**

Офицеры второй роты: А. Жантасов, Н. Тохтахунов,
В. Шадрин, Б. Жатакпаев, (г. Руха, 1982 год)

М. Атаев, Куанов, А. Джунушев, В. Матвеев, Б. Керимбаев

Офицеры отряда

Т. Айдаров, А. Утеев, Н. Усенов, М. Усенов, Рахманкулов

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Вторая рота. Стоящие слева А. Кобентаев, С. Кульжабаев

Боевые друзья. В центре сержант Шамиль Рахматулин

Сержант Пряхин Вячеслав из батальона сопровождения

А. Утеев оперирует раненого

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Хирург старший лейтенант Утеев А.А. (справа)
с медбратьями

Операционная автомашина санчасти

Оперирование бойца подорвавшегося на mine

Солдаты второй роты

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Бободжонов и Бахыт Такирбасов (в шлемофоне)

Группа бойцов и офицеров после вручения наград с командиром части в центре

Старший лейтенант М. Дюсекеев со своими солдатами.
Четвертая рота

Строительство казармы второй роты в г. Гульбахор

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Фото на память

Личный состав второй роты

Кавалер ордена
Красной Звезды,
сержант Шамиль
Рахматулин

Рахматулин, Кругликов,
Якиманский

Перед увольнением в запас

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Фото на память

Б. Жагакпаев бреет
А. Утеева

Капитан Радчиков

Вторая рота

Майор М. Муратов ставит задачу старшему лейтенанту А. Жантасову

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Слева направо: М. Атаев, Б. Керимбаев, Мухитдинов,
М. Амелин, С. Силаев, М. Бекбоев

Н. Усенов, А. Бокун, В. Савенков, С. Ниякин

Фото на память

Старший лейтенант Кенесбек Бегимбетов, четвертая рота

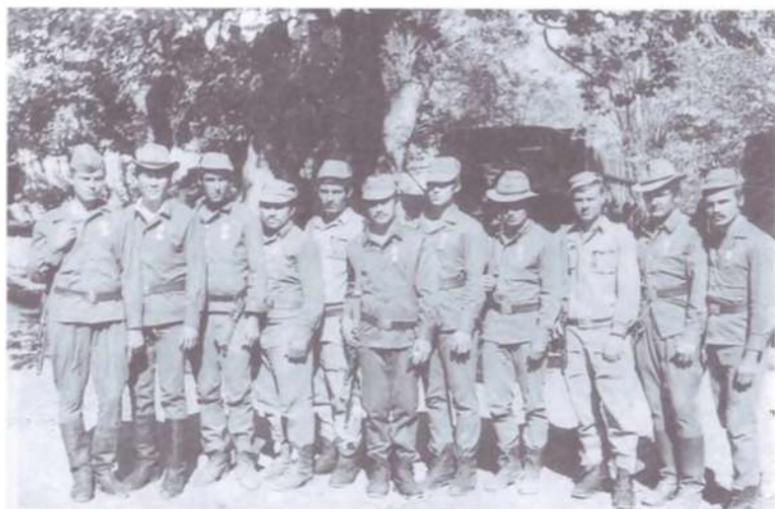
*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

А. Агзамов(первая рота), Куанов (начфин)
держит пачки «чеков»

Солдаты первой роты с ротным осликом

Солдаты после получения боевых наград

Группа на привале.

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Панджшер. Отряд на марше. Афганский сарбоз (солдат)

Керимбаев Б. Т. (в шапке без кокарды) с офицерами первой роты. Сидящий слева Николай Пильганский

Амангельды Жантасов, 1943 жылғы сурет.

Амангельды Жантасов, 1943 жылғы сурет.

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Подполковник Керимбаев Б. Т. вручает боевую награду

Офицеры отряда, крайний слева Э. Джуматаев,
второй справа С. Ильинский, со свертком С. Мартынов

Офицеры В. Шадрин, Т. Шатемиров, А. Матвийчук

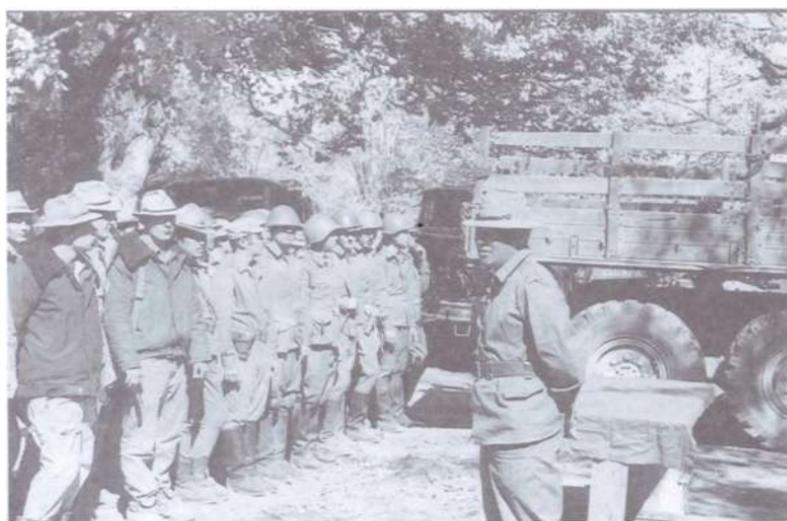

А. Бокун, Ф. Стройнов, Т. Шатемиров, Н. Тохтахунов

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

В тельняшке зампотех 3-ей роты Гафур Кулбаев

Борис Туkenович ставит задачу одному из подразделений

Отряд на марше. Керимбаев обходит стоящую колонну

Слева направо неизвестный боец, Кругликов, Якиманский

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Слева на право: А. Утеев, В. Петрович, К. Масленников

Отряд на марше

Подготовка техники к бою

Р.Мерездурдыев, С. Жасузаков, Б. Жатакпаев, В. Матвеев.

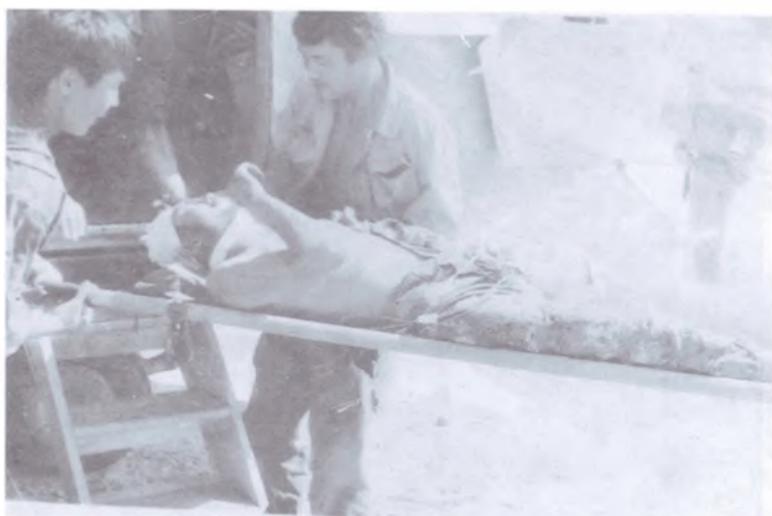
*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Группа на рейде

Бой в кишлаке

Раненого бойца загружают в вертолет

Старший лейтенант Жатакпаев с сержантом Корепановым

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Командир второй роты, капитан Мартынов С. с сентября 1982г. по март 1983г.

Зампотех второй роты, старший лейтенант Шадрин В.

Старшина второй роты, старший прапорщик Тохтахунов Н.

Командир первой группы, второй роты лейтенант Усенов М.

Командир второй группы, второй роты, старший лейтенант Жатакпаяв Б.

Командир третьей группы второй роты, старший лейтенант Айдаров Т.

Командиры групп второй роты

Офицеры второй роты:
Жатакпаев Б., Шадрин В., Смаилов С.

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

С.Ниякин, М. Дюсекеев, В. Радчиков, В. Алиев,
К. Масленников, Х. Оразалиев, Н. Тохтаунов

Крайний слева В. Козич, третий слева Уажанов

Офицеры Алишер Агзамов и Ильдус Ярмухамедов

Выносной пост от третьей роты на вершине горы
у города Гульбахор

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Ахметов Калибек
Газизович

Радчиков Валерий
Григорьевич

Вторая рота перед выходом на боевую операцию.
Крестиком отмечены погибшие на этой операции

Инструктаж караула от второй роты,
еще все живы и здоровы...

*Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)*

Спустя тридцать лет 29.10.2011года. Генерал М. Бекбоев со своими бойцами. Сайлау Кайранбеков и Ерсин Идрисов (с фотоаппаратом)

Полковник А. Жантасов с внуком Даулетом 2011год.

Основное вооружение и техника отряда в период войны в Афганистане.

Пистолет Макарова (ПМ)

Самозарядный пистолет, разработанный советским конструктором Н. Ф. Макаровым в 1948 году, личное оружие в советских ВС, милиции и внутренних войсках.

Отличительные черты «Макарова» — исключительная простота конструкции и минимум деталей. Многие детали исполняют сразу несколько функций. «Макаров» очень редко отказывает, а в случае поломки полностью разобрать пистолет можно без применения инструментов.

Автоматы Калашникова: АК-74, АКС-74, АКС-74У

АК-74 — автомат калибра 5,45 мм, принятый на вооружение советской армии в 1974 году.

Легкое оружие (экономия массы в 1,4 кг при носимом боекомплекте в 8 магазинов) с хорошей дальностью стрельбы: по одиночным наземным и воздушным целям — 500 м, по наземным групповым целям — 1000 м.

АКС-74 — вариант АК-74 со складывающимся вбок металлическим прикладом треугольной формы. Создан для использования в воздушно-десантных войсках (автомат с нескладывающимся прикладом нельзя удоб-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

но и безопасно расположить в подвесной системе парашюта).

Ручной пулемет Калашникова РПК-74

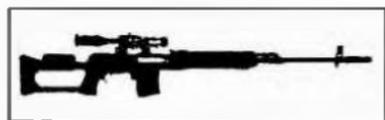
Принят на вооружение в 1974 году вместе с автоматом АК-74. Его основные достоинства — унификация с базовым автоматом Калашникова, небольшая масса и сравнительно невысокая стоимость. Дальность стрельбы по одиночным наземным целям — 600 м, по воздушным целям — 500 м, по групповым наземным целям — 1000 м.

Пулемет Калашникова (ПК)

ПК был принят на вооружение Советской Армии в 1961 году. Использует газоотводную автоматику, огонь ведется только очередями. В пехотном и бронетранспортерном вариантах пулемет оснащен складной сошкой, скелетным прикладом и пистолетной рукояткой.

Снайперская винтовка Драгунова (СВД)

7,62 мм самозарядная снайперская винтовка. Для стрельбы из СВД применяются винтовочные патроны с обыкновенными, трассирующими и бронебойно-зажигательными пулями, а также снайперские патроны.

Со снайперским патроном СВД позволяет поражать одной пулей голову противника — с 400 метров, бегущую фигуру — с 800 метров.

Амангельды Жантасов

Подствольный гранатомет ГП-25 «Костер»

Однозарядный 40-мм гранатомет, предназначен для использования в комплексе с автоматами АКМ, АКМС, АК-74. Используется для уничтожения живой силы противника и небронированной техники. Максимальная прицельная дальность как настольной, так и навесной стрельбы составляет 400 м, минимальная дальность навесной стрельбы — 150-200 м.

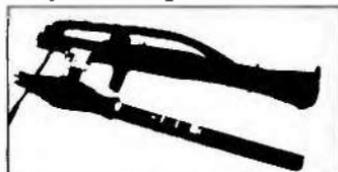
Автоматический станковый гранатомет АГС-17 «Пламя»

30-мм автоматический станковый гранатомет. Принят на вооружение в 1971 г. Предназначен для вооружения пехотных рот, для уничтожения незащищенной живой силы противника. Эффективен при накрытии площадных незащищенных целей и скоплений живой силы.

Огонь ведется с треножного станка. Для дальней стрельбы используется призменный оптический прицел ПАГ-17 с 2,7-кратным увеличением.

Ручной противотанковый гранатомет РПГ-7

Ручной противотанковый гранато-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

мет для стрельбы активно-реактивными гранатами, легкое оружие без отдачи при выстреле. Предназначен для борьбы с танками, самоходно-артиллерийскими установками и другими бронированными средствами противника. Кроме того, он может быть использован для уничтожения живой силы противника, находящейся в легких полевых укрытиях, а также в сооружениях городского типа.

Ручная граната РГД-5

Советская осколочная ручная граната дистанционного действия наступательного типа. Граната РГД-5 разработана и поставлена на вооружение после Второй мировой войны, опыт которой показал, что дальность разлёта осколков советской наступательной гранаты РГ-42 нередко превышала дальность броска, создавая угрозу поражения метателя.

Ручная граната РГ-42

Осколочная граната, предназначенная для поражения живой силы и военной техники противника на близких расстояниях. Радиус разлёта осколков составляет 25-30 метров, дальность броска достигает 35-40 метров.

Ручная граната Ф-1

Ручная противопехотная граната, известная также как «лимонка». Предназначена для поражения живой силы в оборонительном бою. Из-за значительного радиуса разлёта осколков метать её можно только из-за укрытия, с бронетранспортёра или из танка.

Автомобиль УАЗ-469

Легковой автомобиль повышенной проходимости. УАЗ-469 был разработан для транспортировки грузов, людей и буксирных трейлеров на всех типах дорог. УАЗ-469 похож на американский джип — крепкий автомобиль, который в состоянии ездить вне дорог.

УАЗ-469 перевозит 7 пассажиров и 100 кг багажа или двух пассажиров и 600 кг багажа.

Боевая машина пехоты БМП-1

Первая советская боевая бронированная гусеничная машина, предназначенная для транспортировки личного состава к переднему краю, повышения его

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

мобильности, вооруженности и защищенности на поле боя и совместных действий с танками в бою. Принята на вооружение Советской Армии в 1966 году.

Вооружение БМП-1 включает 73-мм гладкоствольное орудие 2А28, спаренный пулемет 7,62-мм ПКТ и противотанковый управляемый ракетный комплекс 9М14М «Малютка», также в десантном отделении крепится и перевозится Зенитно-ракетный комплекс 9К32 «Стрела-2».

Боевая машина пехоты БМП-2

Советская боевая бронированная гусеничная машина, дополнительно оборудованная для того, чтобы обеспечить защиту в условиях применения ядерного оружия.

Основное отличие от БМП-1 состоит в более крупной башне и другом комплексе вооружения. Башня вмещает двух человек: командира отделения и наводчика-оператора. Основное вооружение — автоматическая 30-мм пушка 2А42. Пушка позволяет вести огонь из БМП-2 по воздушным целям. БМП-2 принята на вооружение в 1977г.

Для ведения боевых действий в Афганистане в 1981 году был разработан «афганский вариант» БМП-2 — БМП-2Д, не плавающая машина с усиленной броней.

Боевая машина десанта БМД-1

Боевая советская гусеничная плаваю-

Амангельды Жантасов

шая машина, предназначена для использования в воздушно-десантных войсках и десантирования парашютным или посадочным способом с военно-транспортного самолета типа Ан-12. БМД-1 оснащена 73-мм гладкоствольным орудием 2А28, а также спаренным 7,62-мм пулеметом ПКТ и противотанковым ракетным комплексом 9М14М «Малютка» с тремя боекомплектами.

Бронетранспортер БТР-60

Советский бронетранспортер. Создан в 1956-1959 годах для оснащения мотострелковых подразделений и замены в них устаревшего БТР-152, от которого он отличался значительно улучшенной проходимостью, позволявшей ему следовать за танками на поле боя, и способностью плавать. Являлся основным бронетранспортером советских мотострелковых частей в 1960-е годы, в 1970-е — 1980-е был в основном вытеснен БТР-70 и БТР-80.

Самоходная зенитная установка ЗСУ-23-4 «Шилка»

Советская зенитная самоходная установка, вооружена счетверенной автоматической 23-миллиметровой пушкой. Скорострельность установки — 56 снарядов в секунду. Наводиться на цель может вручную, полу-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

автоматически и автоматически. В автоматическом режиме используется штатная радиолокационная станция «Шилки». Предназначена для непосредственного прикрытия наземных войск, уничтожения воздушных целей на дальностях до 2500 метров и высотах до 1500 метров, летящих со скоростью до 450 м/с, а также наземных (надводных) целей на дальности до 2000 метров с места, с короткой остановки и в движении. Экипаж — 4 человека: командир, оператор поиска, оператор дальности, механик-водитель.

Противопехотная мина ПОМЗ-2

Мина противопехотная осколочная натяжного действия. Предназначена для выведения из строя личного состава противника. Поражение человеку (или нескольким одновременно) наносится осколками корпуса мины при ее подрыве в тот момент, когда солдат противника, зацепившись ногой за проволочную растяжку невольно выдернет боевую чеку взрывателя.

Мина устанавливается вручную на вбитый в грунт деревянный колышек, который входит в комплект мины.

Срок боевой работы мины не ограничивается. Самоликвидатором мина не оснащается. Элементов неизвлекаемости и необезвреживаемости не имеет, однако очень высокая чувствительность взрывателя МУВ (если используется он) делает обезвреживание мины крайне опасным

Мина состоит из чугунного корпуса, имеющего по внеш-

Амангельды Жантасов

ней стороне насечки, взрывателя серии МУВ с Р-образной чекой, запала МД-2, тротиловой шашки 75гр., двух деревянных колышков и отрезка проволоки длиной 8,3м.

Мина ПОМЗ-2 широко применялась и нашими саперами и немецкими во время Второй Мировой войны. У немцев она носила название «Stockmine».

Тактико-технические характеристики мины

Тип мины.....противопехотная
осколочная кругового поражения.

Корпус.....чугун.

Масса корпуса (без ВВ).....1.5 кг.

Масса взрывчатого вещества (тротил)....75 гр.

Диаметр.....6 см.

Высота корпуса.....13 см.

Длина датчика цели (в одну сторону)....4м.

Чувствительность.....1 - 17 кг.

Радиус сплошного поражения.....4м.

Температурный диапазон применения...-60 +60 град.

Степень безопасности установки мины зависит от типа взрывателя серии МУВ. Например, при использовании взрывателей МУВ-2, МУВ-3 с момента выдергивания предохранительной чеки до момента постановки взрывателя на боевой взвод в зависимости от температуры окружающей среды проходит от 3 мин. (при +40град.) до 59 часов (при -40 град.).

Мины упаковываются в ящики по 22 шт. (масса брутто 50 кг.) не окончательно снаряженными.

Более новый вариант мины под индексом ПОМЗ-2М отличается от ПОМЗ-2 тем, что на корпусе сверху есть резьба в отверстиях для взрывателя, а прилив отсутствует В этом случае со взрывателем серии МУВ применяется запал МД-5М , взрыватель свинчивается с запалом и последний ввинчива-

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

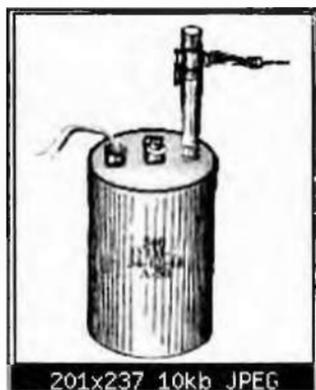
ется в корпус мины, а не вставляется, как в mine ПОМЗ-2.

В настоящее время мина ПОМЗ-2 не производится, в табелях снабжения войск не числится, однако все ее комплектующие кроме чугунного корпуса числятся в табелях как минно-подрывное имущество и широко применяются в иных минах, подрывном деле. А производство чугунных корпусов можно организовать в считанные дни или даже часы. Поэтому с вооружения армии эта мина не снята.

Заметки на полях. Мина ПОМЗ-2 широко применялась и нашими саперами и немецкими во время Второй Мировой войны. У немцев она носила название "Stockmine".

К вопросу о заключении Конвенции о запрещении производства и применения противопехотных мин. Мину типа ПОМЗ легко производить в самых примитивнейших полевых условиях. Возможен ли хоть сколько-нибудь действенный международный контроль за соблюдением Конвенции? Думаю нет.

Противопехотная мина ОЗМ-3

Мина противопехотная осколочная кругового поражения выпрыгивающая двойного действия. Может применяться как мина натяжного действия, как управляемая или же одновременно и натяжного действия и управляемая. Предназначена для выведения из строя личного состава противника. Поражение человеку (или несколь-

Амангельды Жантасов

ким одновременно) наносится осколками корпуса мины при ее подрыве на высоте 40-140см. от поверхности земли после подбрасывания ее пороховым вышибным зарядом, который срабатывает в тот момент, когда солдат противника, зацепившись ногой за проволочную растяжку невольно выдернет боевую чеку взрывателя, или же с пульта управления поступит электроимпульс на воспламенитель вышибного заряда.

Срок боевой работы мины не ограничивается. Самоликвидатором мина не оснащается. Элементов неизвлекаемости и необезвреживаемости не имеет, однако очень высокая чувствительность взрывателя МУВ (если используется он) делает обезвреживание мины крайне опасным. Может устанавливаться на неизвлекаемость с помощью мины-сюрприза МС-3 или же самодельных мин-сюрпризов.

Радиус сплошного поражения.....	9м.
Чувствительность.....	1 - 17 кг.
Высота подрыва.....	40-140см.
Температурный диапазон применения.....	-60 - +60 град.

Противопехотная мина МОН-50

Мина противопехотная осколочная направленного поражения управляемая. Предназначена для выведения из строя личного состава противника. Поражение человеку (или нескольким одновременно) при взрыве мины наносится готовыми убийными элементами (шарики или ролики) вылетающими в направлении противника в секторе по горизонту 54 градуса на дальность до 50 метров. Высота

Отряд Кара-майора (мусульманский батальон)

сектора поражения от 15 см. до 4 метров на предельной дальности. Взрыв производится оператором с пульта управления при появлении противника в секторе поражения, или же при задевании солдата противника за обрывной датчик взрывателя МВЭ-72, или же за натяжной датчик (проволочку) взрывателя серии МУВ. Сама мина взрывателями не комплектуется, а имеет в верхней части два гнезда с резьбой под запал МД-2 или МД-5М, электродетонатор ЭДП-Р. Таким образом мина может приводится в действие одним из двух способов.

Время боевой работы мины не ограничивается. Элементов самоликвидации, неизвлекаемости и необезвреживаемости не имеет. Безопасное удаление от мины в тыльную сторону и в боковые стороны определено в 35 метров, однако боевая практика показывает, что уже на расстоянии 12-15 метров осколков корпуса, летящих в тыл и в стороны можно не опасаться.

Мина устанавливается вручную на грунт, при этом используются складные ножки. Или же мина может с помощью трубины (типа складного портативного фотоштатива) может крепиться к различным местным предметам или поверхностям. В нижней части корпуса для этого имеется резьбовое гнездо.

Количество убойных элементов 489-540 (шарики или ролики)

Об авторе

Полковник **Жантасов Амангельды Темиржанович**, родился в г. Кокшетау, рос и воспитывался в ауле Акан Кокчетавского района.

В 1973 году окончил среднюю школу. С 1975 по 1979 учился в Новосибирском высшем военно-политическом общевойсковом училище, диплом с отличием. В 1999 году заочно закончил юридический факультет Карагандинского Государственного университета.

В мае 1974 года Кокчетавским городским военным комиссариатом был призван в ряды Советской Армии. Службу начинал рядовым солдатом учебно-мотострелкового полка в пгт. Гвардейский Жамбылской области. В 1975 году с войск поступил в Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. После окончания училища в 1979 году проходил службу в частях Среднеазиатского военного округа.

В октябре 1981 года для дальнейшего прохождения службы в должности заместителя командира роты специального назначения Главного разведывательного управления Генерального Штаба СССР в составе части был направлен на территорию Демократической Республики Афганистан. По возвращению из Афганистана проходил службу в частях Одесского военного округа и в 15-ой десантно-штурмовой бригаде Северной Группы войск (Польша).

С 1990 по 1997 годы служил в ряде военных комиссариатов Республики Казахстан. В 1997 году с должности заместителя Карагандинского областного военного комиссара назначен заместителем командира 78-ой танковой дивизии по воспитательной и социально-правовой работе. В последующем служил заместителем командира 1-го армейского корпуса, заместителем командующего войсками Восточного военного округа Сухопутных войск Республики Казахстан. В 2002 году по выслуге лет вышел в запас.

В настоящее время состоит на государственной службе в одном из управлений акимата Карагандинской области.

Контактный телефон: +7(701)442 28 68

Содержание

Об «афганской войне»	5
Ввод войск. Штурм дворца	8
Отряд «Кара-майора»:	
1. Дорога в спецназ или формирование отряда.....	11
2. Если завтра война, если завтра в поход.....	25
3. За границей люди ходят хмуро.....	29
4. Командир за все в ответе.....	36
5. На защите южных рубежей.....	43
6. Дарзобский поход	62
7. В долине пяти львов.....	87
8. Гульбахор-Кабул-домой!.....	133
О некоторых вопросах организации и проведения партийно-политической работы в условиях войны в Афганистане.....	141
Воспоминания Анатолия Матвийчука	148
Список офицеров и прапорщиков отряда.....	166
Из поэтической тетради.....	170
Основное вооружение и техника отряда.....	220
Об авторе.....	232
Содержание.....	233

Амангельды Жантасов
Отряд Кара-майора
(мусульманский батальон)

Корректор Хамзина Нуршаим Магауқызы
Дизайнер Молбосынова Алия

Данная книга была выпущена благодаря поддержке Мукашева Амангельды Турсуновича и генерального директора медиа-компании «Акарман» Алиева Абая Марамовича, людей, искренне переживающих за будущее нашего государства, и знающих, что настоящее и будущее, всегда строятся на правильном понимании прошлого. Большая помощь была оказана так же и воинами – интернационалистами Карагандинской области. Автор выражает свою благодарность всем, кто поддержал выпуск данной книги, и считает их содействие большим вкладом в дело патриотического воспитания казахстанской молодежи.

Тираж 500
Издано в ТОО «Акарман-медиа»
г. Астана, ул. К.Байсеитовой, 114/2

